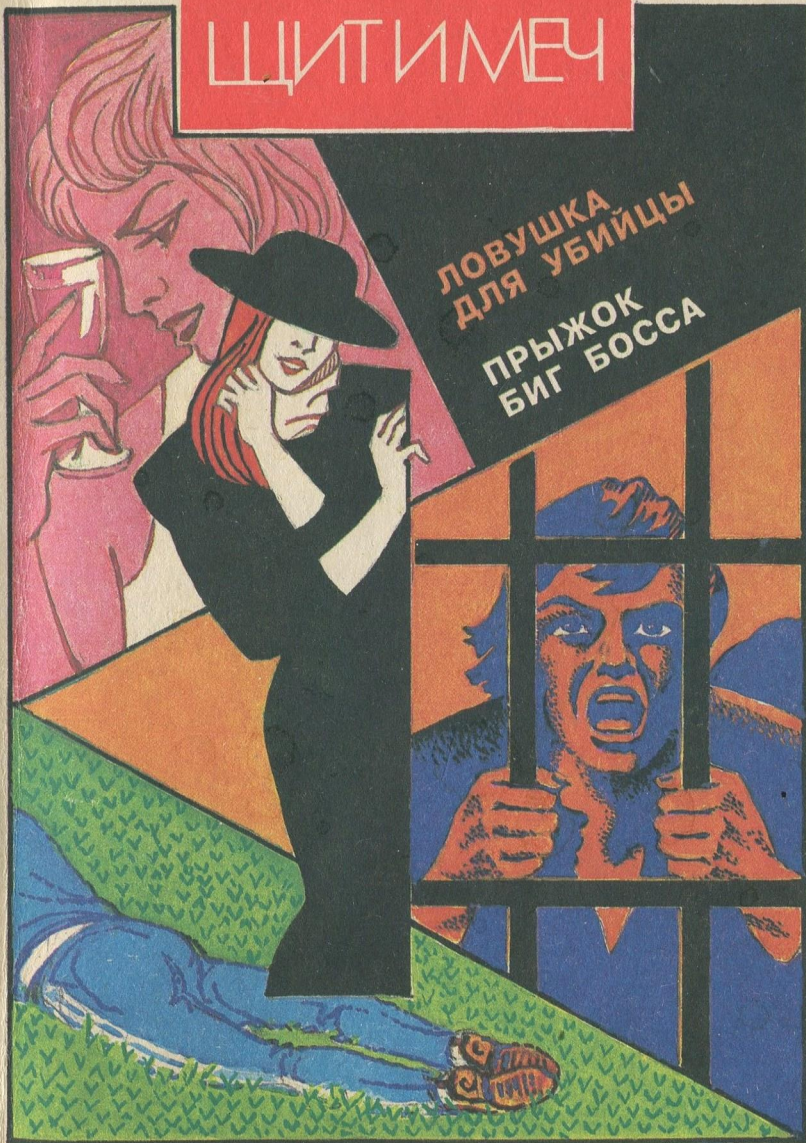

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА
« СОВЕТСКАЯ МИЛИЦИЯ »

ЩИТ И МЕЧ

ЛОВУШКА
ДЛЯ УБИЙЦЫ

ПРЫЖОК
БИГ БОССА

3-1991

**МАЛОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
ПРОЕКТНО-ИЗЫСКАТЕЛЬСКАЯ,
СТРОИТЕЛЬНАЯ
И КОММЕРЧЕСКАЯ ФИРМА
«ИЗЫСКАТЕЛЬ»,**
работающая по государственным и
договорным ценам,

ПРЕДЛАГАЕТ: предприятиям, организациям, совхозам, колхозам, кооперативным формированиям, садоводческим товариществам, отдельным гражданам и иностранным фирмам

СЛЕДУЮЩИЕ УСЛУГИ:

- инженерные и линейные изыскания (геодезия, топография, инженерная геология с полевыми методами исследования грунтов, гидрогеология);
- разработка комплексной проектной документации для строительства объектов агропромышленного комплекса, жилья, соцкультбыта, семейных ферм, садоводческих товариществ, инженерных сетей, проектов мелиорации;
- проектирование и бурение артезианских скважин;
- бурение скважин индивидуального пользования (от граждан принимаются коллективные заявки на 5 и более скважин);
- изыскания и проектирование автомобильных дорог;
- все виды разбивочных и трассировочных работ.

Работы выполняются по передовой технологии на современном оборудовании квалифицированными специалистами в согласованные с Заказчиком сроки.

Наш девиз: СЖАТЫЕ СРОКИ С ГАРАНТИЕЙ КАЧЕСТВА.

Для заключения договора необходимо обращаться по адресу: Москва, Бакунинская ул., 8, пом. 1, под. 1
Телефоны: 267-71-62, 267-69-37.

**БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ МИЛИЦИЯ»
3/69/1991 г.**

**Виталий СМИРНОВ
ЛОВУШКА ДЛЯ УБИЙЦЫ
РОМАН**

**Платон ОБУХОВ
ПРЫЖОК БИГ БОССА
ПОВЕСТЬ**

© Библиотечка журнала
«СОВЕТСКАЯ МИЛИЦИЯ», 1991

Москва, 1991

ЛОВУШКА
ДЛЯ УБИЙЦЫ

РОМАН

Павел Иванович проснулся внезапно, будто кто-то тронул его за плечо. Вокруг было тихо и темно. Только из соседней комнаты доносилось ровное дыхание жены. До рассвета еще далеко...

Осторожно, чтобы не за скрипели пружины, поднялся и сел, нащупал босыми ногами тапочки.

Как он и предполагал, часы показывали без четверти два.

Наскоро умывшись, Павел Иванович облачился в старые темно-синие брюки и пеструю рубашу. В маленькой кухонке справа от стола нашел свою «хитрую» сумку. Небольшая на вид, она вмещала на самом деле больше ведра грибов и была незаменима в лесных походах.

Есипов, бывший начальник УГРО области, старый оперработник, вот уже третий год на пенсии. И такие ранние походы за грибами — чуть ли не самая главная страсть неспешной стариковской жизни.

Его еще хватало на общественные дела, на книги и, конечно, на походы за грибами. Первое время Есипов частенько навещался в управление, да и сослуживцы его не забывали: звонили, иногда консультировались по старой памяти, если возникала сложная ситуация. Ему это было приятно. И все-таки он вел жизнь пенсионерскую, в которой было много свободного времени.

Вот и сегодня предстоял грибной день. Наскоро позавтракав, Павел Иванович вышел на улицу.

Путь до грибных мест был не близкий. Павел Иванович миновал кладбище, лес, топкие места у пруда, вышел к дачам и, наконец, очутился на асфальтированной дороге.

Восток, между тем, наливался красками, оживал...

Стало светлее. Четче проступили очертания легких дачных домиков справа. Есипов начал различать травинки на обочине дороги.

В общем, все чередовалось как всегда. Обычно на этом месте Павла Ивановича настигали бегающие трусцой. Бегали всегда одни и те же люди. И Павел Иванович воспринимал их уже как своих знакомых.

И правда, сзади послышалось мерное постукивание, и его обогнала уже примелькавшаяся за последнее время пара — скорее всего, муж и жена.

Обычно следом бежал седой сухопарый, но еще бодрый старикан. Он бежал в импортном темно-синем костюме с широкими лампасами. Трусил довольно легко, и Есипов услышал его приближение только когда тот почти догнал его.

За ним следовало ожидать трех спортсменов, видимо, тренирующихся здесь систематически. Они бегали по-настоящему, упруго, спорно. Работали.

Когда и они обогнали Есипова, он снова остался один на один с рассветом, дорогой, крохотными садиками, обступившими асфальтированную ленту шоссе.

Впереди уже виднелся поворот на грунтовку, ведущую в поселок Ключары. Навстречу ему, возвращаясь, протрусили муж и жена, потом сразу за ними три парня-спортсмена. Шагая к Березовой роще, самому грибному в округе месту, Есипов вдруг поймал себя на мысли: «А старикан где-то запропастился... Все вернулись, а его нет...»

Но мысль эта только мелькнула и пропала. «Мало ли что? Может, у него дача в Ключарах», — подумал еще Павел Иванович, углубляясь в лес.

Между тем под ногами стало похлупывать. Дождь был давно, а здесь все еще сыро, и Павел Иванович прибавил шаг.

Выискивая подходящую палочку, незаменимую «помощницу» настоящего грибника, он не забывал поглядывать в травяные заросли. Вскоре ему попались два отличных молоденьких подосиновика.

Начинались грибные места. И почти сразу Есипов заметил прямую, в палец толщиной, вполне подходящую орешину. Тогда Павел Иванович стал раздвигать ногами траву, чтобы добраться до самого корневища облюбованного отростка, и неожиданно увидел сначала одну, а затем другую человеческую ногу, вернее ступни, обутые в новенькие коричневые с белым кроссовки. Ноги в шерстяных, с модными лампасами темно-синих тренировочных брюках терялись в траве с противоположной стороны куста.

Мгновенно забыв о палке и о грибах, Павел Иванович выпрямился и обвел взглядом окружавшее его хмурое разноразное, — сориентировался. Получалось, он только что пересек старую заброшенную дорогу, заросшую травой, и находился уже за поворотом, который делает она совсем рядом с основным грунтовым большаком, ведущим в Ключары. Осинник здесь сменили редкие дубки и липы, между которыми кудрявились кусты ореха.

Сейчас, оглядываясь вокруг совсем другим, внимательным взглядом, Павел Иванович заметил справа от себя характерные и совсем свежие следы волочения чего-то тяжелого — скажем, туго набитого мешка или человеческого тела...

Минуту постояв и зафиксировав в памяти увиденное, старый оперативник, не пересекая обнаруженный след, обошел куст орешника слева и без труда нашел за ним в примятой истоптанной траве мертвое тело. К этому месту его, видимо, тащили за ноги, перевернув лицом вниз. В подобном способе транспортировки, должно быть, имелся наивный расчет — обезобразить лицо, чтобы затруднить опознание. Но Павел Иванович, даже не перевертывая тело лицом вверх, сразу узнал покойника: в траве за кустом лежал, несомненно, тот самый сухопарый старик, пробежавший вслед за супружеской парой. Седая, коротко стриженная шевелюра, примелькавшийся темно-синий тренировочный костюм не оставляли сомнений.

Чуть ниже левой лопатки убитого запеклось грязновато-бурое пятно — след ранения. Скорее всего, его убили ударом какого-то острого предмета сзади. Есипов, оперативник опытный, знал, как сейчас важно зафиксировать все детали, ничего не упустить. Он еще раз обвел взглядом злополучное место... Так и есть! Как и ожидал Павел Иванович, от истоптанного участка, где он обнаружил труп, в глубь леса вела цепочка следов, хорошо обозначившаяся в высокой траве. Следы оказались совсем свежими и по ним было ясно видно, что убийца действовал один.

Есипов произвольно погладил затылок, поглядел в ту сторону, куда уходили следы: так что же, преследовать его? И тут же опустил руку, качнул головой. Если бы скинуть с плеч лет двадцать... А так не догнать ему того сильного и молодого. «Ты просто потеряешь время, Паша...» — сказал себе Павел Иванович. Нужно было выйти на дорогу, поднять тревогу, вызвать наряд милиции, «своих» ребят...

Есипов, чтобы не путать следы, снова обошел куст тем же путем, который привел его к телу погибшего, и направился к грунтовому большаку, ведущему в дачный поселок Ключары. О грибах он больше не вспоминал.

Необходимо было остановить любую машину, идущую в город. Через пять минут Есипов вышел из леса на грунтовку. И тут ему не повезло: он увидел, как в сторону города уходит синий «Москвич». Кричать было бесполезно — водитель его не мог заметить, и Павел Иванович в сердцах чертыхнулся. «И откуда он взялся, этот «Москвич»? Будто из лесу вынырнул», — подумал Есипов. Теперь на большаке не было ни души. Первый автобус с дачниками и грибниками появится не раньше, чем через час.

Вдруг он услышал звук еще одной приближающейся машины. И действительно, через минуту из-за поворота, со стороны ключаровских дач, вынырнул красный «жигуленок».

Седой, с пошаливающим сердцем, Павел Иванович поношески перепрыгнул через глубокий кювет с водой и выбежал на проезжую часть дороги. Здесь он широко раскинул руки и решительно замер. Взвизгнув тормозами, «жигуленок» остановился.

— Ты какого черта под колеса лезешь? — открыв дверцу машины, заорал на Есипова рыжий. — Все равно не возьму. Я не такси.

— Сбавь обороты, — строго и важно сказал Павел Иванович и, понизив голос, добавил: — Чрезвычайное государственное дело, парень. Секретное, к тому же. Понял?

Есипов по опыту знал, что упоминание о «секретности» действует безотказно. Вот и сейчас лицо водителя вытянулось, на нем отразилось изумление и внимание.

— Секретное, говоришь?

— Секретное не секретное, а я убитого в лесу обнаружил.

— И чего же ты хочешь с ним делать? Уж не ко мне ли в машину затолкать собираешься?

Рыжий снова насторожился.

— Да нет, — успокоил его Есипов. — Я дам тебе номера телефонов, — Павел Иванович извлек из кармана своей рубашки, где лежала стеклянная трубочка с нитроглицерином, крошечный блокнотик, в котором, на всякий случай, были записаны его фамилия, имя, отчество и домашний телефон, раскрыл его на первой попавшейся страничке и написал два номера тоже домашних телефонов сотрудников милиции, а также свою фамилию.

— А на словах скажешь: полковник Есипов обнаружил убитого человека. Куда ехать, объяснишь. Пусть поспешат.

Водитель удивленно хлопал глазами: старик в замызганных брюках оказался полковником! Дела...

— Может, вы сами со мной проедете? — спросил он Есипова, совсем позабыв, что минуту назад кричал: «Все равно не возьму...»

— Нет, друг, — улыбнулся Павел Иванович. — Я здесь останусь. За местом и за убитым присмотреть надо. Однако не теряй времени.

Проводив взглядом «жигуленок», Есипов опять достал блокнотик, записал на всякий случай номер автомашины, посмотрел на часы. Стрелки показывали без трех минут пять.

Еще раз осматрившись, Павел Иванович подумал, что было бы, пожалуй, неплохо найти место, где убитому кто-то нанес роковой удар. По обеим сторонам дороги тянулись кюветы-канавы. Прорыли их давно и так же давно они перестали выполнять свои обязанности — обеспечивать сток дождевых и вешних вод. Кое-где кюветы затянуло илом и глиной, время еще больше углубило их и там неделями кисла позеленевшая вода.

Возле одной такой канавы он и стоял.

Но тренировочный-то костюм на убитом остался сухим... Значит, трагедия случилась не здесь.

И Павел Иванович зашагал дальше, в сторону ключаровских дач, и метрах в ста, там, где березовая роща вплотную подходила к дороге, увидел сухой кювет с пологими краями. Есипов удвоил внимание. Шагая по колее, накатанной автомашинами, он смотрел влево от себя. Дождь, прошедший четыре дня назад, стер все старые следы на обочине. Ровный, немного зернистый суглинок был чист. И только в одном месте...

Павел Иванович остановился.

Да, по-видимому, все произошло именно здесь. Сначала Есипов увидел человеческие следы на суглинистой обочине. Одни — явно оставленные кроссовками, другие — широкие, с угольчатыми ребристыми отпечатками, скорее всего, от мужских резиновых сапог. Чуть в стороне от следов сиротливо белела только-только раскуренная сигарета с желтым ободком фильтра. Ее выбросили почти сразу же после того, как прикурили.

А вот и вмятина на суглинке. Около нее кое-где побуревшая земля, которую явно старались затереть сапогами.

От вмятины по суглинку, через сухой пологий кювет шел след волочения и далее терялся в лесу. Павел Иванович уже не сомневался, что след этот приведет его к кусту орешника, за которым лежит труп. Так и получилось. По пути, в нескольких местах, Есипов видел бурые пятна и брызги, похожие на запекшуюся кровь. «На обочине дороги, — сообразил старый оперативник, — убийца затер следы крови своими сапожищами, а здесь, скорее всего, просто не обратил внимания на предательские капли, обозначившие последний путь жертвы».

Решив больше не ждать у моря погоды, Павел Иванович двинулся навстречу оперативной группе. Однако сделал не больше десятка шагов и увидел вынырнувший из-за поворота ми-

лицейский микроавтобус. Первым из него выскочил капитан Безуглый.

Не дав тому даже поздороваться, Есипов схватил его за руку:

— Ты внимательно смотрел за дорогой, Тимур? Синий «Москвич» вам навстречу не попался?

— Нет, Павел Иванович, дорога почти пустая. Синего «Москвича» точно не было.

— Понятно.

Из микроавтобуса выглянул Рокотов, следователь городской прокуратуры. На его заспанном лице появилось подобие улыбки.

— Приветствую пенсионера!

За Рокотовым показались незнакомые эксперты, кинолог Суворов, младший лейтенант (кажется, Павел Иванович пару раз видел его в управлении) и, наконец, Сережа Пряхин.

Начиналась обычная работа.

СИМОНОВ И КУРБАТОВА

В половине седьмого старшему лейтенанту Симонову, дежурному Промышленного районного отдела внутренних дел Энска, позвонил дежурный по управлению области (в Энске, разделенном на три района, горотдела не было, его функции выполняло областное управление). Он сообщил, что в лесу, у дороги, ведущей к дачному поселку Ключары, обнаружен труп неизвестного гражданина в возрасте пятидесяти пяти — шестидесяти лет, одетого в темно-синий тренировочный костюм с широкими лампасами и коричневые с белым кроссовки.

— Приказано оповестить об убийстве все райотделы города. Может быть, кто-то заявит о пропаже мужа, отца, понимаешь? Убитый-то трусцой бегал! Его незадолго до смерти Есипов видел.

— Есипов — это бывший начальник уголовного розыска, что ли? — спросил Симонов, который в Энск перевелся недавно и Есипова знал только понаслышке.

— Он самый. Еще тот мужик! — ответил дежурный и положил трубку.

В левом углу комнаты, занимаемой дежурной частью райотдела, сидела за пультом связи сержант Дудина. Она отвечала на вызовы по «02».

— Слышишь, Дудина, — обратился к ней старший лейтенант, — убийство произошло!

«А почему бы и нет? — подумал Симонов, — наш-то район ближе других расположен к дороге на Ключары...»

Между тем Дудина, прижав микрофон рукой, выпрямилась:

— Гражданка с Пролетарской, дом 11, квартира 34 заяв-

ляет, что у нее муж пропал. Побежал трусцой. Часа полтора, как вернуться должен, а его нет и нет.

Сонная морока мгновенно оставила Симонова.

— Говоришь, Пролетарская, дом 11? — переспросил он и тут же приказал: — Передай, пусть ожидает машину у подъезда. Как ее фамилия, кстати?

— Курбатова.

— Хорошо, Дудина, передавай.

Помощница Симонова опять склонилась к микрофону, а старший лейтенант вышел на связь с патрульными машинами. Но не успел он переговорить с ними, как его вновь отвлекла Дудина:

— Курбатова говорит, товарищ Симонов, что машины ей не надо. Она сейчас подъедет.

«Странная эта Курбатова, — подумал Симонов, — сразу в милицию стала звонить, а дорогу, по которой муж бегаёт, не проверила. Может быть, у муженька-то ее просто сердце прихватило, вот он и отсиживается где-нибудь на обочине. А она сразу в милицию... Тем более, у нее и машина под рукой». Он стал пространно докладывать о звонке дежурному по управлению.

— Ты вот что, Симонов, подробно опроси гражданку, — перебил его управленец. — А о происшествии в Березовой роще ей пока ни слова. И жди дальнейших указаний.

Симонов встал и подошел к окну. Утро было чудесное, ясное, тихое. По тротуарам, отделённым от здания райотдела густой зеленой изгородью, шли первые прохожие...

Движение на улицах не набрало еще полную силу. Мимо райотдела проезжали, главным образом, полупустые автобусы и троллейбусы — видимо, только что из парка. Лишь изредка проносились легковушки и поэтому синий «Москвич», подкативший к подъезду управления, Симонов заметил еще издали.

В «Москвиче» сидели мужчина и женщина. Оба молодые — лет по тридцать с небольшим. «Если убитому было лет шестьдесят, — подумал Симонов, — вряд ли это его жена. Скорее всего, наклеивается еще одно происшествие...»

Кроме того, женщина в машине убитой горем не казалась. Вот она улыбнулась, успокаивающим движением дотронулась до руки водителя, лежащей на баранке, и пошла к подъезду.

Дверь в комнату Симонова открылась и в ее проеме показалась та самая женщина, которую он разглядывал минуту назад. Сейчас на ее смуглом лице, обрамленном роскошными темно-каштановыми волосами, не было и тени улыбки. Холодные карие глаза под несколько вскинутыми полудужьями хорошо очерченных бровей смотрели на старшего лейтенанта внимательно и настороженно.

— Я Курбатова, — сказала она. — Это я звонила вам.

Вглядевшись в нее, Симонову неожиданно показалось, что он знаком с этой женщиной, — так живо она напоминала ему кого-то. Но кого? Доискиваться до ответа на возникший вопрос было некогда и он сказал:

— Проходите, товарищ Курбатова, — и показал на рядок стульев у стены.

Она села, привычным движением головы встряхнула свою пышную шевелюру и спросила:

— А почему вы велели мне подъехать в отдел? Вы что, нашли моего мужа?

Симонов остановил ее:

— Сначала давайте установим: кто ваш муж? Его возраст, приметы, что с ним случилось?

Курбатова вновь непроизвольно тряхнула головой, лицо ее стало несколько отрешенным. Выражение тревоги, появившейся внезапно на этом лице, казалось каким-то случайным, чужеродным, а вот голос, немного резкий, даже вызывающий, не изменился, остался прежним.

— Мой муж, Виктор Сергеевич Курбатов, шеф-повар кооперативного кафе «Южное». Он тысяча девятьсот двадцать шестого года рождения. Рост сто семьдесят три сантиметра. Сухощав. Строен. У него коротко стриженные седые волосы. Одет в темно-синий тренировочный костюм с широкими модными лампасами, импортные кроссовки, на левой руке ручные часы, тоже импортные, стоимостью в двести пятьдесят рублей...

Все это она произнесла без всякого душевного волнения, четкими, будто заранее заученными фразами. Симонов слушал ее, записывал, а сам мучился вопросом: «На кого же она все-таки похожа? На кого?»

— Обычно Виктор Сергеевич бегал трусцой примерно час. Всегда возвращался не позже пяти, — продолжала Курбатова. — Вы понимаете, работа в кафе, да еще кооперативном, требует от шеф-повара и раннего прихода на производство, и больших физических сил. Поэтому Виктор Сергеевич держал себя в форме...

Симонов уже понял, что Курбатова ведет речь именно о том человеке, труп которого обнаружили в Березовой роще. Но спросил он ее о другом:

— А почему вы говорите о Викторе Сергеевиче в прошедшем времени: «был», «держал», «бегал»?

Вопрос Симонова застал Курбатову, по-видимому, врасплох. Она вся напряглась.

— Как почему? — вопросом на вопрос ответила она, скорее всего, чтобы выиграть время. — Сейчас (она взглянула на крошечные золотые часики), сейчас без трех минут семь, а его все нет. Вы понимаете? Нет!

— Человек он, по вашим словам, пожилой. Может быть, у него просто прихватило сердце? Сидит он сейчас где-нибудь у дороги и ожидает помощи... Почему бы вам не проехать по дороге, по которой бегают ваш муж? Ведь вы знаете, где он бегает?

Она явно растерялась, помедлила с ответом, но быстро нашлась:

— Знаю, конечно. Но мне это как-то не пришло в голову! Испугалась я, подумала о самом страшном. Столько хулиганья развелось! Вот и потеряла голову.

Но Симонову она «потерявшей голову» не казалась. Он хотел задать ей еще какой-то вопрос, но в это время замигал огонек вызова и мягко «запел» зуммер. Симонов переключил свое сложное переговорное устройство на обыкновенный телефон и поднял трубку. Краешком глаз он заметил, как вспыхнули глаза Курбатовой. Она, безусловно, проявляла повышенный интерес к предстоящему разговору.

— Слушай, Симонов, — донесся до него голос дежурного по управлению. — Тело убитого уже в морге. Капитан Безуглый и следователь Рокотов сейчас подъедут.

— Понял, — ответил Симонов в трубку и, вновь обратившись к Курбатовой, сказал: — Давайте будем оформлять ваше заявление об исчезновении мужа, гражданка. Потому что порядок есть порядок: чтобы искать его, у нас должны быть официальные основания.

Симонов выдвинул ящик стола и достал из него несколько листов чистой бумаги, а когда стал подавать их посетительнице, то чуть не хлопнул себя рукой по лбу — женщина была удивительно похожа на начальника областного управления внутренних дел генерала Хорина. У нее даже было точно такое же высокомерное выражение лица. Вздурораженный своим открытием и неволью возникшими в связи с ним мыслями, старший лейтенант, передавая Курбатовой бумагу, спросил:

— Кстати, товарищ Курбатова, вы не родственница Семена Семеновича Хорина?

Женщина удивленно вскинула брови:

— А кто такой этот Семен Семенович?

«Вот тебе и на», — в свою очередь удивился Симонов, но ответил весьма уклончиво:

— Да так. Есть у меня, знаете, один такой очень хороший знакомый.

Курбатова еле приметно пожала плечами и принялась писать заявление о пропаже мужа.

НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Есипов повел приехавших к месту разыгравшейся трагедии. Двигались цепочкой: впереди Павел Иванович, за ним Безуглый, Рокотов, эксперт-криминалист, за ним Сережа Пря-

хин, судмедэксперт, молоденький младший лейтенант и кинолог Суворов со своим верным помощником Абреком.

За несколько шагов до того места, где Павел Иванович обнаружил следы кроссовок, резиновых сапог и затертую кем-то побуревшую суглинистую землю, он остановился. Безуглый и Рокотов встали справа и слева от него, а к ним вплотную приблизились остальные.

Начался один из самых ответственных моментов следствия: осмотр места происшествия. Есипов, как никто другой, по многолетнему опыту знал цену каждой детали, отраженной в протоколе осмотра места преступления. Каждая находка могла стать решающим вещественным доказательством.

Рокотов чуть выдвинулся вперед. В руках у Пряхина появился большой блокнот с жесткими картонными корками. Младший лейтенант щелкнул замком специального следственного чемоданчика. В руках у эксперта-криминалиста появился фотоаппарат.

Есипов обратил их внимание на затертую кем-то побуревшую землю, на следы кроссовок и угольчато-ребристых отпечатков резиновых сапог. Указал на брошенную сигарету...

— Пряхин! — приказал Безуглый, — сигарету осторожно, щипчиками в конверт. А вы, младший лейтенант, загипсуйте следы сапог и кроссовок.

— Одну минуту, — подал голос криминалист. — Сначала я, с вашего позволения, все сфотографирую.

— Тогда обратите внимание на вмятину у обочины, — сказал Рокотов. — Она очень красноречива: похоже на след упавшего тела.

Рокотов тронул Есипова за локоть:

— А откуда на дороге появились сапоги, Павел Иванович? Как вы думаете? Кроссовки — понятно. А сапоги?

Есипов нахмурил мохнатые брови: действительно, откуда?

Он знал: супружеская пара бегала только до конца асфальтированной дороги, трое бегунов-спортсменов до последнего поворота ключаровской дороги, а старик — до ближайшего. Если бы убийца шел от ключаровских дач, он неизбежно встретился бы с бегунами-спортсменами. Вряд ли это его устраивало: зачем ему показывать кому-то свои приметы. Скорее всего, он до поры до времени скрытно поджидал где-то свою жертву. Есипов так и сказал Рокотову:

— Скорее всего где-то прятался. Поджидал.

Рокотов с безразлично-сонным видом покивал в знак согласия.

— Неплохо все-таки установить: где прятались резиновые сапоги или откуда они пришли?

— Установим, Михаил Федорович, — заверил его Безуглый, — вот ребята, как ищейки вынюхивают.

И действительно, вскоре Суворов и Пряхин обнаружили

цепочку следов с угольчато-ребристыми отпечатками. Они тянулись от сосновых посадок. В том месте деревья подошли почти вплотную к дороге. Кювет был глубоким, но узким. А перед соснами буйно разрослись каким-то чудом оказавшиеся здесь с десяток молодых кустистых шатров ольховника. За ними скрывалась крошечная полянка, истоптанная характерными отпечатками сапог. Видимо, здесь убийца устроил свой наблюдательный пункт. Тут, в ольховнике, Пряхин увидел еще один окурок с желтеньким ободком.

Подошедший Рокотов удовлетворенно покивал, немного оживился и сказал:

— Теперь сомнений нет — убийство умышленное. Здесь преступник поджидал жертву. Но не особенно долго — успел выкурить всего одну сигарету. Значит, за бегунами не один день следили: все было рассчитано.

— Смотрите-ка, а это что такое? — и следователь показал на острый обломок сосновой ветки, немного выдвинувшейся вперед. На ней виднелся клочок коричневатой шерсти. Похоже, кто-то неосторожно зацепился за ветку.

— Пряхин, — распорядился капитан Безуглый, — срежьте, пожалуйста, осторожно.

Вскоре все вернулись к дороге. Пряхин, младший лейтенант Левин и криминалист стали делать замеры расстояний для описания места происшествия и составления плана-схемы. Теперь с лица следователя выражение безразличия исчезло, он весь вроде бы напряжился, движения его стали выверенно-точными, быстрыми. Он диктовал:

— Пишите, Пряхин: «В пяти метрах от следов кроссовок и резиновых сапог, в северо-западном направлении от основной дороги, находится запущенный кювет...»

Покончив с описанием обнаруженных за ольховником следов, коричневой шерстинки, пятна побуревшей земли, характерной вмятины, словом, всех найденных следов и вещественных доказательств, имеющих отношение к совершенному преступлению, оперативники подошли к тянувшемуся в глубь Березовой рощи следу волочения трупа и, внимательно рассматривая каждую травинку, двинулись в лес.

Труп они увидели на том же месте, где его нашел Есипов. Сначала им занялись криминалист и судмедэксперт. Потом убитого внимательно осмотрели Рокотов и Безуглый.

Удар колюще-режущим орудием — ножом или кинжалом — был нанесен сзади, в левое межреберье. Убийца действовал очень рационально, без лишних эмоций. Он нанес всего один удар. Смертельный. Никаких следов ненужной жестокости и садизма, элементы которых часто прослеживаются во время убийств из мести, здесь не было. Похоже на то, что старого бегуна убрали с чьего-то пути, как убирают с дороги предмет, мешающий движению.

Осмотрели спортивный костюм погибшего с двумя карманами на молниях, пустыми на первый взгляд. На всякий случай, как положено, Пряхин расстегнул правую молнию. Действительно, пустой карман блеснул синей шелковой подкладкой. «Богатый костюмчик», — подумал Пряхин, берясь за молнию левого кармана, но увидев уголок плотной зеленоватой бумаги, подозвал эксперта.

— Ого! — обрадовался тот. — Погоди, Сережа, я ее щипчиками.

И он извлек из кармана убитого иностранную купюру.

— Английская, десятифунтовая... — определил криминалист.

Показав ее всем поочередно, он, не выпуская щипчиков из одной руки, другой достал из кармана блокнот и положил зеленоватую бумажку между его листами. Затем вновь приоткрыл карман спортивной куртки и вытащил оттуда все теми же щипчиками развернутую и разорванную узкую полоску бумаги, какими запечатывают новенькие пачки денег, посредине которой твердым почерком было написано: «Тысяча фунтов».

— Дело принимает совершенно неожиданный оборот, — заметил Павел Иванович. — Едва валютчика не приняли за простого пострадавшего.

— Почему же так сразу и «валютчика», Павел Иванович? — недовольным тоном произнес Рокотов.

— А уж это, как вам будет угодно, Михаил Федорович, так и считайте, — ответил Есипов.

— находка Пряхина, — сказал капитан Безуглый, — наводит на мысль, что мы имеем дело с валютчиками.

Собака взяла след и скрылась с кинологом за зеленью молодого подлеска. Левин был отправлен к машине, чтобы связаться с управлением и вызвать «скорую помощь»...

Странное чувство испытывал Есипов. Впервые после ухода на пенсию, он присутствовал при осмотре места происшествия, но в отличие от множества подобных осмотров в прошлом, сейчас он находился здесь в непривычной для себя роли: не то случайного свидетеля, не то стороннего наблюдателя. Теперь работали другие: и Безуглый, и Рокотов знали свое дело и действовали без его, Есипова, подсказки. Он уже не мог вмешиваться в их действия.

Павел Иванович опять вспомнил о синем «Москвиче». Откуда он все-таки взялся? Он видел его издали, уезжающим в сторону города. Но ведь мимо него по дороге он не проезжал. Значит, стоял где-то на обочине? Зачем? Ждал кого-то? Но кого? Может быть, убийцу?

Есипов поделился своими мыслями с товарищами. Решили поискать следы машины. И вот — удача! Буквально через несколько минут обнаружили совершенно свежие отпечатки

протекторов «Москвича» на съезде дороги. А еще метрах в десяти-двенадцати нашли место, где, переехав тропу, проторенную пешеходами, «Москвич» уткнулся в молодую поросль осинника. Слева от обозначившейся колеи, в густой траве, Есипов углядел окурочка сигареты с желтым ободком фильтра, а капитан Безуглый, вернувшийся к полугомому съезду-кювету, немного в стороне от отпечатков колес «Москвича» нашел ребристо-угольчатые следы резиновых сапог. Они были повернуты к большаку.

— Да, похоже, что убийца приехал сюда на этом самом синем «Москвиче», — сказал Рокотов.

— Загипсуем ребристо-угольчатые, эксперты сравнят окурки, тогда и сделаем выводы, — возразил Безуглый.

— Конечно, конечно, — согласился Рокотов. За случайными словопрениями они не сразу увидели Суворова.

Вернулся Суворов с Абреком. Собака уверенно довела своего хозяина до отпечатков протекторов «Москвича» и заметалась, залаяла, — очевидно, след убийцы, сделав порядочный крюк лесом, обрывался там, где стояли розыскники.

— Ну что ж... Бесспорно, синий «Москвич» имеет прямое отношение к убийству: след от труп привел к нему и здесь оборвался, — сказал Рокотов. — Предположим — я владелец «Москвича». Собираюсь возвращаться в город, а ко мне подходит человек в резиновых сапогах, просит: «Подвези, дружище...» и трояк на бензин предлагает. Может такое быть?

— Может-то может, только какого беса тот «Москвич» в таком непонятном месте отирался? Грибные места дальше, дачи — одни проехал, к другим не дотянул. Что ему здесь надо было?

Рокотов начинал горячиться, а Безуглый уверенно возражал:

— Детский вопрос, Михаил Федорович. Во-первых, хозяин «Москвича», может быть, в отличие от Павла Ивановича, новичок в грибном деле. Мест богатых не знает. Увидел лес — свернул. Походил-походил и ни с чем вернулся. А, во-вторых, он мог и не за грибами приехать, а за душицей. Есть такая полезная трава. Здесь ее сколько угодно. Вот и остановился.

Наступила пауза. Пытаясь выиграть время, Рокотов достал из кармана пачку «Беломора», потряхнул ею и предложил Безуглому. Они закурили. И тогда Рокотов сказал:

— Хорошо. Но окурочка сигареты с фильтром ты сам в конвертик положил, Тимур Иванович. Положил?

— Положил. Ну и что? Сейчас каждый второй курящий. Так что окурочка пока не факт. А вот владельца «Москвича» установить бы, безусловно, надо. Если он и не убийца, то во всяком случае вез убийцу или видел его, значит, может описать.

— Эх, — тяжело вздохнул Безуглый, — сколько синих «Москвичей» в городе? Хоть бы какую-нибудь особую приметку.

Тут для старого оперативника настал момент триумфа.

— Послушай, Тимур. Правда, машина была далеко. Да и номерной знак был заляпан здорово: не то плотная пыль, не то засохшая грязь. Я только и разглядел две первые цифры: двойку и семерку.

— Павел Иванович, дорогой ты мой! Да это же здорово! — обрадовался Безуглый.

Подошла машина «скорой помощи».

— Вы как, Павел Иванович, все-таки двинетесь за грибами? — спросил Рокотов.

Есипов махнул рукой:

— Какие сегодня грибы!.. Найдете для старика место в машине?

— О чем разговор! Найдем, конечно.

Через полчаса Есипов был дома. На этот раз без грибов.

МАТЬ И ДОЧЬ

Любовь Михайловна Соколова ехала в Энск к дочери. Нина в очередной раз вышла замуж. Ах, Нина, Нина... Мысли о дочери невольно вернули ее к прошлому, к ее далекой юности.

Она тогда была красивой, и многие парни добивались ее внимания. И надо же, так вышло, что срывавшаяся недотрогой, все отдала она лицемеру и негодяю, своему однокласснику, так незаметно прокрадшемуся в ее душу, сыну уважаемых родителей, Семену Хорину...

Под стук колес вспомнила свою вечную муку, свое падение и выпускной вечер. Глупая девчонка, вообразившая себя взрослой, она тогда позволила Семену в самом конце торжественного застолья уговорить себя и выпила первый в жизни полный фужер застолявшегося шампанского, в который он, незаметно для нее, подлил водки. Сам потом признался.

И тогда все окружающее и сама она вдруг переменялись. Появилась странная легкость в суждениях и в движениях. Она задыхалась после бесконечных танцев, гремела музыка, и Семен уговорил ее пойти подышать свежим воздухом. Потом они куда-то шли, и он о чем-то умолял ее, а она все смеялась, смеялась... Как они очутились в городском саду, Люба не помнила. Поддавшись безотчетному чувству, она сама обняла его и поцеловала.

После той ночи они продолжали встречаться. Тайно от родителей. Почему тайно? Она тогда просто не думала об этом: так хотел он. А через месяц Семен объявил, что едет в Москву, поступать на юридический.

Тогда у нее впервые тоскливо сжалось сердце от дурных предчувствий. «А как же я?..» — спросила она, с жалкой надеждой заглядывая в его глаза. Но он снова стал ее целовать, обнимать, и тревога отступила.

А потом он уехал и как в воду канул: ни одного письма. Когда она почувствовала, что в ней зарождается новая жизнь, сначала обрадовалась: «От него...», а потом испугалась: «Так где же все-таки он?..» Она понимала: ей нужно сообщить ему. Но у нее не было его адреса.

Узнав о Любиной беременности, мать всплакнула, а потом сказала:

— Ну что ж, появится маленький, пойдешь работать. Ничего, проживем.

— А стыд?

— Стыд — это если баловство. А ты ведь любила его?

— Любила, — ответила Люба. А подумала: «И сейчас люблю».

Так появилась на свет Нина.

Правда, рожать Люба поехала все-таки в Свердловск, к тетке — старшей сестре отца. Да так там и прижилась — тетя Лида была больной одинокой женщиной, и у Любы на руках оказалось двое: старая и маленькая.

Мучила нужда — каждая копейка на счету. Помогали картошка и овощи, которые попутной машиной присылала мама. Но когда Нину определили в ясли, и Люба пошла работать, стало полегче. Тогда она приняла почти героическое решение — поступила в политехнический, на заочное отделение. В глубине души она еще надеялась на встречу с Семеном и ей не хотелось отставать от него. Стороной дошла до нее весть о том, что семья Хориных переехала в Москву, и последнее звено, связывающее ее с надеждой на встречу, оборвалось. Однако решения своего Люба не изменила, учиться не бросила. В шестидесятом году она защитилась, стала дипломированным инженером, а Нина пошла в школу.

После окончания школы Нина не стала учиться дальше, моталась по стране — Камчатка, Крым, Подмосковье. Вот теперь Энск. Не так давно пришло от нее письмо: «Опять вышла замуж. Муж намного старше, но так меня любит, что даже взял мою фамилию. Приезжай — сама увидишь». И Любовь Михайловна, бросив все дела, помчалась в Энск.

— Гражданка, возьмите ваш билет.

Она оторвалась от мыслей. Рядом стояла русоволосая, немного курносая девушка в железнодорожной форме.

Любовь Михайловна еще раз посмотрела в окно. Поезд приближался к незнакомому ей большому городу.

Вагон остановился в самом конце платформы. Нину Любовь Михайловна увидела почти сразу. Та шла к ней со стороны вокзала вместе со стройным молодым человеком лет тридцати.

ГЕНЕРАЛ ХОРИН

Семена Семеновича Хорина второй день мучила бессонница. Сердце давила глухая боль. Голова казалась стянутой железным обручем.

Тягостное чувство одиночества охватило Семена Семеновича. Счастлив ли он, генерал Хорин? Ему стало жаль себя. Потому что счастлив он не был. Он знал, что многие завидуют ему: генерал, начальник управления внутренних дел области, депутат областного совета, член обкома партии. Большой человек!

Все это так. Но, боже мой, как он устал постоянно карабкаться вверх и вперед, вперед и вверх!

Детство и юность его прошли на Урале, где отец работал инженером одного из военных заводов. Учился он хорошо. «Старайся», — наставлял отец. И он старался. Семью Хориных в городе уважали. Отечественная война прогремела как-то стороной, почти не задев Сениной юности. Самая красивая девочка школы Люба Соколова удостоила его своего доверия и дружбы...

Юридический он выбрал сам, без подсказки отца. Выбрал обдуманно, потому что оттуда открывался прямой путь в «органы», а, значит, к власти, к успеху. Начал собираться в далекую Москву. Много лет не мог забыть Сенечка душераздирающие сцены прощания с Любой. В них было все: жаркие клятвы, горячие слезы, неутолимые поцелуи и крепкие объятия. Люба верила Хорину. Вся она была любовь. А он уже знал, что прощается с ней навсегда, что их пути разошлись. Не тогда ли он захлопнул ту главную дверь, чтобы шагнуть в одиночество? Но все это он понял позже, гораздо позже!

Молодой, красивый и неглупый старший лейтенант Хорин, попавший по распределению в небольшой областной центр Казахстана, познакомился на торжественном собрании с Лидочкой, дочерью генерала, начальника областного управления министерства охраны общественного порядка — МООП, так тогда стало называться МВД. Партия была очень выгодная, и Семен стал зятем влиятельного лица, кандидатом на выдвижение по должности. Чины и звания сами шли в руки.

Многокомнатный особняк генерала, которым тот пользовался на правах личной собственности, приводил его в восторг. Он без устали разглядывал внутреннюю отделку и обстановку, понимая прекрасно, что все это великолепиие — результат беззащитного мздоимства. И Семен тайно, но дико завидовал возможностям тестя, мысленно примеряя их к себе, и продолжал «карабкаться» по служебной лестнице.

К цели своей он шел не оглядываясь: отворачивался от друзей-неудачников, отталкивал локтями соперников, а при случае мог и невинного сделать виноватым... Умный и расчетливый, Хорин умел видеть на несколько ходов вперед. Потому-то и убедил он еще крепкого в свои шестьдесят шесть лет тестя заранее, не ожидая позорных разоблачений, уйти в отставку «по состоянию здоровья». И тот ушел задолго до того,

как по Казахстану прокатилась очистительная волна разоблачений мздоимцев, взяточников, людей, путающих государственный карман со своим.

Сам Семен Семенович постарался тоже своевременно «унести ноги» из мест, где остались следы его неблагоприятной деятельности. Он благополучно «вынырнул» сначала на Урале, где успел зарекомендовать себя «честным, неподкупным и дельным», а теперь вот уже третий год возглавлял управление внутренних дел области в Эрске.

Семен Семенович задремал только под утро. А уже в половине шестого, задолго до намеченных им семи часов, его разбудил телефонный звонок. Дежурный по управлению доложил, что в лесу, именуемом в народе Березовой рощей, обнаружен труп убитого мужчины. «На место происшествия, — закончил дежурный, — выехала оперативная группа. Ее возглавили капитан Безуглый и следователь городской прокуратуры Рокотов...»

Хорин понял, что больше ему не уснуть, и распорядился:
— Высылайте машину.

Через час, когда генерал Хорин уже сидел в своем кабинете, ему доложили, что поступило заявление от гражданки Курбатовой Нины Семеновны, в котором она сообщает, что у нее не вернулся с бега трусцой муж — шеф-повар кооперативного кафе «Южное», Курбатов Виктор Сергеевич, тысяча девятьсот двадцать шестого года рождения.

— Приметы Курбатова совпадают с приметами погибшего, обнаруженного в Березовой роще, — закончил дежурный.

Семен Семенович чуть приметно поморщился. Из всего услышанного он отметил для себя, что убитый, если все совпадает, шеф-повар кооперативного кафе. Кооперативное движение нынче на плаву, можно сказать, «в моде». Чуть тронь — скажут — «зажимаешь, идешь вразрез с генеральной линией». А этого Хорину ох как не хотелось бы... И решил мудрый Семен Семенович, что ему, пожалуй, следует поступить так, чтобы при любых обстоятельствах он, Хорин, оставался бы в стороне от этого весьма щекотливого дела. Главное — уйти от подробностей. Посидев минуту-другую, поочередно вскидывая то правую, то левую хорошо очерченную бровь, он еще раз взвесил все «за» и «против» и только после этого вызвал дежурного по управлению и приказал:

— Впредь все подробности дела по убийству в Березовой роще докладывайте не мне, а моим заместителям. И не забудьте передать это распоряжение вашему сменщику. Мне сейчас надо сосредоточиться на решении других вопросов.

Дежурный ответил коротким «слушаюсь!»

ИВАН АРСЕНТЬЕВИЧ МОСЛЯКОВ

Иван Арсентьевич Мосляков приехал на жительство в Эрске несколько лет назад уже пенсионером. Когда-то давно рядо-

вому Мослякову, попавшему на фронт в самом конце войны, здорово повезло. В ситуации случайной, в чем-то для него даже позорной, он, восемнадцатилетний мальчишка, заслужил орден Красного Знамени. А вскоре война закончилась. Молодой орденосец, фронтовик без году неделя, Мосляков навсегда связал свою жизнь с армией, дослужился до капитана.

В Энке представительного нестарого мужчину, симпатичного и с целым набором орденских планок на груди, взяли заместителем начальника отдела кадров крупного предприятия. Не прошло и полгода, как он получил отдельную двухкомнатную квартиру. Получил фактически на двоих: на себя и жену. Им, конечно, полагалась однокомнатная, но он вписал в состав семьи и сына, давно жившего отдельно, в другом городе, своей семьей. Словчил, словом. И ничего, прошло!

Начиналась новая жизнь. Ему не было и шестидесяти. Чувствовал он себя отлично. Мог бы работать да работать. Только вот хотелось не столько работать, сколько зарабатывать, получать, иметь.

Вскоре Мосляков понял, что работа в кадрах — золотое дно. От него зависело многое: перемещения по службе, распределение жилья и даже такие мелочи, как оформление отпусков, посылка на учебу, поездки для изучения опыта. Именно эта сторона кадровой работы, понял он, могла дать определенную добавку к окладу.

И он поначалу робко, будто в шутку, намекал кому-нибудь из уходящих в отпуск мастеров, что «было бы не плохо, как водится...» Потом однажды взял деньги за содействие в продвижении по службе. Так и пошло. Иван Арсентьевич развернулся в полную силу.

Года три он жил в свое удовольствие. Заново отделал квартиру. Выложил кухню, ванную, туалетную комнаты изразцовой плиткой. Убрал с пола линолеум и застелил его древесно-волокнистыми плитами. Раздобыл новую мебель, импортные обои, паласы, ковры. Да и старый родительский дом в деревеньке неподалеку от Энска стал, как игрушка.

И все это почти бесплатно, с помощью доброхотов, которым Иван Арсентьевич тоже где-то помог, где-то подтолкнул, а то и просто замолвил словечко. Особенно старался для него Федор Лукич Горбов, когда-то рядовой снабженец, которого Мосляков сумел «двинуть» в замы начальника отдела снабжения.

К тому времени Иван Арсентьевич осмелел или, вернее, обнаглел и уже открыто требовал взятки. В конце концов все эти дела вышли наружу и ему указали на дверь. Правда, без шума: руководство завода не хотело огласки. Ведь речь шла

о коммунисте, бывшем фронтовике, орденоносце. Как-то неудобно такого заслуженного человека увольнять по статье! А Мосляков, получив возможность уволиться «по собственному желанию», тут же попытался пристроиться на кадровую работу в другом предприятии, но номер не прошел: новое начальство, видимо, воспользовалось телефоном и переговорило с его прежним руководством. Так что уверенный в успехе Мосляков получил вежливый отказ.

Тогда он вспомнил, что существуют военкоматы, что он, хотя и отставной, но офицер и пошел к горвоенкому. Полковник, понятно, не стал наводить никаких справок по месту прежней работы Мослякова. Обращение к «гражданским» он считал ниже своего достоинства. Горвоенком видел перед собой нуждающегося в его помощи офицера, ветерана войны. И он помог ему. Мослякова назначили начальником штаба гражданской обороны на крупный завод. В окладе Иван Арсентьевич даже выиграл. Но вскоре понял, что из гражданской обороны шубу не сошьешь. И затосковал. А затосковав — запил. Был, был у Ивана Арсентьевича и этот грешок.

Дело кончилось тем, что его снова уволили. А потом умерла жена и жизнь старика покатилась под откос. На работу устроиться он уже не пытался, опускался потихоньку, пил, ходил грязным, небритым.

Однажды, в минуту тяжелейшего похмелья, к нему неожиданно нагрянул Горбов, его давний знакомец. Нагрянул не один, а с двумя приятелями.

Стояла зима, крутая, морозная. Иван Арсентьевич зажег свет в прихожей, окинул гостей взглядом. Что ж... Люди солидные. Хорошие меховые шапки, пальто — драп, велюр... И ему стало стыдно за свой довольно затрапезный вид, за грязную квартиру...

Самый молодой из троих, хорошо сложенный черноглазый красавец, снисходительно улыбнулся:

— Не смущайтесь, Иван Арсентьевич, чистота не главное! Мы людей ценим не за это.

А самый старший, седоватый, худощавый, но еще довольно крепкий, согласно покивал.

— Мы, собственно, ненадолго, — сказал Горбов.

Иван Арсентьевич взглянул на него. Тот стоял за столом против Мослякова, двое других устроились на диване.

— Вот что, Иван Арсентьевич, — продолжал Горбов и круглое лицо его с чуть отвисшими, полными щеками напряглось и немного посуровело. — Пришли мы к тебе с деловым предложением... Как ты знаешь, в стране идет перестройка. Если отбросить словесную шелуху, то получится — надвигается новый нэп. Стали нужны деловые люди: с умом, с деньгами, инициативные...

— Короче, мы решили организовать кооперативное ка-

фе, — сказал молодой. — Как это уже делается в Москве, в других городах.

— Кто это «мы»? — спросил Мосляков.

— Мы — это знакомый ваш Федор Лукич Горбов — раз, далее — большой специалист кулинарного искусства Виктор Сергеевич Курбатов — два, — при этом молодой мотнул головой и указал на пожилого соседа. — И наконец, ваш покорный слуга — Валентин Осипович Загоруйко.

— И как же вы думаете повернуть такое дело? — поинтересовался Иван Арсентьевич.

— Каждый из нас, — ответил Загоруйко, — внесет вступительный взнос — десять тысяч рублей. На эти деньги надо арендовать помещение, приобрести инвентарь, нанять служащих, организовать производство.

Иван Арсентьевич с сомнением покачал головой.

— Тридцатью тысячами, пожалуй, не обойтись.

— Вот поэтому, уважаемый, — подал голос «большой мастер кулинарного искусства» — мы и рассчитываем на вас. Голос у Курбатова оказался хотя и не громким, но несколько резковатым и скрипучим.

— То есть? — не понял его Иван Арсентьевич.

Горбов предупреждающе поднял ладонь:

— Не беспокойся, Иван Арсентьевич. Мы к тебе не за деньгами пришли. Да мы и знаем: такие деньги у тебя не водятся. Тут другой расчет. Во всяком новом деле, Иван Арсентьевич, важно своевременно учесть некоторые психологические нюансы. Скажем так — вождь выдвинул идею. Нужна ему поддержка с мест? Конечно. И тот, кто первым доложит, отрапортует, может рассчитывать на признательность вождя. Так?

— Так, — согласился Мосляков, не понимая, куда он клонит.

— Вот так и с кооперативами. Правительство кинуло клич. Как должны повести себя местные руководители?

Мосляков пожал плечами:

— Будут стараться. Выискивать резервы.

— Вот именно, — ухмыльнулся Курбатов. — Дело это серьезное. А отличаться каждому хочется. Значит, сейчас удобный момент: местные власти ничего для первых кооператоров не пожалеют. Надо этим воспользоваться. Улавливаете, Иван Арсентьевич?

— Вот мы и будем одними из первых, — снова вмешался Горбов. — Но нам нужна соответствующая вывеска, реклама. Нужен достойный председатель кооператива.

— Все практические дела мы будем вести сами, — проскрипел Курбатов.

— А председатель нам нужен для представительства, для хождения по инстанциям, — пояснил Горбов. — Ищем челове-

ка вроде тебя: заслуженного, авторитетного...

— И ловкого, — добавил Загоруйко.

— Ну, как?

— Что «ну, как?»

— Пойдете к нам председателем? — спросил Загоруйко.

И он согласился. Условия оказались необычными и выгодными. Новоявленные кооператоры установили ему ни за что ни про что жалованье — пятьсот рублей в месяц. И практически никаких обязанностей. Правда, на первых порах предстояли хлопоты: надо было зарегистрировать — узаконить кооператив, открыть в банке текущий счет, «выбить» в горисполкоме ссуду, добиться передачи государственного кафе «Весна» во владение кооператива. Но за каждое такое «ходатайство» кооператоры платили Ивану Арсентьевичу дополнительно.

Ивану Арсентьевичу было даже приятно «представительствовать». Перед каждым выходом в инстанции он тщательно брился, надевал свежую, хорошо отутюженную рубашку и пиджак со всеми регалиями. Кооператоры даже заказали ему визитные карточки. На плотной бумаге, в красивой рамке значилось: «Председатель кооперативного кафе «Южное» Иван Арсентьевич Мосляков, ветеран партии, войны и труда», и чуть ниже адрес и телефон. Приятно, что ни говори!

«Представительство» делало жизнь Ивана Арсентьевича более полной. Он сам себе казался уже не просто пенсионером, а человеком значительным, важным, не похожим на других. Да и деньги были очень кстати.

Месяца через два все организационные дела утряслись, и кафе «Южное» заработало. Загоруйко крутился в двух залах кафе, Курбатов — на кухне, Горбов, обеспечивавший снабжение, — везде. Он «доставал», организовывал поставки продуктов, разъезжал по всей области и за ее пределами... И только один Иван Арсентьевич, поприсутствовав на торжественном открытии кафе, в дальнейшем пребывал в состоянии оплачиваемого безделья.

Как-то, идя домой, столкнулся Мосляков во дворе с соседом по дому Павлом Ивановичем Есиповым. Они были знакомы, иногда по-стариковски перекидывались парой фраз. Вот и сейчас пошли вместе. По пути говорили о том о сем. А под конец Есипов глянул на Мослякова как-то искоса и спросил:

— Слышал я, Иван Арсентьевич, вроде бы ты в индивидуальную трудовую деятельность ударился?

— Я? — растерялся Мосляков. Ему сейчас почему-то было стыдно признаться в той роли, которую он фактически играл в кооперативном кафе.

— Говорят, что ты стал закоперщиком целого кооператива?

— А-а-а... — протянул Мосляков, будто только что догадался о чем идет речь. — Шагаю в ногу со временем, Павел

Иванович. Перестройка-то — дело всенародное. Вот и я решил...

На том и расстались. Есипов повернул к своему подъезду, а Мосляков пошел дальше. Но с тех пор у Мослякова в душе появилась невидимая заноза. И дармовые деньги его уже не так радовали.

Сегодня был обычный, «пенсионерский» день. Не спеша пообедал, отдохнул. В комнате было душно, и Иван Арсентьевич вышел на балкон. По тротуарам, как обычно, куда-то спешили люди. Иван Арсентьевич посмотрел прямо вниз, на широкую асфальтированную площадку у своего подъезда. К ней подъезжал синий «Москвич». Вот он остановился, дверца открылась, и Мосляков увидел Загоруйко.

Через минуту Иван Арсентьевич уже впускал его в квартиру. Тот, не задерживаясь в прихожей, прошел в комнату. Повернулся к идущему сзади Мослякову, уставился на него черными глазами и без всяких вступлений сказал:

— Понимаешь, Курбатова убили.

— Как убили? — ахнул Мосляков.

— Ножиком. Иван Арсентьевич, ножиком. Но речь не о том. Давай-ка сядем, поговорим.

Иван Арсентьевич, почувствовавший слабость в ногах, сел. Заноза в груди, появившаяся после давнего разговора с Есиповым, опять заняла от дурных предчувствий.

КАПИТАН БЕЗУГЛЫЙ

Этого, конечно, следовало ожидать. Лично мне понятно, почему начальник управления приказал не докладывать ему подробности дела по убийству Курбатова.

А ларчик-то открывается просто. Судя по всему, мы вторгаемся в поощряемую самыми высокими инстанциями индивидуальную трудовую и кооперативную деятельность.

Во всяком случае, убитый, несомненно, из этих кругов. А убийца или убийцы? Кто их знает, может быть, тоже оттуда?

Поэтому меня, естественно, насторожило желание начальника управления уйти от подробностей и «доверить» дело мне. Такое доверие сильно пахивает желанием иметь под рукой «мальчика для битья» или, если по-русски, — козла отпущения.

Но дисциплина есть дисциплина, возражать против приказного доверия я не мог. Поэтому, как только заместитель начальника управления отпустил нас, мы — Сережа Пряхин, младший лейтенант Левин и я — собрались в моем кабинете.

— Давайте прежде всего обсудим, что нам известно, — предложил Пряхин.

— Давайте, — согласился я.

— Итак, ударом острого колюще-режущего предмета, скорее всего ножа, убит шеф-повар кооперативного кафе «Южное» — Виктор Сергеевич Курбатов. Последнее время

он занимался оздоровительным бегом трусцой по дороге, идущей от автостанции «Пригородная» к дачному поселку Ключары.

— По этой же дороге, почти одновременно с ним, бежали супружеская пара и три бегуна-спортсмена, — добавил Левин.

В общем, еще раз повторили все нам известное: и то, что у убийцы резиновые сапоги, вспомнили подозрительный синий «Москвич». Ну и, конечно, найденную в кармане убитого иностранную купюру и полоску бумаги с надписью: «тысяча фунтов».

Припоминая подробности осмотра места преступления, я подумал, что во всем этом было что-то странное, даже, пожалуй, нелогичное. Но что, я понять пока не мог.

— По-моему, все ясно, — произошло ограбление, — сказал Левин. — Кто-то знал, что у старика Курбатова с собой тысяча фунтов и...

— Но за каким чертом он потащил с собой в лес валюту? — покачал головой Пряхин. — И потом, он что же, каждый день с деньгами бегал? Или только сегодня?

— Конечно, только сегодня, — откликнулся Левин.

— И убийца узнал об этом. Старикан деньги в карман, а боженька типу в резиновых сапогах словечко на ушко?..

— А если предположить, что встреча в лесу была условлена, обговорена заранее, — подбросил и я свою мыслишку.

— Допустить, конечно, такое можно, — с сомнением произнес Сергей. — Но все-таки, почему в такую рань, в лесу, за несколько километров от города? Ведь встречу можно было бы организовать проще и в более уютном месте.

— Ну, а если предположить, что убийство — это месть, — высказал новое соображение Левин.

— Что мы такого знаем, чтобы выстраивать такую версию? — возразил Пряхин.

Мы порядком подзапутались. С версиями у нас явно не получалось. Видимо, просто нам не хватало фактического материала. И я сказал:

— Не будем гадать, товарищи. Лучше давайте решим, чем следует заняться в первую очередь.

— Перво-наперво разузнать все об убитом. Кто он, что он, и, конечно же, связи, симпатии, антипатии, — откликнулся Пряхин.

— Принимается.

— Следовало бы опросить трех спортсменов. Может быть, они видели субчика в резиновых сапогах, когда тот прятался в посадках... — предложил Левин.

— Годится.

— Необходимо найти синий «Москвич», у которого пер-

вые две цифры в номерном знаке двойка и семерка, — это опять Сережа Пряхин.

— Согласен.

Пряхин и Левин еще посидели, еще подумали, но так ничего нового и не предложили.

— Ну, что ж... — заключил я. — Практически план своих первых розыскных действий мы вчерне набросали. Теперь распределим задачи. Давайте так: ты, Левин, отправляйся в кафе. Оно уже открыто. Посмотри, послушай: как там и что говорят. Понятно, не в форме, как простой посетитель.

На посещение кафе у тебя уйдет часа два-три. Вернешься, получишь другое задание. А завтра утром — на дорогу «Пригородная» — Ключары. Остановишь спортсменов и побеседуешь с ними. А ты, Сергей, займешься поисками «Москвича».

Лицо Пряхина помрачнело. Он, видимо, был недоволен. И я спросил:

— Ты планировал что-то другое?

— Я хотел побеседовать с участковым инспектором Рожковым.

— Он обслуживает Пролетарскую улицу? Ну что ж... Рожковым займусь я, а ты — все-таки «Москвичом» — это важно.

— Тогда, товарищ капитан, запишите телефон Рожкова: 42-36-94.

Напоследок я сказал им самое главное:

— Запомните вот что: случай сложный и неприятный. Придется иметь дело с кооператорами. А они люди скользкие. Чуть что не так — сразу же появятся жалобы. А вы знаете, какое им сейчас оказывается внимание. Поэтому во всех действиях следует помнить о такте и соблюдении строжайших норм законности.

Кажется, они оба поняли. Пряхин плотнее сжал губы и покивал. Левин вскинул на меня загоревшийся взгляд:

— Но и отступать от принципов не будем.

— Главный наш принцип, Левин, — истина. Мы должны установить истину. Тактично, не ущемляя прав и достоинства граждан.

— Понятно, — со скрытой угрозой, как мне показалось, ответил Левин.

Ребята ушли. Я остался один. Задумался. Чтобы понять мотивы происшедшего, мне предстояло, как выразился Пряхин, поступить «как учили в первом классе» — выявить все, связанное с Виктором Сергеевичем Курбатовым. Именно там, в незнакомых нам обстоятельствах его жизни, и таились мотивы, приведшие к трагическому концу. И начинать надо было, видимо, с того, что успел узнать о пострадавшем участковым инспектор. Я готов был уже протянуть руку к телефону, чтобы позвонить Рожкову, когда аппарат опередил меня, зазвонил

сам. Я взял трубку. До меня донесся голос Павла Ивановича Есипова.

— Ты извини, Тимур, старика, интересуюсь новостями.

— Главная новость это то, что личность убитого установлена.

— Это удача. И кто же он?

— Шеф-повар кооперативного кафе «Южное», некто Курбатов Виктор Сергеевич.

— Вот как! — хмыкнул старик. — Ну тогда учти, что председателем, скорее всего фиктивным, в этой лавочке состоит Иван Арсентьевич Мосляков, мой сосед: проспект 50 лет Октября, дом 12, квартира 40. Может быть, пригодится. Пенсионер. Участник войны. Вдовец. Взгляды на жизнь чисто потребительские...

Новость была интересной. Но все же знакомиться с Мосляковым было, скорее всего, рановато. На ум мне пришла другая мысль: жена Курбатова. Интересно, какое впечатление она произвела на дежурного?

Я позвонил Симонову. На мой вопрос о Курбатовой он ответил:

— Это еще та штучка. Подкатила к райотделу на «Москвиче» с каким-то хахалем.

— На синем «Москвиче»? — не удержался я.

— На синем. А что?

— Ничего. Продолжай.

— Подкатила. Хахалю знак ручкой и улыбочку, а мне заявление об исчезновении мужа. И такими, знаешь, казенными, заученными словами, таким спокойным тоном.

— Так.

— И еще скажу тебе странную вещь: она как две капли воды на нашего генерала похожа и к тому же — Семеновна по документам.

— Ну, это случайность. Во-первых, похожих людей великое множество, а во-вторых, тебе показалась похожей, а мне еще неизвестно, покажется или нет.

Закончив разговор, я перезвонил первым делом Пряхину. К счастью, он оказался на месте.

— Ты знаешь, — сказал я ему, — Курбатова-то в Промышленный райотдел приезжала заявлять об исчезновении мужа на «Москвиче». И, кстати, на синем. Имей в виду.

— Что? — взорвался Сергей. — На синем?!

— Ты только трубку пожалей, а то у нее мембрана знаешь какая тонкая...

— Кто тебе сказал насчет «Москвича»?

— Паша Симонов из Промышленного райотдела.

— Симонов... — скептически протянул Пряхин. — А ты знаешь, какой он фантазер?

— Знаю. Но уверен, цвет машины он не выдумал. Так что

ты эту информацию прими к сведению.

— Хорошо.

Теперь нужно было договориться о встрече с участковым инспектором Рожковым.

Но телефон опять меня опередил. Звонил заместитель генерала Хорина Семухин. По тону я догадался — подполковник взволнован.

— Слушай, Безуглый. Это ты послал Левина в «Южное»?

— Я.

— Тогда поздравляю тебя. Сейчас звонил сержант Конышев из Октябрьского райотдела. Буянит твой Левин в «Южном».

— А как очутился там этот Конышев?

— Случайно. К нему обратились за помощью. Во всяком случае, сигнализирует о недостойном поведении Левина наш человек, наш сотрудник, сержант.

— А Левин, выходит, уже не наш? — возмутился я.

— Прекратите пререкания, капитан Безуглый. Немедленно берите машину и пулей в кафе. Извинитесь и все такое.

«Ну, началось...» — подумал я, но спорить было бесполезно и я ответил официальным «Слушаюсь».

Через пять минут я уже мчался в «Южное».

ЗАГОРУЙКО

Валентин Осипович Загоруйко, бывший вор, а ныне процветающий кооператор, произведший такое неотразимое впечатление на Ивана Арсентьевича Мослякова, из последней отсидки в местах не столь отдаленных вернулся немногим более года.

Отбывая срок в таежной колонии, он пришелся по душе весьма авторитетному «пахану», вору в законе — Ивану Бурдю по кличке «Бурда». Тот был старше Валентина лет на пятнадцать. Конца сроку своему он не видел и потому подумывал о побеге.

С собой уговорил бежать еще двоих, таких же бедолаг с большими сроками, как и он сам. Валентина не звал — тому до конца срока оставалось всего ничего. Но на прощание сказал: «Захочешь со мной на воле встретиться, разыщи на подмосковной станции (тут он назвал адрес)... Виктора Сергеевича Коноплю. Не удивляйся его виду и манерам, человек он верный и, к тому же, мы с ним давно и крепко одной веревочкой повязаны. Передашь ему ксиву от меня, он все что надо делает и организует...» И Бурда сунул в руку растерявшегося Загоруйко вчетверо сложенную бумажку.

Однако побег Бурды не удался. На девятнадцатый день его нашли в тайге полуживым. Двое других сгнули без следа. Вскоре Бурда через больничную службу передал Загоруйко, что хочет видеть его.

Стояла ночь. Под потолком тускло светила запыленная лампочка. На подушке белело заострившееся, без кровинки, лицо Бурды с запекшимися губами и лихорадочно горящими глазами.

Различив Загоруйко, он разжал губы и прохрипел:

— Помираю. А к тебе просьба: разбейся, но достань пачку чая. Сейчас же. Чифиру хочу перед смертью. Тут ребята мне спроворят.

Валентин запустил руку в карман и, радуясь своей догадливости, вытащил пачку.

— Вишь ты, угадал. Спасибо. Наклонись.

Валентин наклонился. Бурда схватил дрожащей холодной рукой пачку и прерывающимся шепотом сказал:

— Конопля мне десять косых должен... Твои будут.

— Разве он мне их отдаст? Ни в жизнь!

— Передашь ксиву. А на словах скажешь: десять не один, а дважды... Повтори.

Валентин повторил.

— Отдаст. У нас такой уговор был. Ну, а если старый хрен заартачится, разыщи в Можайске на улице Желябова, в самом конце ее дом с двумя березками. Там обретается Мишка Штокман — «Могила». Назовешься так: мол, звездный я. И к тому же прокопченный. И еще скажешь, что ты от меня. Он в курсе, поможет. А теперь иди.

На следующий день стало известно, что Иван Бурда скончался. А через три месяца Загоруйко вышел на свободу.

Он готовился к этому дню. В кармане куртки, кроме совершенно чистых документов, лежали две с половиной сотни. «Не велики деньги, но на первый случай хватит...» — рассудил он и двинул в Москву.

До Москвы добрался благополучно. Стояли погожие весенние дни. Но задерживаться здесь Загоруйко не имело смысла. Правда, его никто нигде не ждал. И он решил разыскать Коноплю.

Пристанционный поселочек оказался крохотным, всего в несколько улиц. Прежде всего, видимо, надо было сосредоточить внимание на окраинах, на домах, стоящих на отшибе. Если Конопля, как полагал Загоруйко, занимался скупкой краденого, ему, естественно, совсем не нужно селиться в центре поселка.

И он не ошибся в расчетах. У первого же дома на краю облюбованной им улицы он увидел на лавочке у калитки мирно покуривающего трубку седого, сморщенного старика.

— Здорово, дедуля, — поприветствовал его Валентин. — На солнышко выполз, греешься?

— Угадал, сынок, греюсь. Доскрипел. Дождлся солнышка.

Загоруйко присел, достал пачку сигарет, закурил. И только спустя какое-то время спросил:

— А ты, дедуля, случайно не знаешь человека по фамилии Конопля?

— Виктора Сергеевича что ли?

Загоруйко понял, что попал прямо в цель.

— Его самого, дедуля.

— Как же не знать, сынок, когда он вон в том доме живет.

И старик показал рукой на крайний дом, притулившийся к двум березам на противоположной стороне улицы. Валентин хотел было подняться с лавки, но старик в очередной раз попыттел трубкой и добавил:

— Только теперь он, едрена вошь, уже не Конопля, а Курбатов. Понимаешь?

— Это как же так?

— Очень даже просто. Женился, старый пень, на молоденькой, а та с норовом. Говорит: если любишь — меняй фамилию на мою. Вот и пришлось...

— Ну и ну!

— Да, с характером! Не хочет в поселке-то жить. Город ей подавай. Так что задержишься ты и следа его не нашел бы. Вот так-то нечече.

Загоруйко, конечно, в сказочку о том, что во всех переменах виновата молодая жена, не поверил. Видимо, по каким-то своим соображениям Конопля решил оборвать нити, связывавшие его с прошлым, сменил фамилию и теперь собирается отбыть в неизвестном направлении.

Рассуждая так, Валентин подошел к дому и немного приоткрыл калитку. Услышал хриплый злобный лай, и, оставив только узенькую щелку, стал ждать.

Собака лаяла и грохотала цепью перед самой калиткой. Наконец, где-то за оградой скрипнула дверь и женский голос, строгий и повелительный, крикнул:

— Замолчи, Страшный! На место!

Лай прекратился, зазвенела цепь, послышалось глухое ворчание и шум, производимый собакой, забирающейся в конуру.

Загоруйко приоткрыл калитку. У открытой двери терраски стояла молодая женщина в легком домашнем платье. Валентин не мог сказать, была ли она красива, но почувствовал, что она удивительно, вызывающе женственна. Ее фигура, поза, складки платья, немного надменный поворот лица, глаза, с интересом рассматривающие его, все-все тут же всколыхнуло в нем еще недавно, казалось, спящее, необоримое, мужское.

У него вдруг запела душа. На сердце стало радостно и светло. У женщины ответно заблестели глаза, смягчились очертания губ.

— Вам кого?

А он все смотрел на нее и только очнувшись от колдовства ее обаяния, ответил:

— Мне надо переговорить с Виктором Сергеевичем...
Женщина повернулась к полуоткрытому окну, выходящему на терраску.

— Виктор, ты дома?

В окне появилось худое, бледное лицо. Окинув посетителя недовольным, подозрительным взглядом, он пробурчал:

— Ну что теперь делать? Пусть войдет.

Женщина посторонилась и пропустила Валентина вперед. Загоруйко оказался в небольшой комнате, стеклянная дверь которой выходила в сад. Две другие двери вели во внутренние комнаты дома. Посредине стоял круглый стол.

— Присаживайтесь, — сказала женщина и прошла в правую от входа дверь.

Через минуту оттуда вышел сухой и прямой, как палка, седоватый человек лет шестидесяти. Он был чуть выше среднего роста. Щеки его были тщательно выбриты. Внимательные зеленоватые глаза под сдвинутыми, почти черными бровями, мрачно поблескивали. На нем был строгий, хорошо отутюженный темно-синий костюм. И вообще, он походил скорее на ученого, важного чиновника, но отнюдь не на перекупщика краденного, как о нем думал Загоруйко.

— Чем могу служить? — скрипучим голосом спросил он.

Настала решительная минута. Загоруйко опустил руку в карман, достал заранее заготовленную ксиву Бурды и подал ее седоватому человеку.

Тот, презрительно опустив кончики бледных, тонких губ, взял письмо, развернул.

Валентин отлично знал его короткое содержание: «Четыре, если на три и один в уме. Сделай, что он попросит. Бурда». В последнюю встречу тот приказал одновременно передать на словах: «Десять не один, а дважды...», но что-то удержало Загоруйко и он не сказал условленной фразы.

Между тем Конопля-Курбатов оторвал взгляд от записки и вновь окинул посетителя мрачным, изучающим взглядом.

— Ну и как он?

И снова Загоруйко мгновенно принял решение не говорить Конопле правду. Он пожал плечами и ответил:

— Обыкновенно. Готовится в побег...

— Так.

Конопля-Курбатов произнес это короткое слово бесстрастно и равнодушно, но по тому, как затрепетали ноздри его тонкого, длинного носа, как еще более посуровел его и без того мрачный взгляд, Загоруйко понял, что, неожиданно для себя, нанес этому еще крепкому старикану удар, — коснулся какой-то болевой точки. Кажется, он скорее обрадовался бы, услышав о смерти Бурды. «Во всяком случае, — решил Валентин, — мне сейчас выгоднее иметь за спиной не мертвого, а живого Бурду. Живой он все равно, что уздечка для Конопля...»

— Так, — повторил Конопля, — и что же вам надо: паспорт, немного денег, или еще что?

Загоруйко поджал свои красивые губы и покачал головой.

— Нет, Виктор Сергеевич, я прибыл сюда из колонии на законном основании, после отбытия срока. Паспорт я имею. Новенький. Чистенький. Другого не требуется. А по части денег, так ведь десять не один, а дважды...

Конопля нахмурился.

— Ах, вон как... Простите, а с кем я имею дело?

«Удивительный старик, — подумал Загоруйко, — ни одного блатного словечка. Говорит, как в книгах старосветские людишки изъяснялись. Ну и ну!»

— Валентин Осипович Загоруйко, сын собственных родителей.

И в то же время заметил, что выражение лица Конопля сменилось. У него появилась, видимо, новая мысль.

Загоруйко, конечно, ошибался, принимая его за обычного скупщика краденого. Правда, он этим занимался, но давно, очень давно это было... Вот тогда жизнь и свела Виктора Сергеевича с Бурдой, Мишкой Штокманом и еще кое с кем. То был, так сказать, период первичных накоплений. Тогда Конопля был большим человеком для многих бандитов. Но потом, бывший повар одного из столичных ресторанов, он скопил определенную сумму и вроде бы ушел на покой: приобрел домик на подмосковной станции, обзавелся собственным «жигуленком».

Заниматься перепродажей краденого отсюда было даже удобнее, чем из московской квартиры, но спустя какое-то время Виктор Сергеевич решил отойти и от этого бизнеса. Деньги у него имелись и он решил заняться «операциями» с чеками Внешпосылторга. Солидная внешность, умение держать себя способствовали успеху. Он даже стал подумывать, а не заняться ли валютными операциями.

Время менялось. Во всех газетах, везде, где собирались люди, речь шла о перестройке. Как понял ее Конопля, руководство страны хотело ускорить темпы улучшения и организации общественного питания, бытового обслуживания населения. Речь шла об индивидуальной трудовой деятельности, об организации кооперативов.

«Грядет новый нэп. И, кажется, теперь надолго», — стал думать Виктор Сергеевич и понял, что именно на этом пути для него открывается прямая дорога к обогащению, без всякой конфронтации с уголовным кодексом.

Взвесив все, он решил основать свое «дело», — открыть кафе, пусть пока кооперативное. При этом у него, понятно, и в мыслях не было «улучшать общественное питание». Его манила возможная прибыль. И только прибыль. А недостатки в общепите... Зачем же их устранять, коль скоро именно они

и работают на прибыль таких кооператоров, которые виделись Конопле в его горячечных мечтах?

Начинать свое «дело», считал он, все-таки лучше было не в Москве, а в каком-нибудь областном городе. И тогда он вспомнил о Горбове, своим давнем клиенте по торговле краденым. Конопля списался с ним. Тот восторженно поддержал идею. И Виктор Сергеевич уполномочил его приобрести в Энске кооперативную квартиру на его имя.

Теперь оставалось решить последнюю задачу: порвать прежние связи и исчезнуть из поля зрения недавних друзей и врагов.

Как раз в это время он случайно познакомился с Ниной Курбатовой. И очень скоро, без всякой огласки, не только зарегистрировал с ней брак, но и сменил свою фамилию на ее.

После этого успешно сбыв с рук «Жигули», нашел покупателя и на дом. Все складывалось как нельзя лучше и тут судьба подкинула ему эту встречу с Загоруйко.

Сначала Курбатов расстроился — вместе с этим черномазым красавцем в его почти новую жизнь опять вползло старое: Бурда, Штокман, открытое неуважение законов. Ему все мешало...

Но, когда Загоруйко представился, когда сообщил, что вышел из колонии на законном основании, что у него есть «новенький, чистенький» паспорт и что Бурда передает ему все права на десять тысяч, он вдруг подумал: «А что, если оторвать этого молодца от Бурды? Забрать его с собой в Энск. Хотя бы в качестве телохранителя. Да и деньги останутся в «деле». А там видно будет».

Именно тогда, как заметил Загоруйко, и изменилось выражение его лица. Пергаментные складки на щеках дрогнули, в зеленых глазах погас мрачноватый блеск, бледные губы тронула улыбка.

— Очень рад знакомству, Валентин Осипович. Я думаю, мы пройдем на солнышко, в сад, а Ниночка... — он обернулся к двери и позвал: — Нина!

Женщина, встретившая Валентина первой, тут же появилась.

— Нина, — обратился к ней Виктор Сергеевич. — Мы с Валентином Осиповичем потолкуем о делах, а ты приготовь что-нибудь закусить и выпить в честь приятного знакомства. Валентин Осипович у нас отобедает...

«Все-таки охмурил, старый сыч...» — думал Валентин, направляясь из Подмосковья в Энск.

Действительно, с первой же встречи он поддался убеждениям Курбатова. По словам Виктора Сергеевича выходило, что самое лучшее применение своим деньгам он найдет, по-

местив их в учредительный капитал кооперативного кафе, которое откроют в Энке.

— Вы подумайте, Валентин Осипович, — вкрадчиво скрипел он, сидя в своем подмосковном садике. — Десять тысяч. Это же совсем немного, если вы пустите их в трубу. Ну, скажем, съездите в Крым, найдете себе девочку... Пошикуете и деньги разойдутся. А что дальше? По новому идти на столкновение с уголовным кодексом? Я же предлагаю верный, твердый доход, как будто вы профессор или генерал, или сталевар-орденоносец. От пятисот до восьмисот рубликов в месяц...

Словом, соблазнил, опутал. Свою роль сыграла, конечно, и эта женщина — Нина. Загоруйко потянуло к ней сразу. Чем взяла? Об этом не думал. Из своих 10 тысяч попросил у старика пятьсот рублей и отправился в Энка. К Горбову. Тот заранее присмотрел ему комнату, а еще через месяц прикатили Курбатовы. Им Горбов организовал кооперативную трехкомнатную квартиру, дачу и гараж. Судя по всему, у Виктора Сергеевича водились денежки и немалые: за все он рассчитывался не торгуясь.

Месяца два устраивались, присматривались. С наступлением зимы определились дальнейшие планы. Они «накололи» одного фрайера — эдакого индюка-ветерана — на груди орден, в голове черт-те что, а выпить и закусить хочется. Тот клюнул на приманку, у Курбатова и компании появился свой «свадебный генерал» — мнимый председатель кооператива.

Загоруйко только дивился изобретательности Виктора Сергеевича. Вскоре они добились передачи им в аренду государственного кафе «Весна» — все, что нужно, получили в готовом виде. Оставалось кое-что подкрасить, повесить новую вывеску и подобрать персонал.

Всем этим занимались Курбатов и Горбов. Валентину же Виктор Сергеевич дал другое задание:

— В дальнейшем, Валентин, нам могут понадобиться парни с крепкими кулаками. Вы уж присмотрите кого-нибудь, — проскрипел он.

Валентин кивнул. И тогда старый сыч сделал вид, будто только что вспомнил:

— Кстати. В доме напротив нашего кафе, в квартире семнадцать, живет сержант милиции Коньшев. Горбов говорит, что это тертый калач, любит когда к его рукам прилипает. А нам для прикрытия такой человек позарез нужен будет. По возрасту он молодой, вроде вас. Вот бы и познакомились...

И выдал сотню на «представительство».

Перед торжественным открытием кафе выяснилось, что Нина Семеновна Курбатова — жена Виктора Сергеевича — тоже внесла десять тысяч и стала полноправным членом кооператива.

Эта женщина все больше овладевала нехитрым вообра-

жением Загоруйко. В исправительно-трудовой колонии, страдаемый скукой и плотскими вожделениями, Загоруйко прочел три или четыре книги «про любовь». Среди их персонажей встречались мужчины, которые вроде бы смотрят на героиню, а той кажется, что ее нахально «раздевают». Так вот, с Ниной все было наоборот. Временами, когда она смотрела на Валентина своими таинственно-искрящимися карими глазами, ему казалось, что «раздевает» его она. И он, никогда не робевший перед женщинами, смущался.

Нина Семеновна оказалась очень полезным членом кооператива. Она вела весь учет, была кассиром и бухгалтером, имела право второй подписи в банке. Она же, вместе с Виктором Сергеевичем, калькулировала и устанавливала цены на блюда и напитки, подаваемые в кафе. А в горячее время сама появлялась в залах, трудилась, как заправская официантка. И надо сказать, ее «чаевые» не шли в сравнение с чаевыми других официантов.

Но старый Курбатов вместо того, чтобы ревновать молодую жену, довольно улыбался и говорил: «Тебя, Ниночка, нам само провидение, должно быть, послало...» Вот так. Мол, валяй, жена, продолжай в том же духе... Интересно, до какой черты? И Загоруйко чувствовал, что именно он, а не Виктор Сергеевич, начинает ревновать Ниночку.

Первый месяц работы кафе прошел просто отлично. Рассчитавшись с платежами в бюджет государству и в счет погашения ссуды, каждый член кооператива получил по девятьсот рублей. И еще оставили около трех тысяч в общей кассе — как страховой фонд...

Но Курбатов скрипел:

— Не обольщайтесь. Такая прибыль в этот раз просто дань повышенному интересу к нам. Каждый дурак, увидев вывеску: «Кооперативное кафе», считает своим долгом зайти к нам, посмотреть, попробовать, чтобы было о чем рассказывать соседям. И незаметно оставляет нам деньги. Но в следующие месяцы станет труднее. Так что нам еще предстоит учиться выколачивать эту прибыль.

Он как в воду смотрел: в следующие месяцы число посетителей несколько уменьшилось. Однако прибыль не сократилась. В ход пошла «ловкость рук» или, как выразился старик, «умение». Пригодились и связи Горбова. Он покупал где-то мороженое вразвес, килограммами. В кафе же его подавали порционно. Кооперативу порция обходилась в двадцать пять копеек, продавали же ее по рублю. А мороженое в кафе «Южном» было всегда.

Потом в магазинах Энска исчез кофе. Но Горбов добыл где-то в сельской глубинке целую партию и натурального, и с цикорием, и просто «кофейного напитка», в котором от кофе один запах. Все это смешивалось в пропорциях, устанавливае-

мых Виктором Сергеевичем, и подавалось посетителям как «кофе натуральный черный» и «кофе натуральный с молоком».

Некоторых посетителей возмущали цены. Но Нина Семеновна многозначительно улыбалась, всем своим видом показывая, коль человек испытывает трудности с деньгами, ему следует поискать общепитовскую столовую.

Если дело все-таки доходило до скандала, на помощь спешил Загоруйко. Любезно улыбаясь, вкрадчивым голосом, он рассказывал о «высоких накладных расходах», которые якобы несет кафе с единственной целью услужить клиентуре.

— Наш человек ездил в Москву, в Ленинград, Киев, Одессу, Владивосток. И там, практически, кофе нет. И все же мы кое-что нашли, достали... Понимаете? Мы гордимся тем, что можем предложить своим посетителям натуральный кофе. Натуральный! А цена... Что ж... Она отражает наши расходы. Но вы можете заказать чай...

Такого разъяснения обычно хватало.

Словом, и в последующие месяцы прибыль держалась на довольно высоком уровне. Заработки членов кооператива оставались в пределах восьмисот рублей. У Валентина появились лишние деньги. Он даже стал подумывать, что в первую очередь купить: кооперативную квартиру или машину?

И вот однажды, когда он отдыхал после обеда, занятый этими приятными мыслями, к нему домой неожиданно нагрянул Федор Лукич Горбов. Был он шумным, веселым и праздничным. Увидев Валентина, Федор Лукич всплеснул руками.

— На улице день. Притом день чудесный! А молодой, красивый парень валяется на диване. Стыд и срам!

— Отдыхаю, Федор Лукич.

— Это в твои-то годы?.. Ты знаешь, как было, когда я проходил срочную службу в аэродромной роте? Специально напрашивался в дежурные по запасной площадке. Целые сутки на ногах. Даже на часок не приляжешь. Но зато отдежуришь и на двадцать четыре часа в увольнение. И снова без сна. Понимаешь?

Валентин поднялся. Он подумал, что Горбова обуревают желания посидеть, пображничать, и пошел к холодильнику за бутылкой.

— Что ж, Федор Лукич, признаю свою вину, а в качестве искупления предлагаю... — и Загоруйко кивнул на бутылки.

— Вот это уже лучше, Валентин Осипович, уже лучше! Но я предлагаю другое. Черта ли нам париться в такой день в городе? Давай-ка, дорогой, махнем за город, на дачу! Я на машине. Собирайся!

Через десять минут они уже катили по улицам города мимо автостанции «Пригородная» к дачному поселку Ключары.

День и правда выдался замечательный. После затяжных дождей стояла тихая солнечная погода. За городом, где дорога пересекает лесной массив, Горбов сбросил скорость, полуобернулся к Загоруйко.

— Люблю я эти места, Валентин. Ты только посмотри: вот лес, там поля. Летом в меру тепло, зима бодрая, морозная. Словом, центр России. До Москвы — рукой подать, до Волги — тоже.

— Каждый кулик свое болото хвалит, — довольно равнодушно отозвался Загоруйко. — А по мне: где ни жить, лишь бы жить.

Его сейчас занимали не красоты пейзажа, а поведение этого кругленького, полнощекого человека с писклявым, вопреки внешнему виду, голосом. «Что ему вздумалось тащить меня к себе на дачу?» — думал Загоруйко.

А Горбов, услышав его: «...где ни жить, лишь бы жить...» только покачал головой, а вслух сказал:

— Жениться тебе надо, Валентин. У женатого человека привязанность к земле, любовь породившей, появляется. Да и нельзя тянуть с таким делом. А то растеряешь молодость, покроешься, как плесенью, сединой и женишься на молодой, как наш Виктор Сергеевич. А чего хорошего в таком браке?

Упоминание о Курбатовых неприятно задело Загоруйко, но он не показал вида, что оно ему неприятно и только раздумчиво покивал.

— Нина Семеновна молодая, красивая женщина, разве ей такой муж нужен? Вот ты ответь, Валентин: такой?

— Это, Федор Лукич, не наша с тобой забота, — уже сердито ответил Загоруйко, и Горбов сразу же согласился:

— Конечно, конечно... Это я так, к слову.

Как оказалось, дачный поселок находился в уютном местечке. От основной дороги его отделяла узкая полоска леса, с крупными березами и молодым подростом.

— Вот смотри, Валентин: другие в лес за грибами ходят, а у меня грибы сами на дачу просятся.

Он пошевелил траву палкой, и Валентин увидел почти рядом с калиткой, ведущей в садик, один, потом другой подосиновики.

— Вот это да! — удивился Загоруйко.

— Десять минут походи и блюдо грибов — пожалуйста.

Они так и сделали. Через полчаса, уже с грибами, Горбов провел Валентина в домик. По виду небольшой, он имел и крохотную кухоньку, и маленькую прихожую, и веселенькую комнату.

— Тут у меня секрет есть — приспособление, — сказал хозяин.

И Федор Лукич легко сдвинул массивный плинтус в при-

хожей, повернул открывшийся под ним шпенек и легко приподнял половицу, казавшуюся неотделимой от соседней. То же самое Горбов проделал и с другой половицей. В открывшемся провале оказался спуск в подполье. Полный Федор Лукич привычно нырнул туда и через минуту протянул Валентину две бутылки.

«Минералка»... — разочарованно подумал Загоруйко и поставил бутылки на стол. Через короткое время из подполья выбрался Горбов с керосинкой и какими-то свертками. Они занялись едой и вскоре на керосинке, в солидной сковороде, зашипели, зафыркали жарящиеся грибы.

— Ну вот, — сказал Федор Лукич, — теперь можно и водички попить, горло, как говорят, промочить.

Он открыл одну бутылку и налил две трети стакана Загоруйко и столько же себе.

— Ну, с Богом...

Загоруйко сделал глоток, удивился, сделал другой и уже вполне уверенно вытянул все до конца. Крякнул. Поискал чем бы закусить. Куснул кусочек черного хлеба и сказал:

— Федор Лукич, это же чистая водка...

— Ха-ха-ха... — разлился в смехе Горбов. — Распробовал? А ты думал, я тебя водой угощаю?

— Ну и ну! — покачал головой Загоруйко. — Это же надо: наливает минералки, а получается чистая водочка...

Лицо Горбова посерьезнело, бесцветные брови сдвинулись, выражение глаз стало немного таинственным.

— Понимаешь, Валентин, надыбал я одного ученого, кандидата технических наук. Светлая голова и золотые руки. И к тому же человек, не согласный с законом о борьбе с пьянством. И вот сконструировал он аппаратик. Чудо, скажу я тебе. Сплошная электроника и автоматика. Включи его вот в таком схороне, как мое подполье, и он сам работает, сам себя выключает, сам себя обеспечивает.

— Вот это да! — удивился Загоруйко.

— Видишь, до чего наука доходит: самогон от водки не отличишь. Но это одна сторона дела. А другая — не пойдет же кандидат наук со своим первачом на базар торговать?..

— Это уж точно, не пойдет, — согласился Валентин.

— Ему посредник нужен. Надежный оптовик. Вот я и думаю: нам он ее... — Федор Лукич разлил остаток бутылки по стаканам, — уступит по шесть рублей за литр. А мы ее можем легко сбить по шесть рублей за бутылку...

— Можно и подороже, — согласился Загоруйко.

— Предложил я такой вариант Виктору Сергеевичу, а он ни в какую. «Авантюра», — говорит. Я так, я эдак, а он снова «нет». А, между прочим, мы с тобой, Валентин, такие же хозяева в кафе, как и он. Мало ли что он не согласен! Мы-то с тобой согласны? Согласны! Так ведь?

— Конечно, — подтвердил Загоруйко, хмелея.

— Словом, получается так: мой доцент продает мне свою самогонку оптом по шесть рублей за литр. Мы с тобой разливаем ее по бутылкам с этикетками «Арзни». Закупориваем государственными пробками... — Горбов вытащил из-за дивана какой-то небольшой станочек. — Понимаешь?

— Понимаю, — закивал Загоруйко. Его сейчас занимала не столько техника изготовления видимости минеральной воды, сколько главное, как он считал: открывающиеся возможности нового способа извлечения порядочного дохода, — те самые три — четыре рубля за бутылку, которые он, Загоруйко, мог поднять и до шести, и до семи, а кое-когда и до десяти рублей!

— Понимаю, — повторил он.

Горбов открыл вторую бутылку «минеральной», плеснул по стаканам.

— Поехали...

Между тем подспели грибы.

Закусив, Горбов предложил:

— Кстати, могу показать дачу Виктора Сергеевича. Она рядом, всего через четыре участка. Хозяев наверняка нет. Посмотришь. Может, позавидуешь, так мы и тебе что-нибудь подберем.

— Давай, — согласился Загоруйко.

Но, когда они подходили к даче Курбатова, то еще издали увидели, что калитка, ведущая в садик, открыта. Загоруйко внезапно почувствовал несвойственную себе робость. «А вдруг там Нина, а мы в таком виде...» — подумал он и сказал Горбову:

— Может, не надо, без хозяев-то?

— Вот еще, — не останавливаясь, прописклявил тот. — Мы же — кооператив. Все у нас наше, общее, свое, то есть...

Они вплотную приблизились к калитке и увидели в глубине садика Нину. В широкополой панаме, босая и в одном купальнике, она постелила между грядок старенькое пикейное одеяло и загорала.

Загоруйко, будто конь на полном скаку, увидевший перед собой пропасть, остановился, замер. Только тонкие ноздри красивого, с горбинкой носа чуть трепетали, — такой неотразимой, такой прекрасной в это мгновение показалась ему Нина. «И правда, — подумал он, вспомнив слова Горбова, — разве такой муж ей нужен?..»

— Ну чего ты встал, — недовольно проговорил Горбов. — Нина Семеновна тоже член кооператива, мы к ней по делу. Пойдем...

Она, видимо, услышала голоса, приподнялась, посмотрела на них долгим, немигающим взглядом, и Загоруйко показалось, что она смотрит только на него, прямо в душу и видит в ней все-все.

И он шагнул вслед за Горбовым в садик, аккуратно прикрыл за собой калитку.

— Здравствуйте, Нина Семеновна, — пропел Горбов. — А мы с Валентином Осиповичем к вам.

Она ленивым движением протянула руку к халатику, лежащему рядом, и все так же лениво, давая гостям вволю полюбиться своей наготой, накинула халатик на плечи, медленно встала и медленно запахла.

— Виктор Сергеевич здесь? — беспечным тоном спросил Горбов.

— Нет, Виктор Сергеевич в городе, — ответила она и вновь скользнула взглядом по Загоруико.

— А я решил соблазнить Валентина Осиповича, — счит необходимым объяснить свое вторжение Горбов, — показать ему дачу. Думаю: может быть, и он разорится, купит вот такой же участок где-нибудь поблизости от нас с вами...

— Пожалуйста, пусть смотрит, — сказала она с деланным равнодушием.

— Да я уже все видел, — выдавил из себя, наконец, Валентин.

Он казался сейчас себе жалким, нескладным, каким-то пришибленным, что ли. Он удивлялся только тому, как этого не замечают другие. А Нина Семеновна уже подошла к нему, взяла под руку, сделала шутливый широкий жест, каким опытные экскурсоводы привлекают внимание экскурсантов.

— Участочек небольшой, Валентин... Осипович.

Равнодушие, естественное или наигранное, теперь исчезло, голос ее стал другим: звучным, глубоким, зовущим. Валентин заметил это. Уловил он и мгновенную паузу, возникшую, когда она к его имени все-таки добавила отчество. «Это она сделала для Горбова, из приличия, а сама хотела назвать меня просто Валентином...» — радостно подумал он, и этот пустяк показался ему сейчас очень многозначительным и важным.

— Участочек небольшой, — повторила она, — но посмотрите, какой красивый и уютный: вдоль забора — малина, а вот — черная смородина. И какой замечательный сорт: ягоды крупные, ну, прямо виноград.

Она продолжала говорить, и он отвечал ей, не думая, первое, что приходило в голову, потому что почувствовал, что ее рука тоже что-то говорит ему, будит в нем мучительно-сладкие чувства. И он осторожно, нежно прижал эту руку к себе. И замер. Он даже, кажется, пропустил конец ее рассказа и очнулся от дурмана только тогда, когда Горбов поблагодарил ее «за такой живописный рассказ...»

После этого они молча возвратились на горбовскую дачу. Допили вторую бутылку «минералки», доели грибы и другую снедь, которая нашлась у Федора Лукича и осоловевшие вышли в садик. Присели на скамеечку и закурили.

День угасал. Время на даче пролетело быстро.

— Ты извини, Валентин, отвезти тебя в город сейчас не могу. Сам знаешь, как теперь строго — под мухой за рулем...

— Наслышан, — почти радостно откликнулся Загоруйко. — Только обо мне, Федор Лукич, не беспокойся. Автобусную остановку я по пути сюда приметил, не заблужусь.

— А я здесь переночую. А то оставайся. Место найдется.

Но Загоруйко отказался, и Горбов проводил его до калитки. Валентин еще несколько минут шагал в направлении автобусной остановки и только потом резко повернул обратно. Он крадучись миновал дачу Горбова и подошел к заветному дому. Дверь неожиданно распахнулась, перед ним была Нина.

— А я уж заждалась, — прошептала она, покрывая поцелуями его глаза, щеки, губы. — Заждалась...

Валентин увлек ее в домик. И ни он, ни она не заметили притаившегося за калиткой Горбова.

«Ну, кажется, все в порядке...» — подумал тот и, разом потеряв интерес к происходящему, повернул к своей даче. Замысел удался: отныне, с его помощью, два компаньона — Загоруйко и Курбатова вступили в союз против третьего.

МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ЛЕВИН

Я так и не сказал капитану, что кафе «Южное», этот чертов кооператив, сидит у меня в печенках. У меня с ним свои счета и свои отношения. Да стыдно было бы рассказывать, потому что это был бы рассказ о нескладной любви. Не чьей-то, а моей. Рассказ о девчонке — глупом мотыльке — полетевшем, как на огонь свечи, в это самое кафе.

Именно тогда я решил в первый раз посмотреть на кафе изнутри. До этого мне приходилось закусывать в прежней «Весне». Запомнился тесный, неопрятный зал, очередь у кассы и неистребимый грубый запах кухни. И еще посетители: вечно куда-то спешащие, непритязательно одетые. Они торопливо съедали первое и второе, запивали все это неизменным, мутноватым компотом и тут же исчезали, уступая место другим.

Совсем другая обстановка царил в поглотившем государственную «Весну» кооперативном «Южном».

В нем стало как будто просторнее. Столики уже не теснились вплотную друг к другу. Хозяйева, видимо, не столько заботились о числе посадочных мест, сколько об удобстве и уюте для своих посетителей, полагая, что и то, и другое — тоже деньги.

Если в «Весну» люди приходили просто есть, то в «Южное» скорее «посидеть», «побеседовать», «встретиться». И эта разница налагала отпечаток на все. Прежде всего изменился интерьер основного зала. Появились красивые люстры и бра, массивная мебель вместо прежних поделок из гнутых металличе-

ских полос. И в дополнение ко всему: отдельные кабинетки, каким-то чудом выкроенные из общей площади бывшей «Весны».

Но главное это то, что совсем другие люди посещали теперь кафе. Это были клиенты солидные, уверенные в себе, хорошо и модно одетые. Они никуда не спешили. Расплачивались небрежно, не требуя сдачи.

Я чувствовал себя здесь потерянным. В толкучке «Весны» мне иногда встречались знакомые лица, кто-то издали приветственно поднимал руку, кто-то кивал, улыбался. Здесь же я знакомых не встретил. Передо мной, как в кадрах замедленной киносъемки, проплывали чужие, неприятные лица, презрительно, как мне казалось, поглядывающие на меня холодные глаза.

— Проходите, молодой человек. Проходите.

Ко мне почтительно, но без лишней угодливости и торопливости, приблизился хорошо сложенный человек лет тридцати с небольшим в строгом черном костюме, с салфеткой на левой полусогнутой руке.

— Может быть, вы присядете за этот столик? — и он указал мне на свободный стол у окна.

— Мне бы хотелось, — ответил я, — чтобы меня обслуживала Лида Перевозчикова.

— А-а-а, — понимающе сверкнул черными глазами официант. На его смуглом, красивом лице появилось снисходительное выражение. — Тогда пройдите сюда.

И он указал на столик у противоположной стены.

Он тоже оказался свободным. Я сел, взял в руки книжечку меню, раскрыл ее и внутренне ахнул. Цены обескураживали.

Не успел я опомниться, — около столика появилась Лида.

— Ты зачем сюда пришел? — тихо спросила она, доставая из кармашка блокнотик и делая вид, что собирается принимать заказ.

— Да вот хотел... — замялся я.

— Я тебе принесу стакан чая и булочку, — решительно объявила она и добавила: — Дурак, тут же настоящая обдираловка. Выпей чай и сразу же уходи.

Собственно, у меня в ту минуту и у самого не оставалось никакого желания задерживаться в этом кафе.

Позже я еще заходил в «Южное» два или три раза, то вроде бы, чтобы полакомиться мороженым, которое здесь не переводилось, то, чтобы выпить стакан чая. На самом же деле мне просто хотелось хоть издали увидеть Лиду. Но после моего первого посещения кафе отношения у нас совсем испортились. Судьба давала мне еще один шанс освободиться от своего глупого увлечения, забыть надменную девчонку. А я продолжал на что-то надеяться, продолжал искать встреч.

И вот теперь это задание: пойти в кафе «просто так».

Конечно, притвориться простаком из района я не мог. Да и не было нужды в такой легенде, считал я. У меня имелась другая, более правдоподобная — безнадежно влюбленный.

Рассудив так, я заехал из управления домой, переоделся, достал из письменного стола все деньги, какие были в наличии, и отправился в кафе.

Идти прямо в кафе, в зал, по-видимому, было бесполезно. Там вряд ли что высидишь. Народ за столиками с посторонними малообщительный, у официантов на лицах дежурная улыбочка. Эх, на кухню бы попасть! Так ведь тогда сразу пришлось бы раскрыться, а Безуглый приказал пойти просто так, неофициально. И я решил заглянуть на хозяйственный двор кафе.

Я повернул в переулок, проскользнул между двумя не особенно плотно прикрытыми створками ворот и оказался во дворике, через который эта лавочка снабжалась продуктами, овощами, молоком, фруктами.

Там я увидел, что из кафе во дворик выходит высокое крыльцо, равное такой высоте, чтобы подъехавшая крытая машина «Продукты», раскрыв задние двери, могла стыковаться с крыльцом. И еще мне бросился в глаза козырек у складского помещения. Под этим навесом стояла громадная катушка из-под кабеля, вокруг которой на перевернутых ящиках сидели трое парней. Перед ними стояла бутылка минеральной воды, три стакана, раскрытая банка рыбных консервов, лежали куски черного хлеба. Парни о чем-то спорили и не обратили на меня никакого внимания.

Я шагнул ближе и наугад спросил:

— Светлую память Виктора Сергеевича обмываете?

Они умолкли и уставились на меня. Сидящий с краю, ближе ко мне, рыжий здоровяк с оплывшим лицом откликнулся:

— А хотя бы и так. Тебе-то какое дело?

— Поминать хорошего человека водой, хотя бы и минеральной, это как-то не по-русски, — подзудил я.

— Эх ты, кулема, — рассмеялся сидящий в центре. Он скривил пухлые губы в презрительной улыбке, отчего его круглая физиономия приняла высокомерное и презрительное выражение. — Вода, говоришь? На, понюхай...

И он протянул мне пустую бутылку из-под «Арзни». Пахло водкой. «Эге, — подумал я, — не знаю, добуду ли я что-нибудь для дела об убийстве, а вот по делу о незаконной торговле винно-водочными изделиями что-то наклеивается...» И я, чтобы еще больше подзавести круглолицего, скептически пожевал губами, скорчил недоверчивую мину и сказал:

— Пахнет-то и правда вроде бы не водичкой, но вообще-то...

Теперь рассмеялись и двое других, а рыжий сказал:

— Гони шесть монет и я тебе не «вроде бы», а настоящую достану.

— Так ведь до двух еще ой-ой-ой! — прикинулся я простаком.

— А уже это не твоя печаль, — уверенно ответил тот. Я достал пятерку.

— Вот...

— Ну ладно, — откликнулся рыжий. — Аркадий, — обратился он к соседу, — добавляй!

Тот порылся в карманах и протянул старый, жеваный рубль.

«Так, — отметил я, — значит, как я и думал, кафе-то при-торговывает водкой. Одно непонятно — цена. Дешевле магазинной. И это очень странно. А может быть, в бутылке был самогон?»

Но я не стал уточнять, а просто сел на освободившийся ящик и спросил совсем о другом:

— Так что же все-таки стряслось с Виктором Сергеевичем?

Круглолицый тип качнул бритой головой и пожал плечами.

— Говорят, старый приятель его разыскал.

— А чего его разыскивать? — вроде бы удивился я.

— Как «чего»? — в свою очередь удивился бритый. — Он же здесь под фамилией жены объявился. Улавливаешь? Вроде бы как ушел от дружков и концы в воду. А получилось по-другому.

В это время на крыльце появился расплывшийся в довольной улыбке рыжий парень. Он еще оттуда потряс новой бутылкой «Арзни».

Через минуту он уже передавал ее мне. Я с удивлением отметил, что это, по внешнему виду, действительно обыкновенная закупоренная должным образом бутылка минеральной воды. Чтобы рассеять всякие сомнения, я сорвал с бутылки пробку о край импровизированного стола, плеснул граммов по сто в три стакана, приладил сорванную пробку опять на бутылку и опустил ее в карман брюк.

Три приятеля, не чокаясь, выпили и стали жадно закусывать. В это время на крыльце появился официант Валентин Загоруйко.

— Это кто же у вас четвертый, парни? — крикнул он с крыльца.

— Да тут один наш, — ответил бритый.

Загоруйко сошел по ступенькам вниз, во дворик.

— Да какой же это ваш! — воскликнул он, увидев и узнав меня. — Вы и ему поди бутылку показали?

Он обернулся к полуоткрытой двери, ведущей в кафе, и крикнул:

— Маша, позвони Конышеву, попроси его прийти. Тут один субчик объявился.

Я поднялся, но Загоруйко встал передо мной и загородил

дорогу, голову он повернул к выпивохам.

— Где бутылка, ребята?

— У него, — ответил рыжий и кивнул на меня.

У Загоруйко вспыхнули шальным пламенем черные глаза, каждая черточка смуглого продолговатого лица затвердела, между крыльев темных бровей обозначилась строгая складка.

— Отдай бутылку по-хорошему. Слышишь?!

— Я ее изымаю, — ответил я и полез в карман за удостоверением.

— А постановление прокурора на изъятие у тебя есть? — моментально отреагировал он.

Между тем на крыльце появилось новое лицо — человек в милицейской форме.

— Товарищ Конышев, помогите, — тут же обратился к нему Загоруйко. — Вот, — он указал на меня, — ворвался в служебное помещение, во двор кафе. У него в кармане бутылка с водкой, а на бутылке этикетка минеральной воды. Понимаете? Он потом черт знает что на нас наговорить может, лишь бы только дискредитировать кооператив. Вы уж изымите у него бутылку, избавьте нас от наговоров.

Конышев подошел ко мне. Это был тяжеловесный, крижистый, незнакомый мне сержант с суровым и хмурым лицом.

— Давай бутылку! — рявкнул он.

Загоруйко мигнул парням, те кинулись на меня. Через минуту злосчастная бутылка была уже у них.

— Документы, — вновь подал голос сержант.

Я подал служебное удостоверение.

Он покачал головой и сказал:

— Придется сигнализировать, младший лейтенант Левин! Порядок нарушать нельзя никому. И нам с вами — тоже.

Словом, я вынужден был ретироваться. Не вступать же в единоборство с сержантом, да еще когда четыре свидетеля могут потом подтвердить все, что изобретет фантазия Загоруйко.

Так бесславно закончилось еще одно посещение кооперативного кафе «Южное».

ИВАН АРСЕНТЬЕВИЧ МОСЛЯКОВ

Услышав от Загоруйко об убийстве Курбатова, Иван Арсентьевич Мосляков почувствовал, что его, кроме страха, охватило великое сомнение. «Ну, черт же меня дернул с ними связаться! — пронеслось в его голове. — Ни за что деньги платить не станут. А мне платили и платят для того, чтобы за моей спиной прятаться. А, собственно, что я знаю о них: об этом Загоруйко, об убитом Курбатове? Я знаю только Горбова. И, прямо скажем: имею о нем не лучшее мнение...»

Между тем Загоруйко, усевшись за стол, бросил на Мослякова твердый холодный взгляд. На лице его явственно обо-

значились скулы, стрелчатые брови угрожающе сдвинулись к переносью.

— Сейчас, Иван Арсентьевич, речь идет не о Викторе Сергеевиче. Он уже в морге. Нина Семеновна подала заявление в милицию и началось следствие...

При слове «следствие» у Мослякова побежали по спине мурашки. Он, слава Богу, прожил жизнь ни разу не столкнувшись с милицией, прокуратурой, следствием. А тут... И он поморщился.

— Да, так вот, началось следствие, — не обратив никакого внимания на страдальческое выражение лица Мослякова, твердо повторил Загоруйко. — А тут такая ситуация: Горбов в Бубновском районе. Телеграфный вызов я ему послал, но придет он только к вечеру. К Нине Семеновне сегодня приезжает мать, ну и вообще у нее иные хлопоты. Остаемся мы с тобой, Иван Арсентьевич.

— Почему это я? Я к Виктору Сергеевичу никакого отношения не имею. Да я его, по существу, и не знаю. Кто его убил, за что его убили, мне неизвестно. И нет мне до этого никакого дела.

Загоруйко усмехнулся, нехорошо как-то, зло усмехнулся, и сказал:

— Скорее всего, это сработали его старые, еще московские дружки, Иван Арсентьевич. Говорят, что у Виктора Сергеевича нашли в кармане иностранные деньги — валюту. Понимаешь?

— Валюту! — вскричал Иван Арсентьевич. — Значит, Виктор Сергеевич — валютчик?

— Может быть, и валютчик, — деланно-равнодушным тоном ответил Загоруйко, — но дело не в том. Надо принимать меры, Иван Арсентьевич.

— Какие меры?

— Чтобы тень следствия не пала на нас, на кафе, чтобы в городе не поползли слухи.

— А я-то тут при чем?

— Ну, как же, ведь это вы — председатель кооператива. Ведь это вы (Загоруйко даже перешел на «вы») за все отвечаете, милейший. Я — рядовой член, а вы — председатель. Понимаете? — и Загоруйко, для большей убедительности, потряс перед носом Мослякова указательным пальцем.

Мосляков совсем перепугался. «Вон оно что! Значит, когда прибыли делить — они сами с усами, а когда человека убили, то они рядовые, а мне за все отвечать? Ну, уж нет!» И Мосляков решительно замотал седой головой:

— Нет, Валентин Осипович, нет, уважаемый. Вы сами говорили, что я — председатель для «представительства», для видимости, значит, а все дела вы всегда вершили сами. Вот и продолжайте.

— Да чего же ты перепугался, фрайер несчастный? — опять перешел на «ты» обозленный Загоруйко. — Тебя о чем просят: сходить в горсовет, к председателю и заявить протест.

— Какой еще протест? — завопил Мосляков, почувствовавший в эту минуту полное отращение ко всякому «представительству».

— Надо заявить протест на действия милиции. Ее сотрудники являются переодетыми в кафе, организуют слежку, отпугивают посетителей.

— Ах, за вами, оказывается, следят? — воскликнул Мосляков. — Ну, знает! Милиция без причин следить ни за кем не станет.

При этом он подумал, что может «ввиду открывшихся новых обстоятельств» уволиться с должности липового председателя «по собственному желанию». И все. И он успокоился.

Перемена в настроении Мослякова не ускользнула от внимания Загоруйко. Валентин прищурился, притенил ресницами пылающий взгляд и негромко, с угрозой сказал:

— Ты только не вздумай хвостом вилить, Иван Арсентьевич. У нас эти номера не проходят!

— У кого это у «нас»? У кого?! — взорвался Мосляков.

— Не будем уточнять, — жестким тоном оборвал Загоруйко. — Давай-ка лучше собирайся. Приоденься — и в горсовет. Время еще есть. Давай!

— Никуда я не поеду! — решительным тоном возразил Мосляков. — И вообще, я отказываюсь быть председателем, увольняюсь по собственному желанию. С сегодняшнего дня. Немедленно. Я ветеран, пенсионер... Хочу работать — хочу нет. Это мое дело.

Этого Загоруйко, казалось, не ожидал. У него не было под рукой убедительных доводов. Запугивать, попрекать деньгами? Но какой в этом прок? Ведь старый трус, чего доброго, может где-нибудь ляпнуть, мол, меня на испуг взяли... Поэтому Загоруйко только посмотрел на Мослякова долгим, немигающим взглядом и сказал напоследок:

— Ну и дурак. А заявление можешь не писать. Мы тебя уволим и так, по несоответствию.

И вышел не прощаясь. Иван Арсентьевич видел в окно, как захлопнулась дверца, и синий «Москвич» лихо рванул с места.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА СОКОЛОВА

Нина и ее провожатый, стройный чернявый парень, подошли ко мне.

Я смотрела на дочь. За время нашей разлуки она сильно изменилась. Нет, она не подурнела. Наоборот. Мне она чаще

вспоминалась хорошенькой, но все-таки девочкой. А теперь передо мной стояла полностью сформировавшаяся, расцветшая и сознающая свою силу и прелесть, молодая красивая женщина.

Пережитые неудачи, казалось, не коснулись ее. Может быть, она несколько потеряла живость и милую непосредственность, зато вся ее фигура приобрела выражение гордого спокойствия, уверенности в себе и даже легкого налета надменности. Перед такими молча расступается толпа.

Ко мне она подошла не как дочь, а как равная к равной, скорее, как подруга. Полуобняла левой рукой, немного откинула назад свой легкий, изящный стан и будто бы залюбовалась мной.

Лицо ее в это время показалось мне чуточку высокомерным. Она улыбалась, но в уголках ее губ таилось что-то очень похожее не то на насмешку, не то на упрек: мол, видишь, какой я стала? А ты все такая же, как и прежде.

— А ты, ма, — заговорила она, — до сих пор красавица.

— Будет тебе, — невольно смутилась я.

— Говорят, если хочешь знать, как будет выглядеть твоя жена в старости, — сказал молодой человек, подхвативший мой чемоданчик, — посмотри на ее мать.

— Кстати, ма, — перебила своего спутника Нина. — Знакомься: мой друг — Валентин Осипович Загоруйко.

— Очень приятно, — заученно ответила я в некотором замешательстве.

Собственно, мое недоумение росло с каждой минутой. Встречает с другом, а где же муж, где Курбатов?

Тем не менее, я постаралась свое удивление скрыть. У вокзала мы сели в синий «Москвич» Ниночкиного друга. Долго ехали молча. Я смотрела в окно.

— Красивый город, весь в зелени, — похвалила я, чтобы сказать хоть что-то.

— Сейчас на нашу улицу свернем. Она вообще в лес упирается.

— Так это же чудесно.

— Может быть, и чудесно, но...

Нина что-то явно не договаривала. Я это чувствовала. Разговор оборвался. А вскоре мы и правда свернули на другую улицу. Она казалась менее оживленной, более тихой, чувствовалось — окраина. Нина и Загоруйко о чем-то переговаривались. О чем, я не слышала. Мне были видны только их профили, и глядя на них, я подумала, со все возрастающим удивлением, что так говорить, так смотреть друг на друга могут только очень близкие люди. Опять вспомнились слова Нины: «Мой друг...» и я вновь подивилась происходящему.

Минут через пять, миновав продовольственный магазин и троллейбусную остановку, наша машина подъехала к боль-

шому пятиэтажному дому с хорошо заасфальтированными площадками у подъездов.

Дверь в квартиру Нина открыла своим ключом. Зажгла свет в прихожей и пропустила меня. Нас никто не встречал. Я не выдержала и спросила:

— Где же твой муж, Нина?

Она помогла мне снять легкий плащ, повесила его на вешалку и с некоторым опозданием ответила:

— Ты только не волнуйся, мама. Дело в том, что Виктор Сергеевич Курбатов сегодня утром был убит... Не здесь, не в квартире!

— Как убит? — ошеломленная словами дочери, кажется, вскрикнула я. — Как?

— Ударом ножа, мама. Всего одним ударом. Он, должно быть, и не мучился.

— И ты говоришь это таким тоном?

— Что ж, мне сходить с ума теперь, что ли? — вдруг сердито ответила она и, обрывая неприятный разговор, пригласила:

— Прошу.

Она открыла дверь в комнату, и я увидела в глубине ее накрытый стол.

Я была так растеряна и поражена, что даже не помню, как я преодолела те несколько шагов, которые отделяли меня от стола. И только подумала: «В такое время и праздничный стол...»

Между тем Валентин Осипович тоже уселся за стол. Теперь я хорошо его разглядела. Он был хорош собой. Высокий брюнет, под стать Нине. И все же он мне не понравился. Почему? Я не смогла бы ответить на этот вопрос, как говорят «с ходу». Что-то в чертах его лица проглядывало резкое, жесткое.

— Вы так меня рассматриваете, — сказал Валентин Осипович, натянуто улыбаясь, — ну прямо как новую покупку...

— И правильно делаешь, ма, — проходя мимо стола на кухню, бросила Нина, — потому что мы с Валентином... — она на мгновение запнулась, — решили сойтись.

Ну, час от часу не легче: они «решили сойтись»! Прежний муж еще не похоронен, а они уже решили сойтись! Я сдержалась и только едва заметно покачала головой:

— Не быстро ли решили? Подумали бы, что скажут люди?

— А нам совершенно безразлично, что они скажут... — тут же откликнулась Нина.

— И к тому же, мы так решили не сегодня, Любовь Михайловна, а уже давно, — подал голос Загоруйко.

Я обратила внимание, что оба они говорят «мы».

— Так что это даже к лучшему, что его убрали. Значит, не будет лишних скандалов, — добавил Валентин Осипович.

«Убрали...» Боже мой! Они, кажется, даже не понимают, что кощунствуют. Я почти с ужасом смотрела на дочь. Мне было страшно в этом доме, хотелось встать и уйти.

Но идти было некуда: на улице ночь, я в чужом, незнакомом городе и, кроме того, уходить надо было от родной дочери.

— Ты чего, ма? — Нина говорила оживленно, заглаживая неловкость. — Неужели из-за Виктора Сергеевича? Брось! Ты лучше на стол посмотри.

А стол ломился от дорогих и вкусных яств. Тут были прекрасный виноград, апельсины, гранаты, зернистая икра и балык, нежная ветчина и копченая колбаса, горки помидоров, огурцов, грибов маринованных, жареных, соленых, не считая других блюд: из мяса — холодного, заливного, из свежего картофеля, из...

На моем лице, видимо, отразилось удивление.

— Ты удивлена, ма? — щебетала Нина. — Ну, конечно, удивлена. В провинциальном городе и такие деликатесы!

Возившийся с бутылкой шампанского, Валентин Осипович спросил:

— Нина, ты не писала Любви Михайловне о нашем кафе?

— Нет, не писала, — ответила Нина.

Я настожила: о каком еще «нашем» кафе идет речь?

— Тогда разрешите ввести вас, дорогая Любовь Михайловна, в курс дела. Мы, то есть покойный Виктор Сергеевич, я, Ниночка и еще один человек образовали кооператив и открыли свое кафе...

— Да откуда же вы деньги достали? — перебила я его.

— Трудовые сбережения, Любовь Михайловна, дарственные родственников и государственная ссуда, — загадочно и, как мне показалось, довольно ехидно сказал Валентин Осипович.

В это время шампанское «выстрелило», и он ловко стал разливать его в фужеры.

— Ты налей нам и по капельке коньяку. Маме после дороги и наших новостей, безусловно, надо бы выпить чего-то крепкого, — подала голос Нина.

Валентин послушно взял в руки бутылку марочного коньяку. Я промолчала. На миг мне вспомнилось далекое-далекое прошлое, — мой первый в жизни бокал шампанского, приправленный водкой. Мы выпили по рюмочке коньяку то ли за встречу, то ли за упокой, и я принялась за еду. Нина вдруг что-то вспомнила и повернулась ко мне:

— Сегодня один человек спросил меня, не родственница ли я некоему Семену Семеновичу, кажется, Хорину? Я ответила, что не знаю такого человека, а потом подумала: а ведь я «Семеновна».

— Неужели ты не знаешь Хорина? — удивился Валентин. — Это же начальник управления внутренних дел области — генерал Хорин.

Нина смотрела на меня. Ее слова, видимо, адресовались мне, а я сидела пораженная новым открытием: Семен в Энске, здесь, опять наши пути переплелись!..

Не знаю, побледнела ли, покраснела ли я, но лицо мое, должно быть, изменилось, потому что Нина это сразу заметила и почти вскрикнула:

— Ты знаешь его! Знаешь... Почему меня спросили о нем? Почему?

Я, наконец, овладела собой.

— Семен Семенович Хорин — наш дальний родственник, Нина. И ты, пожалуй, даже немного похожа на него, — согласилась я. — Но сейчас он, скорее всего, и не узнает меня. Он уехал из наших мест так давно, что...

— Вон как. Родственник. Об этом и напомнить можно, — чему-то обрадовался Валентин и посмотрел на Нину: — Значит, и ты — родственница?

— И она тоже, — подтвердила я.

КАПИТАН БЕЗУГЛЫЙ

Как я и думал, в «Южном» Левина я уже не застал. Встретил меня довольно развязный молодой человек лет тридцати пяти, назвавшийся администратором Валентином Осиповичем Загоруйко.

Он проводил меня в крошечное служебное помещение и, заговорщически прищурив темные глаза, осведомился:

— Может быть, закусите, товарищ капитан?

— Спасибо, сыт, — ответил я и попросил рассказать о происшествии, связанном с младшим лейтенантом.

— Мало ли чего не наделаешь, товарищ капитан, когда влюблен, а девчонка дает тебе от ворот поворот. Он, кажется, ее и ко мне приревновал. Вот и явился к нам тайком, с черного хода, так сказать, да еще с бутылкой водки.

На лице его было написано, что он по-мужски сочувствует неудачнику и готов замять дело.

— Я только чего опасаюсь, товарищ капитан. Молодые офицеры — люди самолюбивые. Чтобы оправдать свое некрасивое поведение, этот ваш Левин, чего доброго, и на клевету пойдет. Еще вздумает утверждать, что это у нас продается водка. А нам такая реклама, прямо скажу, ни к чему. Да и вообще... С милицией лучше не ссориться!

Надо было как-то реагировать и я, скрыв свое полное неведение о сердечных делах младшего лейтенанта Левина, пообещал, что мы обязательно разберемся в поведении нашего сотрудника и примем соответствующие меры.

Администратора мои обтекаемые слова как будто удовлетворили. Он начал говорить о том, что «он сам человек миролюбивый и совсем не жаждет чужой крови...»

— Уж вы, товарищ капитан, сильно-то на него не жмите. Мало ли чего не сделаешь по молодости. Я ведь и сержанта позвал просто потому, что тот под руку подвернулся. Да и не знал я тогда еще, что Левин лейтенант милиции. А этот Конышев сразу стал звонить, сигнализировать...

Говорил он миролюбиво, вкрадчиво, улыбался, а глаза оставались холодными и настороженными. Я не верил ни одному его слову, хотя и закончил разговор повторными заверениями, что Левин будет наказан в соответствии с тяжестью своего проступка.

Но, он, кажется, тоже не поверил мне, хотя и не выразил своего недоверия.

Словом, так или эдак, но приказание подполковника я, можно сказать, выполнил: почти извинился и проделал «все такое...». И так, моя задумка разведать обстановку в кафе неофициально — не удалась. Поэтому дальше наводить тень на плетень не имело смысла. И я перешел к делу:

— Да, — сказал я таким тоном, будто только что вспомнил о вещи малоприятной, — ведь у вас, кажется, кроме происшествия с Левиным, есть и другие печальные для кафе обстоятельства?

Взгляд Загоруйко метнулся и уперся в стол.

— Да, товарищ капитан, действительно, — грустно подтвердил он, — у нас большое несчастье. Убит наш шеф-повар — Виктор Сергеевич Курбатов.

— А вы об этом от кого узнали? — быстро спросил я.

— От жены Виктора Сергеевича — Нины Семеновны.

— Когда?

— Нина Семеновна, товарищ капитан, как и все женщины, боязлива и мнительна. Ей очень не нравилось, что Виктор Сергеевич бегаёт трусцой, да еще за город, мимо леса, мимо кладбища. Он побежит оздоравливаться, а она ждет его и переживает. Так вот и сегодня получилось. Ждала, ждала — нет. Она ко мне. Это еще до звонка в милицию. Я говорю: звони. Вот так и получилось. Я ее потом и в милицию, в Промышленный райотдел отвозил.

Он наконец оторвал свой взгляд от стола и посмотрел на меня. Мне показалось, что выражение его взгляда изменилось, несмотря на печальный тон, взгляд его был теперь не просто настороженным, но и, пожалуй, враждебным.

«С чего бы это?» — подумалось мне.

— Вы были в хороших отношениях с Виктором Сергеевичем?

— В наипрекраснейших.

— Так вы должны знать тогда: были ли у Виктора Сергеевича враги и если были, то кто они?

Взгляд Загоруйко вновь метнулся. Он пожевал красивыми, полными губами, провел пятерней по волнистым темным волосам, чуть-чуть, вроде бы с сомнением, пожал плечами, снова в раздумье пожевал губами и неуверенно сказал:

— В Энке-то, кажется, нет, не было.

— А в других местах?

— Говорил он как-то, что неприятные письма стал получать.

— Откуда?

— Из Подмосковья.

— А если точнее?

— Кажется, из Можайска. Точно не помню.

Отвечал он вроде бы неохотно. Но я продолжал:

— Так. А фамилий не называл?

— Да я как-то не обратил тогда внимания. Кто же думал, что все так серьезно!

— И что же в тех письмах?

— Не знаю точно. Просто он сказал как-то: «Неприятные письма пишет Мишка Штокман...» Вот видите вспомнил: точно — Штокман... Именно Штокман, — оживился он.

Что ж... Сведения были, безусловно, важные, но они подозрительно уводили нас из Энка в далекое Подмосковье, это раз, а во-вторых, я не мог забыть ни его бегающего взгляда, ни выражения враждебности, мелькнувшего на лице администратора, когда я впервые коснулся темы убийства Курбатова.

Первым в управлении встретил меня расстроенный Левин. Он, конечно, и сам многое понял и теперь переживал свою неудачу, поэтому я постарался сдержать себя.

Конечно, младший лейтенант здорово подвел нас, умолчав о своей «несчастной любви» к этой самой Лидочке и о том, что он уже несколько раз бывал в кафе и к нему там наверняка присмотрелись, а Лидочка, скорее всего, не скрыла место его работы. Вот у Загоруйко и появились козыри: мол, мало ли что натворит влюбленный... Но у меня так и не хватило духу отругать его по всей строгости. Даже похвалил:

— Важную детальку откопал ты, Левин, — сказал я ему, — водка под видом «Арзни». Но сейчас придется повременить. Спугнул ты коммерсантов! Теперь за сто километров от кафе такой «минеральной» не сыщешь. Сделаем вид, что ты об этой самогонке никому ни звука, но запомним на будущее. А ты уж, хочешь не хочешь, постарайся с администратором Загоруйко повстречаться, скажи ему, что, мол, промолчал про «Арзни» из уважения к фирме, в которой работает одна девушка...

— Понятно, — без энтузиазма, но твердо ответил Левин.

— А тем временем наведи подробные справки об этом Загоруйко: родился, учился, работал, служил в армии. Где,

когда, как? И о взаимоотношениях с Курбатовым. Словом, полный портрет.

— Будет сделано, Тимур Иванович.

— И последнее. Сейчас же сходи к медикам и обследуйся на предмет употребления алкоголя.

— Это еще зачем? Да и не пил я, товарищ капитан!

— За тем, младший лейтенант. Коммерсанты — народ тертый, они и приврать смогут и подставных свидетелей найдут. А у нас документик будет.

Он ушел. А я, как планировал раньше, решил переговорить с участковым Рожковым. Вскоре мне уже было известно, что подлинная фамилия убитого — Конопля, последнее место жительства — подмосковная железнодорожная станция. Полтора года назад он женился на молодой женщине Нине Семеновне Курбатовой и принял ее фамилию.

— Хорошо, товарищ Рожков. Спасибо. Нас, кстати, интересует семейная жизнь Курбатовых. Привычки. Взаимоотношения с соседями.

Рожков обещал все выяснить и подъехать в управление через два часа.

НИНА СЕМЕНОВНА КУРБАТОВА

С тех пор, как она помнит себя, Нина никогда никого не жалела. Девочкам, растущим рядом с ней, было, как в известных стихах, до слез жалко забытого кем-то, мокнущего под дождем, порой даже грязного плюшевого мишку. Кто-то жалел худую, хромоногую собачонку, дрожащую от страха и одиночества, умоляюще поблескивающую грустными сливинами почти человеческих глаз и делился с ней маминым гостинцем — конфеткой или кусочком пирожного. Нина так не поступала никогда.

...Как компаньон, Виктор Сергеевич Конопля вполне ее устраивал. Хотя самым убедительным доводом в пользу замужества послужила сберегательная книжка на ее имя. Если бы Нина по каким-либо причинам вздумала разорвать брачные отношения, то не пострадала бы при этом — ее ближайшее будущее заранее было обеспечено. А дальше она заглядывать не привыкла.

Однажды вечером чета Курбатовых возвращалась домой. Они сели в полупустой автобус. Виктор Сергеевич уставился в окно. Время от времени он загадочно улыбался.

«В хорошем настроении...» — подумала о муже Нина.

Она заметила, что он бывает в особо хорошем настроении именно по первым понедельникам месяца. Почему? Сообразить было не трудно. В первый понедельник Нина подводила окончательные итоги работы за предыдущий месяц, соверша-

ла в соответствии с инструкциями необходимые банковские операции и вручала каждому работнику кафе заработную плату в отдельных конвертах.

Нине было интересно наблюдать, кто как получает деньги. Горбов проделывал эту операцию в полном молчании. Полные губы его в такую минуту поджимались, резко обозначались складки отвисающих щек и второго подбородка.

Загоруйко брал конверт и расписывался в ведомости с шуточками и подмигиваниями.

Официантка Лидочка Перевозчикова презрительно кривила губы и совала деньги в сумочку не пересчитывая.

Пал Палыч, первый помощник Виктора Сергеевича, получив деньги, сразу же отделял от них рублей пятьдесят — шестьдесят и тут же рассовывал в разные потаенные места. «Прячет от жены...» — догадывалась Нина.

Виктор Сергеевич, как правило, получал деньги самым первым, чтобы подольше подержать их около сердца, всегда просил платить одинаковыми купюрами, покрупнее. Когда же он расписывался в ведомости, у него заметно дрожали руки. После чего он каждый месяц проделывал одно и тоже: шел к Валентину, у которого всегда имелся запас шампанского, рислинга, коньяка и даже водки — «для исключительных случаев» и покупал у него бутылку шампанского, тщательно укутывал ее газетами, возвращался к Нине и терпеливо ждал, когда она освободится.

В эти дни они возвращались домой вместе. Всегда одним и тем же автобусом. И Виктор Сергеевич, упираясь взглядом в темное окно, довольно улыбался чему-то своему.

Поначалу он хотел наложить лапу и на ее конверт, но Нина решительно воспротивилась, и он отступил.

Прожив с ним полтора года, она прекрасно знала, что деньги у него, несомненно, есть. И, судя по всему, не малые. Она догадывалась, что он не случайно переменил местожительство. Скорее всего, таким путем он закончил какие-то денежные дела в Подмоскowie. И теперь все копит и копит. Но зачем? Что он с ними собирается делать?

За мыслями она не заметила, как они доехали до своей остановки. Вывел ее из задумчивости муж. Он мягко прикоснулся к ее руке.

— Приехали, Нина.

Дома опять, как в предыдущий первый понедельник, хлеба в хлебнице не оказалось, и Виктор Сергеевич вроде бы досадливо хмыкнул, развел руками и искательно произнес:

— Может быть, сбегает, Ниночка?

Пришедшая еще в автобусе мысль о возможных замыслах мужа заставила ее на этот раз насторожиться: «Почему происходят такие совпадения по первым понедельникам? В обычные дни всегда хлеб есть, а в дни получек... я точно помню, что

утром в хлебнице оставалось еще полбуханки». И ее вдруг осенило: «У Виктора Сергеевича где-то здесь, в квартире, тайник. Он нарочно отсылает меня, чтобы без помех спрятать только что полученные деньги...»

И она решила проверить свою догадку. Прежде всего постаралась скрыть от мужа свои подозрения. Лицо ее приняло добродушное выражение, она улыбнулась ему, тряхнула копной каштановых волос и сказала:

— Ну конечно, Виктор! Я быстро.

— Вот и умница. Вернешься, мы посидим... — и он достал бутылку шампанского, поставил ее на кухонный стол и направился в спальню переодеваться.

Нина шумно прошла в прихожую. Разыскала на ощупь выключатель и погасила свет. Открыла дверь и почти сразу же с силой захлопнула ее, так, чтобы Виктор Сергеевич слышал: она ушла. А сама осторожно сняла туфли и бесшумно прокралась к двери, ведущей в гостиную, заглянула: в их спальне горел свет. Через минуту она увидела Виктора Сергеевича. Он был уже в тренировочных брюках и в правой руке держал пачку денег.

Курбатов выключил свет и сделал в темноте несколько шагов. На слух Нина определила, что он направился в свой «кабинет». Еще через мгновение вспыхнул свет там. Неслышная, как тень, Нина прокралась через гостиную и очутилась в крохотном коридорчике, разделяющем спальню и кабинет мужа.

Она замерла за портьерой, прикрывающей дверь в кабинет, сердце ее гулко бухало в груди. Виктора Сергеевича она видела стоящим к ней спиной, около книжного шкафа. Шкаф был особый, штучной выделки. По его краям и между полками мастер разместил, видимо, для украшения блестящие металлические уголки, квадратики и ромбы, а между ними выступали над поверхностью затейливые шарики-шляпки.

Виктор Сергеевич покрутил такой шарик, прилепившийся к краю шкафа между первой и второй полками. Неожиданно до Нины донесся металлический щелчок и вслед за тем в шкафу во всю его ширину выдвинулся замаскированный под междуполочное перекрытие широкий, но совсем низенький ящик. Виктор Сергеевич потянул его на себя. Ящик легко подался. В нем видны были пачки денег. Много пачек. Трясущимися руками Виктор Сергеевич брал их, любовно гладил и возвращал на место. Одну за другой, одну за другой.

Нина не стала ожидать конца этой сцены. Бесшумно прокралась в темную прихожую, нащупала в темноте свои туфли, схватила их и выскользнула за дверь. На площадке никого не было. Она торопливо надела туфли и бегом кинулась в булочную.

Вернулась она так, что не вызвала у Курбатова никаких

подозрений. Они вместе накрыли стол, выпили шампанского. Нина ничем не обнаружила себя, а Виктор Сергеевич все еще находился под впечатлением встречи со своим богатством и был не очень-то внимателен к выражению ее лица. Он вообще был не очень-то внимателен к ее внутреннему миру, считал ее довольно пустой, взбалмошной, красивой, но недалекой женщиной. Он был ослеплен своим богатством, удачливостью, своей расчетливостью. Поэтому ее настроение, ее переживания для него ничего не значили. А между тем у нее уже зрели свои замыслы, свои планы...

Около полуночи, оставив на столе грязную посуду, они отправились спать. Нина пожаловалась на плохое самочувствие и легла отдельно. Муж был ей глубоко противен и она боялась, что не сможет скрыть от него появившееся новое чувство. А он снова ничего не заподозрил.

В ТРУДНУЮ МИНУТУ

— Я, Павел Иванович, извини, к тебе... Посоветоваться...

В дверях своей квартиры Павел Иванович Есипов увидел Мослякова. Он был, кажется, немного «на взводе», вид жалкий и растерянный.

Павел Иванович после неудавшегося похода за грибами решил навестить в библиотеку, и уже собрал стопку книг, но, увидев Мослякова, уловив тревогу в его взгляде, посторонился и пригласил:

— Проходи, Иван Арсентьевич.

Мосляков перешагнул порог. Есипов был один, жена уехала к заболевшей родственнице, и он повел Мослякова прямо в гостиную. Они сели за стол лицом к лицу так, что Мосляков оказался против окна. Теперь Павлу Ивановичу было хорошо видно, что Мосляков чем-то сильно взволнован, не знает как начать разговор и поэтому Есипов ободряюще улыбнулся и спросил:

— Так что же случилось, Иван Арсентьевич?

Мосляков сразу напрягся, немного нахмурился и, словно решившись на что-то, безнадежно махнул рукой.

— Тут такое дело, Павел Иванович. Крепко я подзапутался, влип, можно сказать. До сегодняшнего дня я числился председателем кооператива, обосновавшегося в кафе «Южное». Вы еще спрашивали меня, помните?

Есипов покивал.

— Так вот, все это была одна бутафория. По существу, я был у них как свадебный генерал, что ли. И нужен-то был только, как они говорили, «для представительства».

— Это как же так: «для представительства»?

— А так: нужно кооперативу зарегистрироваться — в горисполком они меня посылают. Нужно ссуду выхлопотать — опять же я. «Весну» закрыть, а помещение и все прочее коопе-

ративу передать — снова: «Давай, Иван Арсентьевич, давай, дорогой...»

— А что ж они сами?

— Сами... — Мосляков опять безнадежно махнул рукой и покачал головой. — Кишка у них тонка, самим-то. Горбова в городе знают, это еще тот прохиндей и ловчила. Виктор Сергеевич Курбатов — судя по тому, что я слышал о нем от того же Горбова, начинал с того, что приторговывал краденым. А Загоруйко — тот вообще сидел.

— Зря ты с ними связался, Иван Арсентьевич!

— Да ведь, когда они меня уговаривали, я еще не знал, что они за субчики.

— Видишь, что получается: они тебя для прикрытия председателем кооператива сделали. Самим нельзя — у самих рыльце в пушку, а ты ветеран, бывший фронтовик...

— Точно, — печально подтвердил Мосляков.

— Взгреть тебя надо за это, Иван Арсентьевич! Так что уж признавайся: за сколько они купили тебя?

— Пятьсот в месяц.

— Да-а-а, красиво жить не запретишь. Так о чем же ты хочешь со мной поговорить, Иван Арсентьевич?

— Тут ведь вот какая закавыка, Павел Иванович, — сегодня утром убили Курбатова, он у них был главный закопёрщик.

— Ах, вон как, Курбатова убили? — сделав вид, что слышит об этом впервые, воскликнул Есипов. — Ну и что?

— Началось следствие. А у Курбатова этого, говорят, в кармане валюту нашли. Получается, валютчик он. А я вроде бы с ним в одной компании.

Это было очень важное сообщение: кто-то, оказывается, знает, что у Курбатова обнаружена валюта. Откуда знает? Ведь Безуглый и Рокотов вряд ли оповестили об этом посторонних. И все-таки слух дошел до Мослякова. И Есипов, скрывая свой интерес, равнодушно спросил:

— И кто же это говорит про валюту?

— Да Загоруйко, черт бы его побрал! Примчался сейчас и давай шпынять меня: «Собирайся, Иван Арсентьевич, езжай в горсовет, Иван Арсентьевич, заявляй протест на милицию, Иван Арсентьевич...»

Есипов покивал.

— А я говорю: не поеду и отказываюсь быть вашим председателем. Он сначала вспыхнул, грозить начал, мол, у нас такое не проходит, а потом на попятный. И уехал. А я хожу и не знаю, что мне делать.

— Тебе остается одно, Иван Арсентьевич, чтобы загладить свою вину, помочь следствию разобраться во всех хитросплетениях этой кооперативной лавочки.

— Легко сказать: «помочь», а как? Кто меня слушать станет?

Есипов прошел в прихожую, набрал номер телефона капитана Безуглого.

— Тут такое дело, Тимур. У меня сидит Мосляков Иван Арсентьевич, председатель кооператива кафе «Южное». Есть интересная информация. И вообще, тебе следует встретиться с ним. Мужик он неплохой, но подзапутался.

Безуглый ответил, что подъедет минут через двадцать. Мосляков, слышавший разговор, облегченно вздохнул:

— Спасибо, Павел Иванович. Выручил! А жалеть себя я не буду. Надоело в страхе жить. Все расскажу, что знаю!

...В дополнение к имеющимся сведениям сотрудникам милиции удалось установить, что Валентин Осипович Загоруйко, русский, 1953 года рождения, прибыл в Энск «после отбытия срока наказания в колонии строгого режима». Это было уже кое-что!

Сереза Пряхин искал синий «Москвич». Оказалось, что полгода назад была украдена похожая машина с номерным знаком ЭОЛ 27—42. Нынешнее местонахождение неизвестно.

МАТЬ И ДОЧЬ

В прихожей едва слышно щелкнул замок, Любовь Михайловна вздрогнула, а еще через секунду дверь в кабинет открылась, и она увидела дочь. Нина была в строгом темном жакете, такой же юбке и темно-голубой кофточке. На голове креповый платочек. Но несмотря на траурное одеяние, лицо ее светилось счастьем.

— Вот и все, мама, — сказала она. — По части похорон все необходимые распоряжения сделаны. В час дня катафалк с гробом подъедет прямо к моргу. Еще через час проводим его «в последний путь», потом поминки в кафе. И я опять свободна, как ветер...

— И ты радуешься? — удивилась Любовь Михайловна.

— Конечно, — не задумываясь ответила Нина. — Сказать по правде, — добавила она другим, более жестким тоном, — Виктор Сергеевич был человеком ненадежным, себе на уме. От него всего можно было ждать.

И Нина снова вспомнила тот понедельник, возвращение домой после очередной полочки и свое неожиданное открытие — тайник.

...Следующий день, вторник, был выходным для них, и Виктор Сергеевич засобиравшись поближе к природе — на дачу. Звал с собой Нину, но она, как и накануне, сослалась на плохое самочувствие, и он уехал один.

Проводив мужа, Нина кинулась в кабинет, к заветному книжному шкафу. Она покрутила затейливый шарик, притаившийся между первой и второй полками, раздался металлический щелчок, очень громкий, как ей показалось, и тайник

выдвинулся. Нина схватила края показавшегося ящика, потянула его на себя и увидела пачки денег. Ее потрясло, что деньги-то были по большей части иностранные. Главным образом, английские и американские: достоинством в десять, сто и двести пятьдесят фунтов или долларов. Между пачками она увидела потертую коробочку. Нина открыла ее и замерла. В коробочке, на бархатной подушечке лежали бриллианты, рубины, изумруды и еще какие-то драгоценные камни в затейливых оправках. Украшений было много. Минуту полюбовавшись ими, она закрыла коробочку и положила ее на место.

В правой секции тайника лежали пачки советских денег. Их было всего тысяч двадцать, двадцать пять. Нина поняла, что большую их часть Виктор Сергеевич обратил в валюту, да в эти вот камешки. Теперь у нее раскрылись глаза: вот, значит, для чего копил ее супруг каждую копейку! А ей, законной жене, ни полслова! Смотался бы в один прекрасный день за границу, и прости-прощай. Что ему нужно? Вилла, яхта... Нина представляла жизнь за границей исключительно «кинематографически». Недаром Виктор Сергеевич последнее время вел разговоры о заграничных туристических поездках куда-нибудь на Средиземноморье. «Сначала я. Все разведая. А потом поедем вместе...» Ах, подлец, подлец! И тогда она, стоя перед ящиком-тайником, вынесла ему приговор. Нужно было от него избавиться. Он уже старый, пожил в свое удовольствие. А это все останется ей. Она заслужила! Да и кто, кроме нее, законной наследницы, имеет право на этот ящик? Да, но как, как это всё осуществить? Не сама ведь она... И перед глазами встал Валентин, он поможет!..

— Ты о чем задумалась, доченька? — будто бы издалека донеслось до Нины.

Мама сидела в кресле у окна. Нина порывисто кинулась к ней, опустилась на колени и прижалась к ее груди. Из глаз брызнули слезы.

— Тяжело тебе, доченька? — снова спросила Любовь Михайловна.

Нина на миг вскинула голову, обдала Любовь Михайловну диким, почти безумным взглядом. Потом опять он сделался беспомощным и жалким, она снова прижалась к груди матери и прерывистым голосом, всхлиывая, почти шепотом сказала:

— Мама, мама... Ничегошеньки-то ты не знаешь...

У Любви Михайловны тревожно защемило сердце — она действительно не знала, что ей и думать. «Чужие, мы с ней совсем чужие», — думала Любовь Михайловна. Но ей было мучительно-сладко прижимать к своему сердцу, как когда-то давно, голову дочери, гладить ее волосы, и, склоняясь к ней, тихо спрашивать: «Что с тобой, что с тобой, доченька?..»

Нина же, прижимаясь к груди матери, мысленно снова была в том августовском дне.

...Тогда, задвинув ящик, она закрутила затейливый шарик и оглядела кабинет. К этому времени план действий у нее уже был готов.

В отместку Виктору Сергеевичу она привела к себе Загоруйко. Впервые привела открыто, домой. Обычно они встречались на даче. И едва они прошли в гостиную, она увидела, как у Валентина загорелись глаза.

Она подошла к нему и, положив на его плечи свои ладони, заглянула в его бесовские глаза.

— Ты любишь меня?

Валентин жадно обнял ее.

— Нет, ты скажи: любишь?

— Ты же знаешь, — внезапно охрипшим голосом сказал он.

— Нет, ты скажи, — настаивала она.

И он, преодолевая внезапно откуда-то взявшееся внутреннее сопротивление, ответил:

— Люблю. Люблю!

— Как любишь? — снова спросила она.

Он с удивлением посмотрел в ее изменившееся лицо. А потом привлек к себе и на этот раз твердо, самозабвенно и пылко сказал:

— Люблю. Очень, очень!

Она улыбнулась каким-то своим мыслям и мягко отстранилась от него.

— Пойдем, — сказала она и повела в кабинет. Там она снова проделала необходимые манипуляции и выдвинула тайник.

Загоруйко потянулся к пачкам валюты. Стал перебирать и рассматривать их. Пауза затянулась. Наконец, он произнес:

— Вот это да!

— Все это Виктор Сергеевич прячет от меня. Собирается тихо смотаться за границу, поцарствовать на старости лет в заграничных кабаках.

— Прячет? Для заграницы? Не может быть!

— Он мне все уши прожужжал: надо, дескать, достать туристическую путевку, надо побывать на Лазурном берегу... Или во Франции. Понимаешь?

— Понимаю. Рассчитывает: туда вместе, а оттуда ты одна.

— Хуже. Меня он даже не зовет! Говорит, сначала я съезжу, вроде бы на разведку, а потом — ты.

— И что же ты решила?

— Ты любишь меня, милый? — опять спросила она.

— Люблю, Нина, люблю! — ответил он, уже нервничая.

— Тогда вот что: Виктор Сергеевич должен исчезнуть.

Загоруйко не стал спрашивать, что означает «исчезнуть», он только нахмурился, минуту подумал, потом решительно тряхнул головой и сказал:

— Исчезнет. Только вот что: дай-ка мне одну из этих заграничных бумажек. Для дела.

Она наугад вытащила одну купюру и подала Валентину...

А мама все гладила и гладила ее волосы. Наконец, Нина успокоилась, воспоминания постепенно отодвинулись куда-то, и она подняла голову.

— Я тебя напугала, мама?

— Нет, я просто пожалела тебя, доченька.

— Меня? Напрасно, мама. Я самая счастливая! — И она довольно естественно рассмеялась. — Да, совсем забыла: сегодня в театре идет «Сильва»! И я по величайшему благу, еще неделю назад, достала два билета: тебе и мне. Я думаю, что мы имеем право, после всех неприятностей, хоть немного развлечься.

Любовь Михайловна задумалась. Ей вспомнился Свердловск, «Сильва» в исполнении прославленной труппы. Как давно это было! И она решила не отказываться.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ПРЯХИН

Конечно, Глебу Левину легче, — он один, не женатый, у него на уме пока только любовь и никаких забот. И хоть Тимур надавал ему на вечер кучу заданий: то узнать, это проверить, для него они — семечки.

А я, после того, как мы вернулись от подполковника Семухина и направились по домам, уносил в сердце две занозы. Во-первых, я обещал Лизе сегодня же съездить на дачу за ранним картофелем, а ехать, сказать по правде, мне не хотелось. Очень. И, во-вторых, мне не давал покоя синий «Москвич».

Ведь это же надо, сколько вокруг него накрутилось всякого! Есипов и бегун-спортсмен видели машину припаркованной у лесных зарослей, недалеко от поворота дороги. К «Москвичу» же привел след резиновых сапог. Такой же синий «Москвич», например, у администратора кафе «Южное» Загоруйко. Значит это что-то или нет? Может, случайность? Номерной знак у его машины не похож на искомый. И кроме всего прочего: в городе вообще не было ни одного синего «Москвича», первые две цифры которого начинались бы с двойки и семерки.

Так что же это была за машина? Чья? Иногородняя?

Такая вот карусель!

Я не мог отделаться от этих мыслей и когда вернулся домой. А между тем Лиза встретила меня недоверчивой улыбкой, сказала с подковырочкой:

— Неужели совсем? Или только предупредить, что задержишься?

Жена хорошо знала мою работу. И ее недоверчивое «Неужели...» меня не удивило. Но сегодня она ошиблась: работа работой, ею голова все время занята, а я обещал съездить на дачу — значит, съезжу!

Мы с Лизой еще в прошлом году раздобыли и посадили на даче картошку-скороспелку и теперь у нас своя, не по рублю за блюдечко! И я съезжу. Обещал привезти — привезу.

Рассуждая о том о сем, я быстро переоделся, захватил заранее приготовленный рюкзак и отправился в путь.

Ехать мне пришлось по тем же местам, где мы побывали вчера утром, потому что моя дача тоже в Ключарах.

Картошку я накопал быстро. А когда закончил работу, помыл руки и собрался обратно, с автобусной остановки подошел к калитке мой сосед по даче — Серафим Щепотев, пожилой и ужасно словоохотливый.

Он спросил:

— Ты не ночевать собираешься, Сергей?

Я ответил, что нет, что приезжал за картошкой. А Серафим явно решил поговорить, повесил на штaketину свой рюкзак и стал шарить по карманам курево.

— Да ты проходи, — пригласил я его, — покурим.

Мы сели на мое крылечко. Закурили.

— Понимаешь, какое дело, — начал он. — Расскажу я тебе историю. Позапрошлую ночь я тут ночевал. За «Викторией» присматриваю. Она у меня вот-вот готова будет. Да боюсь дачных несунув. И вот, значит... — он выпустил большое облако дыма и повторил:

— И вот, значит, возвратился я домой уже утром, хотя и рано было, и прилег отдохнуть, потому как я в отпуске, торопиться мне некуда. А проснулся — жена и говорит, что в лесу, по дороге в Ключары, человека убили. Чуешь?

— Я слышал, — почти равнодушно ответил я, — убили. Ну и что?

«Теперь все дачники только и будут говорить об этом», — подумалось мне.

— Как это «ну и что?» — возмутился мой сосед. — Да знаешь ли ты, что соберись я домой чуток позднее, вся эта ужасная история произошла бы на моих глазах и я не знаю, что из того последовало бы!

«Воспоследовало...» — нашел тоже словечко», — недовольно подумал я, но в следующее мгновение меня словно обухом по голове стукнуло: «Да ведь он чуть ли не свидетель...», и я решил у него выпытать все, что он знает.

— Так уж и на твоих глазах! — Вроде бы не поверил ему.

И тогда мой Щепотев прямо взъярился. Рассказывал он сбивчиво, не совсем последовательно, с отступлениями и повторами, но я его не перебивал, полагая, что это можно будет сделать позднее. В общем, картина вырисовывалась такая.

Вышел Серафим со своей дачи едва только заалел восток. Не торопясь прошагал на большак. На подходе к асфальтированной дороге, справа от себя, увидел уткнувшийся в заросли синий «Москвич». Потом повстречал бегунов-спортсменов и по-

чти сразу же после них старика в импортном тренировочном костюме.

Его он встретил уже поровнявшись с первыми домиками садоводческого общества «Дорожник». И когда тот пробежал мимо него, Серафим вспомнил вдруг, что забыл нарвать зеленого лука, как просила жена. К счастью, он в это время был уже около промежуточной улочки, ведущей к дачному участку брата. Он решил не возвращаться, а сорвать несколько перьев лука у брата и повернул вправо. Тронул вертушку на калитке пятого садика и вошел туда. Повозился Серафим там минут 5—10, и когда вышел снова на асфальтированную дорогу, впереди себя увидел возвращающихся бегунов-спортсменов, а по направлению, противоположному к повороту дороги, одинокую фигуру пешехода. (Скорее всего, это был Есипов, — догадался я). Старика в импортном костюме видно не было. Серафим шагал в сторону города. Шагал он ходко.

Примерно минут через пятнадцать, когда он подходил к приемному пункту коопторга, скупавшего у дачников излишки овощей и фруктов, услышал за спиной рокот мотора.

В этом месте от приемного пункта вилась плохонькая грунтовая дорога в пригородное село Марьино. Машина могла идти и туда, и он посторонился. Догонял Щепотева синий «Москвич», видимо, тот самый, который он приметил у зарослей.

У развилки «Москвич» остановился. Открылась правая дверца, из машины выбрался верзила в резиновых сапогах и, не оглядываясь, пошел в сторону Марьино. А Серафим подошел к «Москвичу» и попросил подвезти его в город. Но водитель отказал ему, вскоре свернув вправо от асфальтированной дороги.

В этом месте рассказа я все-таки задал Щепотеву вопросик, — поинтересовался, как выглядел водитель «Москвича», и получил довольно толковый словесный портрет Загоруйко. Тогда я с замиранием сердца спросил его:

— А ты, случаем, номер машины не приметил?

— Ну, как же! Я ведь долго следом шел. Вот и запомнил: ЭОЛ 27—49.

Я чуть не присвистнул. Вот это да! Одно к одному — нашлась пропажа! И мне захотелось как можно скорее оказаться в городе, созвониться с Тимуром. Но Серафим, оказывается, имел свой умысел:

— Понимаешь, Сергей, — начал он издалека, — после этого случая опасения среди дачников возникли. Это ведь не шутка — человека убили.

— Какая уж шутка, — согласился я.

— Так как? — спросил он, — может, заночуешь? Вдвоем оно, знаешь, безопаснее. А?

Но я разочаровал его — я ведь обещал Лизе привезти картошку сегодня, а раз обещал... Словом, мы попрощались. Я пошел на остановку, Серафим — к себе.

Через час я был уже дома и сразу кинулся к телефону, но с ним что-то случилось, — когда я поднимал трубку, в наушниках раздавался непрерывный, длинный гудок, который так и не кончался даже после того, как я набирал первую цифру нужного мне номера. Повторив свои попытки несколько раз, я бросил эту затею.

Однако утром в голову мне пришла новая мысль. «Предположим, — подумал я, — что «Москвич» заезжал на свою дачу. Конечно, это весьма и весьма сомнительно. Скорее, он просто переждал где-то, чтобы избавиться от назойливого пассажира, но все-таки предположим... Однако должен же он в конце концов возвратиться в город? Должен! И если это был Загоруйко, то от автостанции «Пригородной», он свернет влево, что вполне естественно. А там, на его пути, между прочим, пост ГАИ! Мог дежурный обратить внимание на проехавший синий «Москвич»? Почему бы и нет?»

И я отправился не в управление, а к посту ГАИ.

Лейтенант Пуговкин, дежуривший в то утро, как раз снова заступил на дежурство. Я был с ним немного знаком, он меня тоже узнал.

— Спрашиваешь, не видел ли я вчера поутрянке синий «Москвич»? Отвечаю: очень даже видел. Понимаешь, сон меня одолевал. Дело молодое — прогулял накануне с девчонкой. Вот меня и прижало. Чтобы совсем не скиснуть, я заставил себя у машин номерные знаки разглядывать.

— Ну и?.. — поторопил я его.

— Что «ну и?..» — не понял Пуговкин. — Движение настоящее еще не началось. От машины до машины, как на плохом поле: «от колеса до колеса не слышно голоса». Вот я и приметил тот «Москвич». А почти следом за ним проехали красные «Жигули». Точно помню!

— И номер «Москвича» помнишь? — весь напрягся я.

— ЭОЛ 27—49, — не раздумывая, ответил Пуговки и тут же изменился в лице. — Стоп, стоп! Так ведь это же государственный номер угнанных «Жигулей»! Вот нахал, прямо перед носом у ГАИ!

— Вот именно, лейтенант, — довольно холодно подтвердил я.

Пуговкин все еще растерянно хлопал глазами, когда я, козырнув ему, пошел к выходу. Подводить мне его не хотелось — пусть разбирается со своим промахом сам. А я узнал для себя главное: синий «Москвич» с номерным знаком ЭОЛ 27—49 вчера утром проезжал мимо поста ГАИ и, судя по тому, что от автостанции «Пригородная» он повернул влево, по направлению к улице Первомайской, вел его все-таки Загоруйко.

В БЛЕСКЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ ОГНЕЙ

Вторично Нина вернулась домой довольно поздно. Любви Михайловне даже показалось, что дочь чем-то встревоже-

на. Но та сделала вид, что просто спешит.

— К сожалению, мама, — сказала она, — до театра нам придется добираться городским транспортом. Валентин подвезти нас не сможет. Ты как, готова?

Любовь Михайловна решила никаких вопросов не задавать. «Сочтет необходимым посвятить меня в свои трудности — скажет сама», — подумалось ей. Болтая о пустяках (это лучший способ скрыть свои истинные чувства и мысли), они покинули квартиру и уже через сорок минут были в театре. Не успели пройти в фойе, как раздался первый звонок.

Они уселись в партере и почти тут же грянула очаровательная музыка Кальмана. Дрогнув, стал подниматься занавес, и началось театральное волшебство.

Отдавшись ему всей душой, Любовь Михайловна и не заметила, что неподалеку от нее, на два ряда дальше, расположилась довольно большая группа офицеров, пришедших в театр с женами. Она не могла знать, что именно сегодня у сотрудников областного управления МВД долгожданный культпоход в театр. Где-то среди них сидел и Семен Семенович Хорин.

Семен Семенович был не в духе. Он и вообще-то не любил ходить в театры, тем более раздражал его этот «культпоход». Опять те же лица, что-то обсуждают, все замечают. Повод для болтовни! А Лидия Викторовна, напротив, была довольна. Все оказывали ей как жене генерала знаки внимания.

В антракте вышли в фойе. Без конца здороваясь со знакомыми и медленно продвигаясь в сторону буфета, Хорин отвел взгляд в сторону и вздрогнул: прямо против себя он увидел двух женщин. Одна из них, старшая, внимательно смотрела на него, младшая, в платье из темно-синего панбархата и с крупной брошью на груди, была удивительно хороша собой. И все же не она привлекла внимание Хорина. Пристальный взгляд старшей, черты ее лица, вся ее фигура показались ему вдруг удивительно знакомыми. И он узнал ее: это была Люба Соколова! Да, да... Люба!

Хорин замер. Сейчас с его глаз словно бы спала пелена. Может быть, впервые он понял и правильно оценил, что потерял, от чего когда-то так бездумно отказался.

«Сколько же лет минуло с той поры? Тридцать? Тридцать пять? — подумал он. — А она... Как молодо выглядит! По сравнению с ней Лидия — старуха, а я, скорее всего, тоже старик...»

И ему безумно захотелось поговорить с ней. Но в это время подошел его заместитель Ипполит Матвеевич, о чем-то оживленно заспорил с Лидией. Он не слышал, о чем они говорили, не слышал вопросов, обращенных к нему. Он сейчас был далеко-далеко, в своем прошлом.

— Вот видите, Лидия Викторовна, — вдруг выплыл на поверхность добродушный басок Морозова, — даже Семен Семенович не спешит поддерживать вас!

— Ну, что же ты не отвечаешь, Семен? Господи, да что ты на них уставился? Это же неприлично, наконец! — на него возмущенно и обиженно смотрела жена.

Ее слова окончательно отрезвили Хорина. Он, наконец, отвел взгляд от Любови Михайловны и лишь еще раз мельком скользнул по красавице в панбархатном платье. Где-то он ее уже видел. Но где?

— Да, да... — смущенно признался он, — я, кажется, заду-мался.

И тогда Лидия Викторовна милостиво прекратила спор: — Вы, видимо, правы, Ипполит Матвеевич. Сдаюсь.

Но «сдавалась» она отнюдь не потому, что доводы Морозова убедили ее, а потому, что ее внимание теперь было поглощено новыми обстоятельствами. Она тоже заметила двух женщин, на которых засмотрелся ее Семен, но, в отличие от него, ее внимание привлекла не старшая, а младшая незнакомка. Ее поразило удивительное, почти невероятное сходство красавицы с мужем, каким он был в молодости. Если бы у них с Семеном была дочь, она могла бы быть вот такой. Но у них не было детей, и у Семена не было дочери, она бы знала! Нет! Он никогда не говорил...

Между тем Нина тоже обратила внимание на немую сцену, разыгравшуюся у нее на глазах. Она окинула высокомерным взглядом незнакомого видного генерала и невзрачную пожилую женщину, державшую его под руку.

— Почему ты так смотришь на него, мама? — спросила она Любовь Михайловну и вздрогнула, услышав в ответ:

— Потому, что это твой отец, девочка.

И тут же прозвучал звонок, приглашающий зрителей в зал. Нина не успела даже удивиться словам матери, так как вокруг них все задвигались, заспешили.

Любовь Михайловна не в состоянии была вернуться в этот зал. И они направились к выходу.

Семен Семенович не видел, как уходили из театра эти женщины, но ему тоже хотелось бы бросить всю эту затею с культ-походом и очутиться, наконец, дома. Одному. В своем кабинете. Покурить, собраться с мыслями. Он был потрясен неожиданной встречей со своим прошлым. И даже сейчас, сидя в полутемном зале, не мог окончательно успокоиться и прийти в себя.

«Интересно, кто стоял рядом с ней? — неожиданно подумалось ему. — Кто она — эта молодая красавица?»

И тогда услужливая память, хоть он, казалось, и не смотрел по-настоящему на младшую из двух женщин, живо воспроизвела ее облик перед мысленным взором Хорина. И он, тоже неожиданно для себя, в зале, полном сумеречных, таинственных театральных призраков, увидел в молодой женщине что-то тревожно знакомое, даже родное. Да, да — родное!

Его вновь потрясла новая мысль: «Неужели это возможно?! Неужели рядом с Любой стояла ее дочь?» У него была хорошая зрительная память. Он закрыл глаза и снова представил лицо молодой женщины, так поразившее его. И вдруг вспомнил! Он вспомнил, где видел ее буквально накануне — в управлении! Сначала в коридоре, потом выходящей из кабинета капитана Безуглого. Тогда на этом лице было совсем другое выражение — тревожное, настороженное.

Видимо, под воздействием этой мысли, он не то вздрогнул, не то произвел еще какое-то движение, потому что Лидия Викторовна оторвала свой взор от происходящего на сцене и недовольно посмотрела на него, а с другой стороны склонился к нему адъютант, тихо спросил:

— Может быть, вам нехорошо?

— Да, у меня что-то с сердцем, — солгал Хорин. «Но я все равно встречу с ней... — подумал он о Любе. — Все равно!» Теперь он знал, как ее разыскать.

ПО ГОРЯЧЕМУ СЛЕДУ

Старший лейтенант Пряхин торопился в управление. Он торопился так, будто у него появились крылья. Но, как оказалось, спешил совершенно напрасно — Безуглого на месте не было. Левин, с которым Сергей размещался в одном кабинете, сказал, что Тимур Иванович недавно звонил от Рокотова. Поехал выколачивать постановление на обыск в квартире Курбатовой.

Теперь, когда он, Пряхин, имеет такую важную информацию, с тем обыском можно было бы и повременить. «Сейчас важно схватить за жабры этого Загоруйко» — думал Сергей. И жалел, что не успел перехватить капитана. Поэтому, когда Безуглый вернулся в управление, Пряхин понял: пробил его час. Позабыв о всякой сдержанности, о необходимости самого самокритичного отношения к добытым именно тобой фактам, он важно и безапелляционно заявил:

— Загоруйко брать надо, Тимур Иванович! Брать!

— Так сразу и брать, — с сомнением покачал головой Левин.

И тогда Сергей с подробностями и личными отступлениями рассказал, как он вчера ездил на дачу, про встречу с Щепетевым, о его показаниях и о своей проверке на посту ГАИ...

Левин, еще недавно скептически качавший головой, сразу же загорелся:

— Правильно! Загоруйко брать надо.

Безуглый прищурился, помолчал и только спустя минуту, которая и Пряхину, и Левину показалась долгой-долгой, сказал:

— Брать его, пожалуй, придется. Основание есть: государственный номерной знак ЭОЛ 27—49. Откуда он у него? Почему на свою машину крепил? Но я вот о чем еще думаю: появ-

ляется в Марьино человек в резиновых сапогах. Ведь это, братцы, зацепки. Важные. И потом, никогда нельзя замыкаться на одной версии. Загоруйко сам по себе, а Марьино и этот тип — само по себе.

— Насколько я помню, — задумчиво проговорил Глеб, — тропинка на Марьино от асфальтированной дороги идет мимо старого озера, мимо выпасов...

— Правильно, — подтвердил Тимур. — Вот ты и давай, Глеб...

— Туда?

— Конечно. Понимаешь: выпас. Там стадо, там всегда пастухи. Улавливаешь?

— Так точно.

— Вот и давай.

Левин поднялся.

— Ты, Сергей, — тут же обратился Безуглый к Пряхину, — пиши повестку, вызов на допрос в качестве свидетеля Валентина Осиповича Загоруйко. Через час он должен быть в моем кабинете. Будет удивляться, скажешь, что открылись новые обстоятельства. Пусть понервничает!

Безуглый набрал телефон следователя Рокотова:

— Такое дело, Михаил Федорович. Обстановка довольно резко изменилась. Добыта новая, важная информация по Загоруйко. Через час он будет у меня. Желателен твой немедленный приезд. Посоветуемся. И, кстати, захвати с собой постановление на обыск в его квартире.

До приемного пункта овощей и фруктов Левин доехал рейсовым автобусом шестнадцатого маршрута. Вместе с ним сошло несколько дачников. Но все они быстро рассредоточились по ближайшим дачным улочкам, и Левин остался один. Он постоял минутку, покрутил головой, посмотрел на приемный пункт, на солнышко. Было около полудня. День разгулялся.

Дорога шла немного под уклон, среди дозревающей ржи. Самого озера еще видно не было — оно пряталось в низинке. И только отшагав километра два, Глеб увидел его. Вокруг озера до самого леса, а также до первых домов Марьино зеленели выпасы. Вот и сейчас там, в низине, Глеб увидел стадо. Коровы лениво пощипывали траву. Некоторые из них зашли в воду — пили.

На ближнем берегу Глеб увидел пастухов. Их было двое — старик в порыжевшем от времени брезентовом дождевике и непривычном для глаз старом заячьем малахае и паренек лет тринадцати в кепке.

Старик, согнув ноги в коленях, ссутулившись сидел на земле и покуривал трубку. Парнишка лежал на спине и смотрел в небо. Около него, положив голову на вытянутые лапы, дремала большая дворняга.

Глеб свернул с дороги и направился к пастухам.

Собака лениво подняла голову, но старик строго прикрикнул: «Цыц, Барбос, цыц!..» — и она вновь опустила голову на лапы, но продолжала следить за Глебом хотя и скучающим, но внимательным взглядом. Парнишка тоже приподнялся, но так и не встал, а только оперся на локоть.

— Здравствуйте вам, — сказал Глеб и присел около них на корточки.

Сейчас он жалел о том, что пока шел, не подумал о том, как лучше затеять разговор с пастухами и направить его в нужное русло. Но его неожиданно выручил старик.

— Здравствуй, — ответил он. — И говори сразу, с какой нуждой припожаловал, потому как без нее, проклятущей, с дороги не сворачивают.

Не мудрствуя лукаво, Глеб спросил старика, где было стадо вчера на рассвете. И тот тоже, не любопытствуя, зачем и почему интересуется такой подробностью прохожий человек, сказал, что сразу с рассвета пригнали стадо сюда, к озеру...

— Мы всегда так делаем, мил человек. А вот через часок дадим скотинке по лесу побродить.

— Тогда все в порядке, — с напускной уверенностью сказал Глеб. — Тогда вы, конечно, видели рослого такого мужика в резиновых сапогах, который вчера ранним утром от приемного пункта в Марьино шел?

— Это ты, что ли, про Ваську Трегубова спрашиваешь? Так было такое дело — проходил вчера мимо нас Васька — и точно — в резиновых сапогах.

— А кроме него?

— Кроме него, мил человек, часов эдак в десять Терентьевна с дочерью проходила — в город они поехали.

— И все?

— Больше ни единой души.

Глеб обрадовался: это, конечно, была удача! Оставалось узнать совсем немного. И Глеб задал еще вопрос:

— А Васька Трегубов — это кто же такой?

Старик выколотил о каблук своих кирзачей трубку, старательно загасил искры, раздумчиво покивал и с непонятной грустинкой в голосе ответил:

— Можно сказать никто. Трутень. Сельской работой их благородие брезгует, а к городской умения нет. Вот и докатился — семь лет отсидел, а теперь у людей под ногами путается. И где он живет-обретается скрывать не буду. Вон, видишь первые дома Марьины?

— Вижу, — подтвердил Глеб.

— Поднимись по улице до шестого дома на правой стороне...

— У него перед окнами два тополя большущих растут, — добавил мальчишка.

— Там он и будет, если в город не махнул, — закончил старик.

Левин встал, поблагодарил пастухов и зашагал к дороге, ведущей в Марьино.

Сказать по правде, Глеб был растерян: что делать дальше? Стоит ли ему, Глебу, идти на прямой контакт с предполагаемым убийцей? Ведь так и спугнуть его можно!

В сомнении Левин дошагал до первых домов села. И здесь к нему пришла, кажется, счастливая мысль: зайти в правление колхоза и оттуда связаться по телефону с Тимуром Ивановичем. Уж он-то подскажет, что делать дальше.

На душе у Левина посветлело. К нему опять вернулась уверенность. И, может быть, поэтому, когда он подходил к шестому дому, против которого росли два раскидистых тополя, не удержался и решил все же сам заглянуть к Трегубовым, мол, вы уж извините, шел мимо, жара, захотелось пить, может быть, угостите водичкой?

Калитка во двор указанного дома была приоткрыта, и он решительно распахнул ее еще шире.

— Эй, есть кто-нибудь в этом доме? — крикнул он.

В тени под навесом стояла железная койка. На ней кто-то зашевелился. А на высокое крылечко вышла седая простоволосая женщина в стареньком платье. Она с испугом посмотрела на младшего лейтенанта и заторопилась:

— Я сейчас, я сейчас...

Чего она собиралась делать «сейчас», Глеб не понял и на всякий случай сказал:

— Да вы уж извините меня, пожалуйста. Шел мимо. Жара. Захотелось пить. А у вас калитка открыта. Вот я и...

— Я сейчас, я сейчас, — зашевелилась женщина и кинулась в дом. Через минуту она снова появилась на крылечке с большой кружкой кваса.

— Пей, сынок. Только что из погреба.

Левин с удовольствием выпил полкружки холодного ядреного кваса. Потом оторвался, чтобы вроде бы передохнуть и спросил:

— А вы что ж, одна живете?

По лицу женщины пробежала тень.

— Да нет, с сыном.

— На работе поди?

— Да нет... — и после мгновенной заминки добавила: — вчера из Свердловска вернулся мой Васенька. Отдыхает.

Под навесом снова кто-то зашевелился и оттуда раздался хриплый, пропитой голос:

— Ты с кем это, мать?

Над койкой поднялась рыжая, кудлатая голова.

— Да вот путник зашел, испить попросил, — ответила женщина.

— А-а-а... — голова вновь опустилась на подушку.

Дальше задерживаться было нельзя, Левин поблагодарил хозяйку за квас, попрощался и вышел за калитку.

«Вернулся из Свердловска... Ишь ты, что придумали! Свердловский поезд приходит в Энск вечером, а этого Василия пастухи видели ранним утром. Выходит, сказочку сочинили для алиби, — подумал Глеб.

И он зашагал вверх по улице.

А в это время на койке под навесом во дворе, из которого только что вышел Левин, снова поднялась рыжая голова. Затем человек, спавший на ней, спустил голые ноги на землю и сел.

Женщина все еще стояла на крыльце.

— Ты думаешь, он к тебе за водой приходил? — спросил рыжий и сам ответил: — За моей головой приходил, мать.

Женщина кинулась к нему:

— Васенька...

— Сейчас не время причитать. Собери чемоданчик. Мне надо рвать когти.

— Чего, чего?

— Уезжать мне надо, мать.

— А как же я, Васенька?

— Я тебе дам знать.

Когда часа через два по вызову Левина на патрульной машине приехал Пряхин с постановлением на арест, Василия Трофимовича Трегубова в Марьино уже не было. Мать Трегубова показала, что сын ее надумал съездить в соседнюю деревню Чеберчинку, к замужней сестре. Оперативники проехали туда. Но Василий там не появлялся. Стало вполне очевидным, что Трегубов скрылся.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Пряхин, как и приказал ему капитан, доставил Загоруйко минута в минуту — ровно через час. Загоруйко острым взглядом окинул Безуглого и Рокотова. Капитана, сидевшего сейчас сбоку своего стола, Валентин уже знал, — тот приезжал в кафе извиняться за Левина. «Значит, следователь вот этот, в гражданском костюме, напыщенный и важный...» — сообразил он и официально, обращаясь только к нему, представился:

— Валентин Осипович Загоруйко, администратор кооперативного кафе «Южное». — И протянул Рокотову повестку, полученную от Пряхина.

Рокотову понравился и уверенный, спокойный вид подозреваемого, и его открытость, и то, что он знает порядок — обращается именно к нему.

Безуглый тоже отметил про себя, что администратор кафе действительно «знает порядок», но не обрадовался этому, а подумал: «Да, тертый калач...» Капитана насторожило и то, что

Загоруйко довольно успешно делает вид, что не испытывает ни малейшего волнения, даже, кажется, бравивирует своим спокойствием.

Между тем Рокотов указал Загоруйко на стул, специально приготовленный для него.

— Садитесь, Валентин Осипович. И давайте знакомиться.

Дальше все шло по установившемуся ритуалу. Рокотов назвал себя и сообщил, что ему поручено вести следствие по делу об убийстве Виктора Сергеевича Курбатова и поэтому он решил допросить его, Загоруйко, в качестве свидетеля.

— Ну, какой же из меня свидетель, Михаил Федорович, — довольно добродушно возразил Загоруйко. — К сожалению, я вряд ли что смогу добавить к тому, о чем рассказывал товарищу капитану.

Еще намечая примерную схему ведения допроса, и Рокотов, и Безуглый решили остановиться на такой тактике, которая, скорее всего, привела бы Загоруйко к заведомой лжи. Поэтому первый вопрос сформулировали так: «Когда вы в последний раз видели Курбатова?»

Загоруйко ответил сразу же, не раздумывая, что последний раз видел шеф-повара примерно часов в восемь вечера, накануне убийства.

— Так и запишем, Валентин Осипович, — откликнулся Рокотов и сделал соответствующую запись в протоколе.

Такая покладистость следователя и его манера тут же записывать ответ несколько смутили Загоруйко. Из предыдущего опыта он знал, что следователи, задавая вопросы, получая ответы, обычно не спешат с записями и только когда доберутся до чего-то, по их мнению существенного, до подробностей, которые укладываются в их версию, тогда только начинают делать записи, часто опуская второстепенное. Все это позволяло Загоруйко в прежние времена быстро разгадывать, куда клонит следователь.

Теперь же получалось, что даже самый первый его ответ следователь принял за факт существенный и поспешил зафиксировать. «Тут что-то не так...» — подумал Загоруйко и насторожился.

Рокотов, уткнувшийся в бланк протокола, не заметил легкого волнения Загоруйко, но это не ускользнуло от Безуглого, и он чуть приметно удовлетворенно хмыкнул.

— А теперь, Валентин Осипович, — продолжал Рокотов, — расскажите подробно, где вы были и что делали в день убийства с четырех до восьми часов утра?

«Да ведь он проверяет, есть ли у меня алиби!.. — всерьез обеспокоился Загоруйко. — И, значит, я для него никакой не свидетель, а самый настоящий подозреваемый. Это меняет дело!»

Но несмотря на смятение, вызванное неожиданным открытием, он постарался сохранить на лице выражение доброду-

шая, и теперь уже, правда, несколько неестественным равнодушным тоном спросил Рокотова:

— Интересуетесь моим алиби, Михаил Федорович?

— Да. Приходится, знаете ли, проверять всех, — миролюбиво ответил Рокотов.

— Ну-ну...

Ответ на этот вопрос у Загоруйко, конечно, имелся, причем ответ, который он, на всякий случай, заранее согласовал с Ниной.

— Тут, знаете, Михаил Федорович, есть эдакий нюанс... Рокотов кивнул:

— Понимаю: женщина.

— Вот именно.

— Уж не Нина ли Семеновна Курбатова? — подал голос капитан Безуглый.

Загоруйко вроде бы смутился.

— Так как же? — повторил вопрос Безуглого Рокотов. — Она?

— Она... — будто бы с трудом выдохнул Валентин.

— Как же это так получается? — спросил Рокотов.

— А так, гражданин следователь. Виктор Сергеевич в лес, на пробежку, а я к ней — к Нине — беса тешить.

«Oго!» — отметил про себя Рокотов, — вот я уже и не «Михаил Федорович», а «гражданин следователь». Значит, как говорят, лед тронулся. Но вслух спросил о другом:

— Значит, вы видели его утром, — Виктора Сергеевича?

— Тут я, извините, неправду сначала сказал. Последний раз я его видел не вечером накануне, а утром, в день убийства. Не хотелось, знаете, женщину впутывать.

— Извините, Михаил Федорович, — вмешался Безуглый. — У меня есть вопрос к Валентину Осиповичу. Где вы были, когда увидели Виктора Сергеевича Курбатова?

— Где? — впервые переспросил Загоруйко, видимо, выгадывая время для обдумывания ответа. — В соседнем подъезде дежурил.

— И вас там никто не видел?

— Так было же очень рано! Все добрые люди еще спали.

— Странно, — покачал головой Тимур. — А вас в это время за городом, на синем «Москвиче» видели...

— Меня? — натянуто улыбаясь, вроде бы удивился Загоруйко. — С кем-то спутали. Бывает!

— Тут дело-то серьезнее, чем вы думаете, Загоруйко. Три человека могут подтвердить, что ваш «Москвич» был припаркован сбоку от дороги на ключаровские дачи еще раньше, чем Виктор Сергеевич пробежал мимо вас и, следовательно, вы не могли видеть его из соседнего подъезда. Вы видели его в лесу.

— Это надо еще доказать, гражданин капитан!

— И докажем, Загоруйко.

Наступила неприятная пауза. Прервал ее Рокотов.

— Ввиду того, что вы, Валентин Осипович, по-видимому, не готовы давать правдивые, чистосердечные показания, а собранные следствием факты позволяют думать о вашей причастности к убийству Курбатова...

— Это клевета, гражданин следователь! — закричал Загоруйко. — Милиция со мной счеты сводит!

— Посмотрим, посмотрим, — отозвался Рокотов, — а пока я вынужден взять вас под стражу.

— Я буду жаловаться, — неожиданно успокаиваясь, угрюмо сказал Загоруйко.

— Это ваше право, Валентин Осипович, — ответил Рокотов, — а сейчас подпишите протокол допроса.

Когда конвоир увел подследственного, Рокотов посмотрел на Безуглого. Тот сидел и молча улыбался.

— Ты чего? — удивился следователь.

— А ведь порядком подзапутался гражданин Загоруйко, — отозвался Тимур. — Допрос получился коротким, но весьма и весьма результативным.

В это время зазвонил телефон. Безуглый взял трубку. Это из Марьино звонил Левин. Выслушав его, Тимур приказал ждать Пряхина с машиной.

— Ну вот, — сказал он, положив трубку на место, — произошло и с человеком в резиновых сапогах. Это некто Василий Трофимович Трегубов, житель села Марьино, недавно вернувшийся из мест заключения...

Рокотов помассировал подбородок, уголки тонких губ у него опустились, на лице появилось выражение невозмутимого спокойствия, граничащего с безразличием.

— Считаешь, нужно брать? — спросил он Безуглого.

Тот кивнул головой:

— Конечно.

— Ну что ж, постановление на арест я подготовлю.

В тот же день в квартире Загоруйко и в его добротном, кооперативном гараже был учинен обыск. В квартире ничего интересного для следствия по делу об убийстве Курбатова обнаружено не было, кроме загадочной расписки: «Дана настоящая в том, что я три косых получил полностью». Под текстом стоял отпечаток, скорее всего, большого пальца, выполненного с помощью пасты из авторучки самым что ни на есть кустарным способом.

Когда об этом спросили Загоруйко, тот ответил, что о расписке знает ничего не знает.

— Шкаф я купил по случаю, на базаре. Привез. Поставил к стене. Посмотрел — чистый. Ну, я туда все свои пожитки и посовал. Может быть, от старого хозяина кусочек бумаги остался.

Расписка была обнаружена в платяном шкафу, на полке для головных уборов. В самом дальнем уголке.

— Посмотрим, посмотрим... — ответил по обыкновению Рокотов.

В гараже оперативникам повезло больше. Под кучей хлама, в ближнем к двери углу, они обнаружили завернутый в грязную тряпку государственный номерной знак с угнанных «Жигулей» ЭОЛ 27—49.

— Ну, а это у вас откуда, Валентин Осипович? — спросил Рокотов.

— Подобрал на дороге, — зло сверкнув глазами, ответил Загоруйко. — Какой-то олух потерял, а я сдуру подобрал.

Но, когда в другом углу гаража, под двумя запасными колесами обнаружился довольно бесхитростный тайник, и из него Левин и Пряхин извлекли целый ящик бутылок с самогоном под этикетками «Арзни», Загоруйко махнул рукой и отвернулся.

— Ваша взяла, гражданин следователь! Проклятый Горбов!

— За что компаньона ругаете, Валентин Осипович? — поинтересовался Безуглый.

— А за то, гражданин капитан, что дурака сваял. Ключул на червяка. Не зря Виктор Сергеевич возражал.

— Против чего возражал Виктор Сергеевич, Загоруйко?

— Против этого самого «Арзни», черт бы его побрал. Горбову-то сейчас ветер в спину. Он выкрутится — виноватым во всем будет Загоруйко. А Горбов даже выиграет — весь кооператив под себя подомнет...

«Однако лихо он уводит нас от обстоятельств дела по убийству к обстоятельствам своих внутрикарманных дряг. И очень это у него естественно получается. Ну и отношения у них там, как у пауков в банке! — невольно подумал Безуглый. — Из-за лишнего рубля готовы поедом есть друг друга».

А вечером Пряхин и Левин вместе с инспектором уголовного розыска Пригородного райотдела внутренних дел, с санкции прокурора области, провели обыск в доме гражданки Трегубовой Ксении Яковлевны, проживающей в селе Марьино. Под кроватью, на которой еще утром валялся Васька, были обнаружены резиновые сапоги с характерными угольчато-ребристыми канавками на подошвах и старенькая куртка-бушлат, в которой старый пастух позднее без труда признал «ту самую». Ксения Яковлевна ничего пояснить не могла. Она только скорбно охала и вздыхала. На прощанье Пряхин взял у нее адреса всех родственников и показал ей фотокарточку Загоруйко. Она его тут же узнала:

— Этот бывал у нас. Раза два. Васька говорил, что он «коresh» его какой-то. Какой и сама не знаю. Но он, это точно. Видный из себя.

Оформив необходимые документы, заверив их подписями

понятых и захватив с собой в качестве вещественных доказательств сапоги, куртку-бушлат и фотографии Василия Трегубова, оперативники вернулись в город.

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Вызов Загоруйко на допрос и последующий его арест действительно совсем не обеспокоили Федора Лукича Горбова, а скорее даже обрадовали.

Оставшись после ухода Пряхина и Загоруйко наедине с Ниной Семеновной, он, внутренне убежденный в том, что убийство Виктора Сергеевича — дело рук Загоруйко, постарался придать своему бульдожьему лицу некую видимость сочувствия.

— Дело, конечно, серьезное, Нина Семеновна, но отчаиваться не стоит.

— С чего вы взяли, что я собираюсь отчаиваться? — резко бросила ему Нина.

— С чего, с чего... Я знаю, что знаю и с меня этого достаточно.

Нина Семеновна рывком поднялась, чуть не опрокинув стул, и вышла из конторы в зал.

Федор Лукич презрительно улыбнулся. Он вообще глубоко презирал своих партнеров по кооперативу. Каждый из них, как ему казалось, мнил о себе очень много, но у каждого была своя червоточина, свое слабое место. Нинка, полагал Горбов, конечно, не в счет. Ей бы только сладко поесть да попить, и было бы с кем ночь разделить надвое. Пустая женщина — перекати-поле!

Единственным серьезным человеком и соперником Горбову мог быть Виктор Сергеевич. Этот из породы накопителей. У него денежка к денежке шла. И тот на старости лет дурака сваял — соединил свою судьбу с молодой. А ей разве он, Виктор Сергеевич, нужен? Ей подавай такого же ветродуя, как она.

Федор Лукич это хорошо понял. И после того, как кооперативчик их утвердился, а вложенные денежки начали приносить доход и немалый, он все чаще стал подумывать о том, что при ином раскладе именно он мог бы оказаться единственным владельцем кафе. Ну, в крайнем случае, временно вместе с Нинкой.

Он гнал от себя эту мысль, а она возвращалась к нему и точила душу.

Как-то, вроде бы даже помимо его воли, сам собой стал складываться план устранения партнеров-соперников. И так же, без глубоких раздумий и переживаний, он приступил к его осуществлению. Узнав однажды, что Нина Семеновна одна на даче, он уговорил этого молодого кобелька проехать с ним. А за городом опутал, околдовал дурака грибами, надеждами на легкую наживу с поддельным «Арзни» и как-то будто со-

всем случайно свел их: ее, загоревшую, чуть прикрытую купальником и его, уже подогретого выпивкой, красивого и сильного, по-мужски неотразимого.

Все остальное произошло так, как он и планировал. И Горбов не сомневался, что рано или поздно все подойдет к неизбежному финалу — молодые устранят старика и завладеют его наследством. Поэтому, когда он, мотаясь по области, гостил у Макара Силыча Хватова, получил телеграмму: «Срочно возвращайся Энск. Загоруйко», сразу понял, что финал наступил.

Он ни на минутку не сомневался, что смерть Виктора Сергеевича — дело рук потерявших голову влюбленных. При этом у него и мысли не было, что это именно он, воспользовавшись человеческими слабостями своих компаньонов, подстроил и спровоцировал убийство старика Курбатова. Ну, так или иначе, главное было сделано. Теперь оставалось довести дело до конца — посадить Загоруйко.

ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

Расставшись с матерью и уединившись в своей спальне, Нина Семеновна не сразу нырнула в свою широченную двухспальную кровать.

Она присела у туалетного столика. Из серебристой гладитрельяжа на нее смотрело строгое лицо, посуровевшие глаза и плотно сжатые губы немного уставшей, но, безусловно, решительной женщины.

Она уже понимала, что Загоруйко, скорее всего, из ее жизни исчез безвозвратно.

«Они его взяли... — подумала она. — Значит, Валентин не сумел все сделать чисто. Что ж... Жалко, но не смертельно!»

Подумав хорошенько, она пришла к выводу, что Валентин выдавать ее не станет. Во-первых, ему это просто не выгодно — выдавая ее, он тем самым признавался бы в совершении преступления. Но ведь она-то знала, что убивал не он, а кто-то другой. Правда, деньги за «работу» заплатила она: еще накануне вечером, хотя и рисковала, передала Валентину четыре тысячи рублей. А все остальное — это уж их дело... И, наконец, самый решающий довод: Валентин любит ее. Да, да. Любит! И постарается сделать так, чтобы с ее головы не упал ни один волосок.

Еще обдумывая всесторонне способы устранения Виктора Сергеевича, она решила, что прибирать к рукам все его наследство не следует. И поэтому утром того дня, когда Конопля-Курбатов вышел из дома в свою последнюю оздоровительную пробежку, а Загоруйко еще раньше, как условились, выехал на своем «Москвиче» караулить его на лесной дороге, она, Нина Семеновна, извлекла из тайника мужа коробочку с драгоценностями, десять тысяч рублей и две тысячи долларов. К фунтам стерлингов она даже не прикоснулась.

Потом все протерла своей косынкой, попавшейся под руку, чтобы не оставить отпечатков пальцев, где не надо. Сложила деньги в полиэтиленовый мешочек. Раскрыла коробку с драгоценностями и вынула из нее бесценную бриллиантовую брошь. Спрятала в свою шкатулку — «сойдет за свадебный подарок мужа...» — подумала и, захлопнув коробку, отправила ее к деньгам. После чего завернула мешочек в кусок старой клеенки и обвязала пакет крест-накрест бечевкой.

В одном из стенных шкафчиков разыскала электрический фонарик, надела старенькую кофту и выскользнула на лестничную площадку. Было безлюдно. Нина Семеновна бесшумно поднялась со своего третьего на пятый этаж и дальше — на площадку, с которой узкая металлическая лестенка вела на чердак. Люк был не заперт. Она легко подняла его и через минуту очутилась в крошечной темноте. Чердак казался бесконечным.

Она постояла минутку, чтобы глаза немного привыкли к скудному освещению. Затем, подсвечивая себе фонариком, двинулась в глубину чердака, выбирая места глухие, расположенные подальше от слуховых окон.

Одно место ей понравилось. Тут оказалось у самой стены переплетение каких-то балок и стропил.

Она остановилась. Присела. Руками раскопала земляное, противопожарное покрытие и, когда ямка оказалась достаточно глубокой, сунула в нее принесенный пакет, аккуратно засыпала землей, разровняла. И поднялась. Навела луч фонарика под балку, туда, где только что схоронила свое сокровище. Все выглядело нетронутым.

Когда она уже спускалась по железной лестенке, где-то ниже ее, скорее всего на четвертом этаже, негромко хлопнула чья-то дверь, послышались шаги. Она замерла. Постояла неподвижно несколько томительных минут. И только после того, как в подъезде снова установилась тишина, она неслышно спустилась на свой третий, отперла дверь и нырнула в квартиру.

Теперь, вместе с вкладом на сберкнижке, в любом случае у нее оказалось бы вполне солидное обеспечение. И, кроме того, были еще два пая, вложенные в кооперативное кафе.

Нина Семеновна посмотрела на себя в зеркало. Немного нахмурилась, тряхнула копной каштановых волос. Нет, даже суровое, ее лицо оставалось по-прежнему вызывающе красивым, гордым и привлекательным.

«Жизнь только начинается, дорогая Нина Семеновна, — сказала она себе, — а неудачники... Что ж, пусть неудачники плачут. Вот только Валентин... его все-таки жалко».

И она, полностью уверенная в своей правоте, ленивыми движениями, которые всегда так возбуждали ее поклонников, стала расстегивать пуговицы платья.

Спала она удивительно спокойно и крепко, без всяких сновидений. Но проснулась очень рано, умылась, вернулась в спаль-

ню и присела к туалетному столику, — хотела заняться утренней косметикой. Она даже уже взялась за коробочку пудры, но рука ее внезапно застыла.

«Как я не подумала об этом раньше?! — пронеслось в голове. — Ведь на теле Виктора Сергеевича обязательно обнаружат десятифунтовую купюру! Валентин придумал такой ход, чтобы отвлечь внимание милиции к старым знакомцам Виктора Сергеевича. Ход, конечно, хороший, но, с другой стороны, найденная купюра — это же основание для обыска у меня. Как я не подумала об этом раньше!»

Она поставила пудру на место, поднесла кулачок к губам, прижала его и задумалась.

Ей не хотелось, чтобы у нее проводили обыск. Это даст пищу для размышлений и пересудов, среди соседок найдутся «кумушки», которые, пожалуй, сообщат следствию о ее истинных отношениях с Загоруйко. А сейчас такая информация может ей очень повредить.

«Конечно, я могла бы и сама сделать заявление о тайнике Виктора Сергеевича. Это резко изменило бы положение. Обыск, конечно, проведут, но уже по моей инициативе! Так все-таки лучше. Какая я умница, что спрятала часть на чердаке! Я сама заявлю о тайнике. Сама!»

Но она тут же подумала, что ее обязательно спросят, почему она столько времени молчала? Ведь после смерти Виктора Сергеевича прошло два дня, идет третий.

«Ну и что? — возразила она себе. — Скажу, что приехала мама, что я поместила ее в кабинете, что я не могла заглянуть в тайник при ней, что мне просто было не до него и вот только сегодня, когда мама ушла в магазин за хлебом, я увидела, что хранил там Виктор Сергеевич».

Она даже не заметила, что выбрала тот же предлог, чтобы на время удалить маму из квартиры и кабинета, который придумал еще ее покойный муж. Просто она сразу же прошла на кухню, заглянула в хлебницу. Хлеб был. И белый, и черный. Тогда она решительно взяла и тот и другой, прикрыла хлебницу, прошла в туалет и выбросила хлеб в ведро, легко подхватила его и прямо в халате выскочила на улицу.

Когда она вернулась в квартиру, мама уже встала. Нина Семеновна посмотрела на часы. Стрелки показывали начало восьмого. Она приняла несколько озабоченный вид и сказала Любови Михайловне:

— Доброе утро, ма. Если тебе не трудно, сходи, пожалуйста, за хлебом.

— А он у нас, по-моему, есть.

— Я тоже так думала.

Любовь Михайловна сходила на кухню. Вернулась.

— И правда, нет. Сейчас схожу, доченька. Вот только возьму ключи от квартиры.

Нина Семеновна проводила ее взглядом. «Теперь, если ее спросят, она подтвердит, что утром ходила за хлебом и дочка оставалась в квартире одна», — подумала Нина.

После этого она быстро переоделась. И в простеньком темном платье, без всяких украшений, как и подобает овдовевшей женщине, вышла из дома.

На троллейбусной остановке, как и всегда в такие часы, было многолюдно. Три полных троллейбуса пришлось пропустить, и только в четвертый ей удалось втиснуться. Словом, к управлению внутренних дел области она подъехала как раз к началу рабочего дня.

В просторном вестибюле, неподалеку от входной двери, за письменным столом сидел дежурный в погонах старшего сержанта. Выслушав Нину Семеновну, он поколдовал над телефоном и кому-то доложил:

— Пришла гражданка Курбатова Нина Семеновна. Просит пропустить ее либо к младшему лейтенанту Левину, либо к старшему лейтенанту Пряхину.

В трубке ему, видимо, что-то сказали, и он ответил:

— Слушаюсь.

И кивнул ей:

— Поднимитесь на третий этаж в кабинет триста двадцать восемь.

Когда Любовь Михайловна вернулась из магазина, в квартире никого не было. Она покачала головой: с дочкой творилось что-то непонятное. Любовь Михайловна не понимала дочь. Вернее, ей не хотелось верить, что та, которой была безраздельно отдана ее жизнь да и значительная часть жизни ее матери — бабушки Нины — выросла законченной эгоисткой, черствой и равнодушной.

Поверить в такое было страшно, Любовь Михайловна не хотела верить и только удивлялась странностям в поведении дочери.

«Но ведь ко мне-то она относится хорошо, — как за соломинку схватилась она за новую мысль, пришедшую ей в голову. — Вот даже такая мелочь — старалась, доставала для меня билеты на «Сильву»...

И тут же мысли о дочери, о ее странном поведении и характере куда-то отдалились и Любовь Михайловна вновь вспомнила Семена.

Чтобы хоть как-то забыться, она попыталась работать. Достала из холодильника мясо и решила сварить уральскую похлебку. Вскоре вода в кастрюле помутнела и на ее поверхности стали появляться первые островки пены. Тогда она убавила огонь и сняла с крючка шумовку. В этот момент раздался телефонный звонок. Любовь Михайловна прошла в прихожую и сняла трубку.

— Слушаю вас, — привычно ответила она.

Но трубка молчала. Тогда она повторила:

— Я слушаю вас, слушаю!

И вдруг до нее, словно из космической дали, словно через годы и десятилетия донесся такой знакомый, такой родной голос:

— Люба? Это ты, Люба?

— Семен!!! — закричала в трубку она. — Семен...

Это действительно звонил Хорин. Он не выдержал уединения в своем кабинете и разыскал телефон Курбатова.

Поначалу это был странный, мучительно-бессодержательный разговор, состоящий из повторяющихся восклицаний. Но в действительности каждое восклицание имело для этих двоих большое значение. Повторяя «Люба?», «Семен!», один из них молил о прощении, а вторая уже прощала его. Бессвязное: «Неужели это ты?» означало много больше, чем то, что означали эти три коротких слова...

ВАСЬКА ТРЕГУБОВ

Ваську Трегубова взяли вечером того же дня. Левина за промашку так и не наказали — просто не успели.

При обыске у него изъяли две тысячи триста пятьдесят три рубля, о чем Васька жалел больше всего. Сказал: «Не повезло — не успел истратить».

Утром следующего дня он был доставлен к Безуглому. Тот посмотрел на его помятую физиономию, всклокоченную рыжую шевелюру и понял: перед ним обыкновенный, даже типичный, опустившийся и отупевший от пьянства человек. У таких все бывает по-разному: или они избирают тактику всеобщего отрицания, даже самого очевидного, или, наоборот, безоговорочно «колются», не утруждая свой ум даже подобием защиты.

Каков-то будет этот?

Подував так, капитан предложил Трегубову сесть и, еще не заполняя протокола допроса, не предупредив официально об ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от их дачи, спросил:

— Так что, Трегубов, будем говорить или в глупые игры играть?

На отупевшем лице Васьки, казалось, не дрогнула ни одна жилочка. Тусклым взглядом он посмотрел на капитана и, безнадежно махнув рукой, ответил:

— Ваша взяла, начальник. А в таких случаях Васька Трегубов хвостом не вертит. Пишите: я пришел старика. Я...

Безуглый непроизвольно чуть-чуть прищурился: встреча с предполагаемым убийцей начиналась довольно необычно. И он задал еще вопрос:

— И по каким таким причинам старик не угодил вам, Трегубов?

— А я подследил его, начальник. Однажды зашел в лес по нужде. Гляжу сквозь кусты: бежит. А наперерез ему человек с другой стороны выходит. Остановился старикан. Свернули они с дороги, немного прошли в мою сторону и стали деньгами меняться. Старик ему толстую пачку отвалил, а второй — так себе — тоненькую.

— Ну и что?

— Стала за ним следить. Дней десять пас. Смотрю — бежит. Гляну на карманы — не оттопырены. Ну, думаю, беги, соколик. А десятого числа посмотрел: полны карманы. Я его и пришел.

— А потом?

— Сначала в лес подался. Да лень взяла — это ведь топать да топать — вот я и вернулся на шоссе. Стал из леса выходить, смотрю — машина. Подошел ближе. Глянул и глазам не поверил — Валька Загоруйко, «Мещера» передо мной. А мы с ним в одной колонии кантовались. Он в город ехал. Конечно, взял. И все хорошо шло, но потом, когда я попросил Вальку высадить меня у Марьинской дороги, человек повстречался. Очень он мне, этот человек, не понравился. Как-никак, а лишний глаз. Да еще на пастухов попал, но они меня, кажется, не приметили. Словом, не повезло.

— Тогда что ж, Трегубов, давайте протокол писать.

— Валяйте, — милостиво согласился Васька.

Безуглый не очень-то верил подробностям, рассказанным Трегубовым, но на первых порах ему было важно зафиксировать признание в убийстве и он взялся за бланк протокола допроса.

«Кажется, следствие по делу об убийстве Виктора Сергеевича Курбатова выходит на финишную прямую», — удовлетворенно подумал капитан. И зря так подумал!

НОВЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Приняв заявление Нины Семеновны Курбатовой о том, что она обнаружила в тайнике мужа «очень много денег», Пряхин сразу же повел ее к Безуглому. Сюда же был вызван и Левин. Нина Семеновна повторила свой рассказ о том, как она случайно, буквально за день до гибели мужа, обнаружила тайник с большими деньгами.

Объяснения ее показались Тимурю несколько легковесными и путанными, но, тем не менее, такими, на которые надо было немедленно реагировать.

Он созвонился с Рокотовым. Тот оказался занятым другими делами и от личного участия в обыске квартиры Курбатовой уклонился, но постановление на его производство оформил незамедлительно.

В квартире оперативников встретила встревоженная Любовь Михайловна — ее испугало неожиданное вторжение посторонних: милицейских офицеров, соседок-понятых. Но Нина ее успокоила:

— Этих товарищей, мама, я вызвала сама... — Нина говорила эти слова Любове Михайловне, но смотрела при этом на соседок, мол, зарубите себе на носу: «вызвала сама». — Вызвала потому, что, как оказалось, Виктор Сергеевич был не тем человеком, за которого себя выдавал.

Безуглый, Пряхин и Левин обыск проводили очень тщательно, но, кроме тайника и денег, ничего, что могло бы интересовать следствие, найдено не было: ни адресов, ни писем старых знакомых Курбатов не хранил. Создавалось впечатление, что Виктор Сергеевич, переехав в Энск, оборвал, вопреки утверждению Загоруйко о «неприятных» письмах из Подмосквья, все связи со старыми друзьями. Или же, если все-таки их письма до него доходили, Виктор Сергеевич уничтожал следы такой переписки.

Денежная сумма, хранившаяся в тайнике, действительно поражала воображение: оперативники изъяли сто десять тысяч долларов, тридцать одну тысячу девятьсот девяносто фунтов стерлингов и двенадцать тысяч шестьсот пятьдесят рублей.

Выдав государственным органам такую громадную сумму, Нина Семеновна внесла смятение в умы молодых оперативников: кто же она такая?

Левин, разглядывая чужие пачки денег, ни на секунду не сомневался, что кто-то, а его Лидочка, случись ей быть на месте Нины Семеновны, немедленно присвоила бы найденные деньги, бросила бы работать и кинулась куда-нибудь на юг, к теплому морю в погоню за удовольствиями. «Потому что деньги, и к тому же «легкие», какие она видела в этом чертовом кооперативе, уже завладели ее душой, вытеснив из нее совесть, честность и доброту», — не без грусти думал Глеб.

Пряхин же смотрел на деньги, обнаруженные в тайнике, с содроганием. Ему мнилось, что он видит не аккуратно упакованные пачки, а омерзительный клубок ядовитых змей. Бесшумных, угрожающе-гибких, с холодным, гипнотизирующим взглядом и ядовитыми жалами.

«Сколько же преступлений стоит за ними? — думал он. — Сколько человеческих судеб они исковеркали?» Нет, Пряхин, конечно, был бы не против того, чтобы его труд оценивался выше, и у него после полочки денег было бы побольше. Главным образом для Лизы, конечно. Сам-то он твердо верил: чтобы чувствовать себя богатым — надо воспитывать в себе скромные потребности. Только так. Но ограничивать Лизу? Нет, ограничивать ее потребности (вообще-то разумные) ему не хотелось. В общем, он считал, что сумма, найденная в тайнике убитого старика, была несообразна ни с какими личными потребностями: ни мужскими, ни женскими.

Безуглый рассматривал найденные деньги как еще одно сложное и не совсем понятное пока противоречие. Оно касалось уже установленных отношений между Загоруйко и Курбатовой, а также версии «молодые устраняют старика». Если

бы молодые захотели только соединить свои судьбы, то, надо полагать, Курбатов и живой помешать им не смог бы. Зачем убивать человека, когда проще добиться развода.

Другое дело, если бы «молодые» задумали, кроме того, стать наследниками «старика».

Однако поступок Нины Семеновны говорил о другом. И он, косвенно, снимал подозрение и с Загоруйко в причастности к убийству или организации его.

Такая вот получалась «карусель» с этими деньгами.

Но, тем не менее, закончив дела, учинив все подписи в протоколе обыска и акте об изъятии денег, Тимур официально, в присутствии понятых, от имени государственных органов, поблагодарил Нину Семеновну «за бескорыстие и личный вклад в проведение следствия по делу Виктора Сергеевича Коноплича Курбатова».

Нина Семеновна ответила, что она поступила «так, как ей подсказывала совесть...» и вновь посмотрела на соседок-поятых, как будто приглашая их запомнить ее скромные слова и достойное поведение, когда соберутся разносить по дому молву о находке в ее квартире.

От Безуглого не ускользнула несколько странная манера Нины Семеновны: произносить слова, предназначенные одному человеку, а обращаться при этом к другим. Первый раз она поступила так, вроде бы успокаивая мать, а второй раз вот только что, отвечая ему, Безуглому, но адресуясь к понятым.

Странная манера! И что самое главное — она могла свидетельствовать о том, что Нина Семеновна поступает не искренне, а по расчету, ведет какую-то сложную игру и действует, скорее всего, по заранее продуманному плану.

И Безуглый решил эту мелочь запомнить, взять на заметку.

Вернувшись в управление, оперативники собрались в его кабинете. Капитан всмотрелся в лица товарищей испытующим взглядом и спросил Пряхина:

— О чем задумался?

Тот прищурился и качнул головой.

— Подозрительно мне. Все у нас уж очень легко, одно к одному складывается.

— Вот и хорошо! — воскликнул Левин.

— Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего. Подозрительно, — качнул подбородком Пряхин.

«Подозрительно...» — мысленно повторил Безуглый и ему вспомнился второй допрос Загоруйко, когда администратор кафе очень легко изменил первоначальные показания.

— Сказать по правде, гражданин капитан, я действительно в то проклятое утро в лесу, около дороги на Ключаровские дачи был, — заявил он, очутившись в кабинете Безуглого и не ожидая, когда Тимур соберется задать ему первый вопрос. — Понимаете? Каюсь, был!

Безуглый от неожиданности вскинул брови:

— А умолчали об этом почему?

— Со страху, гражданин капитан, со страху. Прикинул: то да се, получается некрасиво. Пожалуй, думаю, так и меня к этому делу припутать могут, потому как биография у меня, вы же знаете, основательно подпорченная.

— Биография биографией, Загоруйко, но скажите, пожалуйста, зачем вас в такую рань в лес потянуло? Ну, к Нине Семеновне, скажем, это понятно, а в лес?

— Жадность фрайера сгубила, гражданин капитан, — развел самокритику Загоруйко. — А дело-то проще простого. Пригляделся я к обстановке и заметил: каждый день, только-только рассветет, от дач тянутся «несуны». Это я так называю тех, кто чужие дачи от лишних хлопот по сбору урожая освобождает. Ведь оно как получается? Хозяева дач вечером — домой, а они с последним автобусом на дачи. От последнего рейса до заката еще времени — ого! Вот они попасутся вечером, попасутся ранним утром и у них два ведра свежей «Виктории». А это по базарной цене — больше, чем на полсотни.

— Ну, а вы-то тут при чем? — не выдержал Тимур.

— Но ведь два ведра десять километров нести надо, гражданин капитан. Вот тут и появляюсь я. Освобождаю «несуна» от одного ведра. Намаявшись, он мне его уступает уже за пятнадцать, а то и десять рублей. Выгодно? Выгодно! И ему и мне. Вот я и начал ездить поутрянке. Припаркую машину в сторонке и жду. И еще ни разу пустым не возвращался. Так было и в тот день, десятого.

Допрашивал Тимур администратора кооперативного кафе уже после того, как переговорил с задержанным Трегубовым. Его удивило, как легко дал признательные показания убийца. А когда стал допрашивать Загоруйко, его удивило не то, что тот вновь изменил показания, а скорее какая-то схожесть в обрисовке подробностей, встречавшихся в рассказах и Трегубова и Загоруйко.

«Сказочки, конечно, — подумал он еще тогда, но сказочки придуманные, пожалуй, одним и тем же автором».

И вот Сергей Пряхин произнес свое: «Подозрительно...», еще больше обострив его собственные подозрения, и поэтому Безуглый продолжал смотреть на него вопросительно, приносящая высказаться определеннее. Тот продолжал:

— Все складывается так, чтобы снять подозрение с Загоруйко. А я нутром чую...

— Нутро — не доказательство, — на этот раз раздумчиво заметил Левин.

— Сам знаю, — беззлобно огрызнулся Пряхин. — И все-таки интуиция, Глеб, это дело тоже серьезное.

— И что тебе подсказывает твоя интуиция? — спросил Тимур.

— Сколько времени Трегубов находился в следственном изоляторе до твоего прихода на работу? Час, два, три? — вместо ответа спросил Пряхин.

— Что-то около этого.

— И он сразу дал признательные показания о том, что «следил», что «видел» и что «пришил». Так?

— Так.

— А после этого Загоруйко изменил свои показания и тоже признался, что был в лесу. Теперь вот Курбатова выдала «кассу» мужа и этим сняла подозрение с себя — получается, в наследницы она попасть не собиралась.

— Не только с себя, но и с Загоруйко тоже снимает, — добавил Тимур.

— Вот-вот. Я и говорю: все у них одно к одному.

— Думаешь, связь между Трегубовым и Загоруйко, между ним и Ниной Семеновной есть? Ты это имеешь в виду? — неожиданно оживился Левин, поняв намек товарища.

— Вот именно!

— Но ведь такое может быть только в том случае, если кто-то из наших им помогает, — возразил Безуглый.

— Как будто мы не знаем таких случаев, Тимур! — живо отозвался Пряхин.

И тогда Безуглый почему-то вспомнил сержанта Конышева, еще недавно так некстати вмешавшегося в действия Левина во дворе кафе «Южное». Он посмотрел на Левина.

— Сержант Конышев, Глеб, в каком райотделе числится?

— В Октябрьском, Тимур Иванович!

Безуглый заглянул в тоненькую книжечку служебного телефонного справочника и набрал номер начальника Октябрьского РОВД, извинился и попросил начальника сказать, в какой должности состоит сержант Конышев.

— Сержант Конышев, — ответили ему, — три дня назад откомандирован в распоряжение отдела кадров управления для оформления на должность старшего контролера следственного изолятора.

— Понятно, — отозвался капитан и, позабыв поблагодарить абонента, положил трубку на место.

Пряхин и Левин с интересом и нетерпением смотрели на него.

— Такое дело: Конышев переведен к нам и работает теперь старшим контролером следственного изолятора.

— Понятно, — так же, как и Безуглый за минуту до этого, протянул Пряхин, а Левин только досадливо стукнул кулаком по коленке — новость всем показалась пренеприятнейшей.

ЛИДОЧКА ПЕРЕВОЗЧИКОВА

Удивительно, удивительно, удивительно!.. Каким эгоистом, я сказала бы, черствым эгоистом оказался Глеб. Он ни в грош

не ставит, что я, лично, сама приходила к нему уже дважды и оба раза не заставала дома: он, видите ли, еще не возвращался с работы.

Он теперь, должно быть, считает меня пропащей и продажной, потерявшей совесть, поддавшейся силе «больших денег» хозяев. А я совсем не такая. Мне просто хотелось, чтобы он еще больше уговаривал меня бросить кафе.

Ах Глеб, Глеб! Знал бы он, как опротивело мне это кафе! Эти «чаевые», лакейское положение. И родители недовольны! Нет, они не знают, как опротивело мне здесь. Особенно после того, как я пригляделась к хозяевам.

Главным, конечно, до последнего времени был Виктор Сергеевич. Правда, появлялся иногда у нас пенсионер Иван Арсентьевич Мосляков. Поговаривали даже, что он и является председателем кооператива, но я думаю, это только для видимости. А настоящий хозяин — Курбатов. Хитрый и изворотливый, он и на мороженом, и на кофе, и на мясе большие прибыли выколачивал.

Однако хоть и хитрый, а женушка его молодая да наш администратор Валентин хитрее оказались — все время золотили и золотили рога старику. И хоть бы что! Только что не в открытую.

Но самый хитрый из всех — Федор Лукич Горбов. Это я знаю точно! Морда у него бульдожья. И хватка такая же.

Убили у нас Виктора Сергеевича. Кто? За что? Никому не известно. Но всем неприятно. Даже его женушке и Загоруйко, кажется, тоже. Хотя им-то чего старика жалеть? А Горбову хоть бы что! Наоборот, расцветать начал человек. А когда Загоруйко забрали, и совсем расцвел. Получается: чем другим хуже, тем ему лучше. Не признается, а видно — рад! Рад и смерти Виктора Сергеевича, и аресту нашего администратора.

А сегодня вот что случилось. Мы уже закончили работу, проводили последних клиентов и закрыли входную дверь. Нина сразу ушла. Горбов еще шуршал бумагами в конторе и что-то бубнил по телефону. Я прошла в свой закуток, чтобы переодеться и сменить легкие тапочки на модельные туфли. И в это время мимо меня, через дверь со двора, буквально промчался дружок нашего Загоруйко — сержант Конышев.

Его появление, понятно, сразу же возбудило мое любопытство. «Интересно, что случилось?» — подумала я. Тапочки на туфли я переменить еще не успела и поэтому бесшумно сделала несколько шагов и оказалась рядом с полуоткрытой дверью конторы. Оттуда доносился голос Горбова:

— Нина Семеновна уже упорхнула, сержант. Дело-то молодое! А записку давай мне.

Я заглянула в комнату. Горбов сидел за столом, Конышев возле стола на стуле. Он, видимо, уже успел передать Горбову записку и тот сейчас читал ее. Его бульдожье лицо при этом помрачнело.

Кончив читать, он сложил записку вчетверо и сунул ее во внутренний карман пиджака, потом посмотрел на Конышева угрюмым, тяжелым взглядом.

— Ты, сержант, запомни, теперь хозяин тут я! Пойми это хорошенько. Загоруйко скажешь: отдал, мол, записку Нине Семеновне, а она ответа никакого не дала. Некогда ей было, потому что нового хахалы завела.

— Это еще что за хахаль? — прогудел Конышев.

— Твой старый знакомец — младший лейтенант Левин.

— Вон оно что, — удивленно покачал головой сержант.

Горбов расплылся в противной улыбочке и своим тоже противным тонким голосом подтвердил:

— Оно самое. Парень-то что надо — кровь с молоком!

Я чуть не плюнула с досады: врет. Нахально врет. Хотя я на Глеба и в обиде, но могу руку дать на отсечение — ничего у него с Нинкой нет и быть не может!

Однако мои мысли перебил все тот же Горбов.

— Давай договоримся, сержант, ты — мне, я — тебе. Все записочки от Загоруйко — мне. Нине Семеновне читать их необязательно.

— А ведь там, в самом конце, приписочка имеется, Федор Лукич: «Выдай подателю сотнягу».

Горбов полез в карман, достал записку, развернул и, как будто впервые увидел приписку, подтвердил:

— Правильно. Есть приписочка! — и, достав из кармана бумажник, отсчитал шесть четвертных.

— Держи, сержант! — улыбнулся он ему и не то приказал, не то попросил: — А теперь рассказывай, как живет, что делает наш уважаемый Валентин Осипович?

Конышев опять удивленно качнул головой, он, видно, еще не понял, что наш бульдог покупает его, чтобы он служил ему против Загоруйко.

— Что делает, спрашиваете? Сидит. Я ему, правда, дал возможность пошепаться с Трегубовым.

Горбов, должно быть, так же, как и я, понятия не имел ни о каком Трегубове, потому что сначала только глупо хлопал своими поросячьими глазами, но потом посоветовал:

— А вот с этим надо поосторожнее, сержант. Еще кто-нибудь приметит, да начальству стукнет! А про Левина с Нинкой обязательно скажи ему! Да с картинками, чтобы поверил. Поди ведь старался убрать старика для своего счастья, а получилось — для чужого. Вот она жизнь-то как устроена!

Противный, противный, противный!.. На Глеба наговаривает, на Загоруйко тень бросает, а сам его письма перехватывает.

Я не стала ждать конца их сговора. Вернулась в свой закуток, сменила тапочки на туфли и кинулась на троллейбусную остановку. А когда, наконец, очутилась на своей улице, уже

смеркалось. Стали вспыхивать огоньки. А вокруг такая благодать, что мне невольно подумалось: как было бы хорошо, если бы сейчас мне встретился Глеб! Я не стала бы вести себя так глупо, как раньше! Хватит. Я сказала бы ему...

Но тут я заметила, что давно прошла мимо своего дома и уже подхожу к дому Глеба. «Может быть, зайти к нему?» — подумала я.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Загоруйко лежал на голых нарах, отвернувшись к стене. Час назад в его камеру явился Конышев. На его тонких, злых губах играла презрительная ухмылочка. Загоруйко весь напрягся.

— Ну что? Передал?

Конышев тогда вдруг будто бы посерьезнел:

— Передать-то передал. Только плакала моя сотняга!

— Как это? — не понял Загоруйко.

— А так. Очень спешила Нина Семеновна к новому ухажеру. Сказала только: «Передавай приветик...», вильнула хвостом и все — только я ее и видел.

— Врешь, падла! — взревел Загоруйко.

— Ори не ори, — продолжал Конышев, — говорю тебе: торопилась! Хахаль новый ее у дверей ждал.

— Кто? Какой хахаль?

— Знакомец твой старый, — съехидничал Конышев, — младший лейтенант Левин собственной персоной.

— Врешь, сука! — опять взъярился Загоруйко. Он схватил Конышева за грудки и со всей своей молодой силы грохнул его о стену.

Конышев охнул, сморщился, трудно подышал и угрюмо сказал:

— Черт меня дернул связаться с тобой, псих ненормальный, но ты еще попомнишь меня, Загоруйко. Ох, попомнишь! И пошел к двери. И уже оттуда зло добавил:

— Вот так: старался для себя ты вроде бы, а мильтон Левин у тебя бабенку-то из-под носу и увел.

Загоруйко снова кинулся на Конышева, но тот захлопнул дверь и грохнул снаружи засовом. И Валентин набросился на дверь, стал молотить по ней своими кулачищами, бессмысленно выкрикивая какие-то злые слова. Наконец, выбившись из сил, он бросился на нары и отвернулся к стене, чувствуя себя жалким и несчастным.

«Ах, Нина, Ниночка, Нина!.. Плохо же ты меня знаешь, если решила на такое! Плохо! Я мастер на выдумки. И я выкрутился бы из своего нелегкого положения. Но зачем? Чтобы потом поднять на нож тебя и твоего нового хахалья? И получить за вас «вышку»? Нет, Ниночка, по-другому будет!» — думал он.

Загоруйко вскочил с нар, подбежал к двери и снова начал молотить по ней кулаками.

— Следователя мне! Или капитана Безуглого! У меня срочное показание. Капитана Безуглого мне! Хочу дать показания!

Сколько времени он бесновался у двери, Загоруйко не помнил. Очнулся он только тогда, когда загремели дверные засовы и он увидел через вторую решетчатую дверь дежурного контролера.

***

Просьбу задержанного выполнили. И вот он в кабинете Безуглого. Говорит, говорит, взхлеб, безостановочно.

— А чтобы вы мне верили, гражданин капитан, — сдвинув стрельчатые брови к переносью, говорил Загоруйко, — я опишу вам тайник, где хранятся несметные богатства, принадлежавшие раньше Виктору Сергеевичу Курбатову, и которыми завладела теперь с моей помощью Ниночка...

Звонок из следственного изолятора застал Тимура, когда он заканчивал разговор с плюгавеньким сереньким человечком, напросившимся к нему на прием почти сразу же после окончания обыска в квартире Курбатовой.

Как выяснилось, человек этот был ее соседом: жил с ней в одном доме, в одном подъезде этажом выше. Жена его была в числе понятых во время обыска, и он узнал во всех подробностях, из первых рук, о тайнике, о больших деньгах и о том, что Курбатова сама привела в квартиру милицию, чтобы передать ценности во владение государства.

Такой поступок со стороны «этой женщины», как он называл соседку, показался ему подозрительным и даже «весьма, весьма подозрительным», тем более, что она, все это знает, является хозяйкой кооперативного кафе, заведения, в котором самым беззастенчивым образом облапошивают честных людей.

Вслед за тем он рассказал главное, из-за чего, собственно, и пришел в управление. Из его слов следовало, что ранним утром (почти ночью), в тот самый день, когда мужа обнаружили в лесу убитым, жена, то есть его соседка Курбатова, крадучись, в потемках, зачем-то поднималась на чердак. «Я это сам видел, товарищ капитан! Бессонница у меня. Брожу по квартире, как лунатик. Слышу — вроде мимо двери шаги. Удивился, очень уж время раннее! Дай, думаю, в глазок погляжу. Кого это несет? А это она, соседка. А выше там только чердак. А зачем? Что ей там понадобилось, да еще в такое время? Одной? Словом, я решил, товарищ капитан, что об этом следует сообщить компетентным органам».

Безуглому и самому вся затея Нины Семеновны с «выдачей» тайника, ее странная манера поведения во время обыска казались подозрительными. Он поблагодарил посетителя и, предупредив, что его помощь может понадобиться следствию,

подписал ему пропуск. Как раз в это время и раздался телефонный звонок начальника следственного изолятора.

Распорядившись, чтобы Загоруйко доставили к нему через полчаса, Безуглый распрощался с посетителем и сразу же позвонил Пряхину. Тот оказался на месте и он рассказал товарищу о посетителе. Пряхин так же, впрочем, как и сам Безуглый, заинтересовался тайным посещением чердака Курбатовой.

— Слушай, Тимур, — размышлял Сергей. — Может быть, вдовушка-то заранее знала, что ее муженек не вернется? Может быть, она и не такая бескорыстная, какой пожелала показать себя нам?

— То есть?

— Заранее ополовинила тайничок да и припрятала свою половину где-то на чердаке. Удобная, между прочим, позиция: и руки нагрела, и корыстный мотив преступления опровергла.

— Признаться, Сергей, я примерно так же думаю. Вот и решил свои подозрения еще и с твоими сопоставить. Получается — сходятся наши мысли.

— Так зачем же тянуть резину? — загорелся Пряхин.

— Вот и я думаю: зачем? А посему тебе поручается согласовать дальнейшие действия с Рокотовым и провести, ввиду открывшихся обстоятельств, дополнительный обыск чердака в доме, где проживает Нина Семеновна Курбатова. Кстати, как ты думаешь, собака не смогла бы помочь? Правда, время упущено! А с другой стороны, по чердаку люди без нужды не ходят, значит, скорее всего следы не затоптаны.

— Посоветуюсь со знающими людьми.

— Добро.

Пряхин ушел, и почти сразу же вслед за ним к Тимур ввели Загоруйко.

Безуглый с первого взгляда понял, что с администратором кооперативного кафе случилось нечто необычное. Изменился весь его вид. Еще недавно спокойный, улыбчивый, самоуверенный и даже нагловатый, склонный к иронии и шуточкам, сейчас он выглядел подавленным, угрюмым и злым. Был очень возбужден. Как только его ввели, не ожидая вопросов Тимура, он заговорил первым:

— Я хочу, гражданин капитан, сделать заявление.

Тимур кивком отпустил конвоира и указал рукой Загоруйко на стул у приставного столика: «Садитесь, Загоруйко».

Тот сел. На мгновение опустил голову и тут же поднял ее.

— Хочу, гражданин капитан, совершенно добровольно, в порядке явки с повинной, заявить, что я, Загоруйко Валентин Осипович, действительно, по наущению Нины Семеновны Курбатовой, организовал убийство ее мужа. Да, да! По наущению Нины Семеновны Курбатовой, организовал убийство ее мужа. Да, да! По наущению, по ее приказу даже!

Почти выкрикнув последнюю фразу, Загоруйко вдруг сник, взгляд его потух и он снова склонил голову к груди.

Тимур внимательно наблюдал за поведением арестованного. Он заметил его новую форму обращения: «гражданин капитан», что, в общем-то, само по себе свидетельствовало о многом, видел, что Загоруйко будто бы «рвется из себя» — спешит, торопится выплеснуть, как говорят старики, на свет божий все, что еще совсем недавно было для него запретным, тайным, даже опасным для жизни. И не только своей.

Между тем Загоруйко снова заговорил:

— Для организации убийства она дала мне четыре тысячи и десятифунтовую английскую купюру. Три тысячи я передал Василию Трегубову. Кстати, расписка, которую вы нашли при обыске у меня в шифоньере — его расписка. Можете проверить по отпечаткам пальцев!

Бывшего администратора кооперативного кафе (теперь безусловно бывшего!) начала бить мелкая дрожь. У него уже дергались губы, стали трястись руки, голос охрип. Он задыхался, ему не хватало воздуха — ведь, по его понятиям, он переступил черту — пошел на предательство, стал выдавать сообщников, — нарушил святая святых воровского закона.

А Тимур, знающему о заговоре Горбова и Конышева со слов подружки Глеба, которую тот вчера вечером сам привел к нему домой, сейчас особенно ярко виделась бульдожья физиономия Горбова, его хищный холодный взгляд, и он невольно пожалел Загоруйку. Тимур почти не сомневался: администратор кафе стал жертвой хитроумного замысла снабженца устранить других членов фиктивного кооператива, чтоб превратиться в полновластного хозяина.

Тимур даже чуть приметно качнул головой и подумал: «Дурак ты, дурак, Загоруйко. Обманули тебя, обвели вокруг пальца, — не изменяла тебе твоя Нина. Наоборот, старается убрать с твоей дороги подозрения о корыстном мотиве преступления, потому и выдала весь, а, может быть, и не весь тайник Курбатова».

Но так он только подумал, а вслух сказал:

— Вы, Загоруйко, конечно, сообщаете следствию кое-что новое. Это факт. Но на явку с повинной информация ваша пока, как мне кажется, не похожа.

Загоруйко досадливо махнул рукой:

— Ну и черт с ней, гражданин капитан. Я хочу справедливости: чтобы каждый за свое отвечал, чтобы кое-кто на чужом горбу в рай не проехал.

Кивнув в знак того, что он принимает к сведению заявление арестованного, Безуглый одновременно решил несколько изменить направление разговора и спросил:

— А в каких отношениях вы с Конышевым, с сержантом,

который, помните, вам от Левина помог избавиться, когда тот вас с «Арзни» накрыл в день убийства Курбатова?

Загоруйко словно очнулся от наваждения, услышав последний вопрос капитана. Конышев?

Он был зол на него, как бывают вообще злы на вестников несчастья. Говорят, что им в древности даже рубили головы. А Конышев еще, как показалось Загоруйко, сообщил свою пакость с ехидной подковыркой. И он взъярился, конечно. И тряхнул его. Было. Но Загоруйко не знал, что именно Конышев и предал-то его за лишние полсотни, сунутые Горбовым. Загоруйко полагал, что Конышев вообще-то человек нужный, может пригодиться и в будущем, и поэтому решил скрыть свою связь с ним. И на вопрос Безуглого ответил уже совершенно другим тоном:

— Конышев? Да я его и не знаю толком. Так, шапочное знакомство, гражданин капитан, не больше!

Загоруйко опять становился самим собой. Лгал легко и самозабвенно. И Безуглый понял, что его откровенность носит весьма ограниченный характер и распространяется главным образом на обстоятельства, касающиеся участия в преступлении Нины Семеновны Курбатова. Скорее всего, это все же расплата за «нового хахала», за мнимую измену.

Безуглый отлично понимал всю призрачность победы над Загоруйко. Достаточно ему будет убедиться в том, что его обманули, что Нина Семеновна ему верна, он, конечно, немедленно откажется от сегодняшних показаний. Что ж, к этому нужно быть готовым!

Между тем встрепенувшийся Загоруйко, кажется, вновь обрел дар все видеть, все замечать и на все мгновенно реагировать. И он увидел на лице Тимура выражение раздумий и сомнений. Конечно же, не остывший еще от бешеного приступа ревности, он отнес их не на счет Конышева, а на счет всего сказанного им до этого, словом, до горькой радости и муки своей в эту минуту — до обвинений в адрес Нины, Ниночки. Вот тогда он и произнес:

— А чтобы вы мне верили, гражданин капитан, я опишу вам тайник и подходы к нему, где хранятся несметные богатства, принадлежавшие раньше Курбатову, втянувшему меня в этот кооператив, и которым завладела теперь, с моей помощью, не отрицаю, Нина Семеновна.

Загоруйко на мгновение прикрыл воспаленные глаза и тогда воображение немедленно нарисовало ему картину: кабинет Курбатова, он с Ниночкой в нем. Вот она поколдовала с украшением на книжном шкафу, раздался приглушенный металлический щелчок и перед его глазами появился тайник и пачки, пачки и пачки денег в нем...

И еще он как будто вновь пережил горячий шепот-вопрос Нины: «Любишь?», свой взволнованный ответ и ее приказ:

«Тогда Виктор Сергеевич должен исчезнуть!» И вот теперь у нее новый хахаль, как выразился Конышев. И уже не он, Валентин, обнимает ее, а кто-то другой. И этому другому дарит она свои ласки и любовь.

Он, кажется, даже скрипнул зубами, и чтобы избавиться от наваждения, открыл глаза. Капитан смотрел на него с сочувствием. И тогда Загоруйко, махнув, как говорят, на все рукой, стал рассказывать, описывать все, что знал о хранилище подпольного богатства, которое какое-то время считал уже чуть ли не своим.

Тимур его почти не слушал. Он не хуже Загоруйко знал и о существовании, и о месторасположении тайника и даже о тайне шарика-украшения, с помощью которого открывался доступ к богатству. Он думал сейчас о другом. Ему стало очевидным, что Загоруйко даже не подозревал о намерении Нины Семеновны Курбатовой выдать властям тайник своего покойного мужа. Не знали о существовании и выдаче тайника, по-видимому, ни Горбов, ни Конышев.

«Это уже кое-что, — посчитал Тимур. — Значит, Конышев послушался Горбова и в контакт с Ниной Семеновной не вступил. Так. Интересно, как относится Загоруйко к Горбову? Понимает ли, что именно он его соперник по руководству кафе, что он претендует на роль хозяина и ради этого готов на любую подлость.

И поэтому, когда Загоруйко закончил свой рассказ о тайнике, Безуглый опять раздумчиво покивал и будто бы вскользь заметил:

— Да, запутались вы: и Нина Семеновна и вы, Загоруйко. Теперь, скорее всего, кафе и все доходы от него перейдут в руки одного Федора Лукича Горбова. Были у него компаньоны да перевелись. Федор-то Лукич остался чистеньким да честеньким.

Тимур не сводил взгляда с Загоруйко и от него не ускользнуло, что лицо арестованного омрачилось выражением неприязни. По-видимому, увлеченный своими сердечными заботами, он только сейчас вспомнил о снабженце, о его наглой претензии стать после смерти Виктора Сергеевича во главе «дела». И он сказал:

— Федор Лукич Горбов, гражданин капитан, чистенький да не чистый, честенький да не особенно честный.

— То есть?

— Как хотите, так и понимайте мои слова, гражданин капитан.

Загоруйко сдвинул брови и поджал губы. Тимур взгляделся в него и понял, что в отношении Горбова он говорить подробнее не хочет.

— Ну что ж, Загоруйко, вот вам бумага, вот ручка. Спокойно, с подробностями изложите ваше заявление на бумаге.

Загоруйко принял протянутые ему листки, ручку, на минуту задумался и почувствовал, что у него почему-то полностью пропала охота разоблачать Нину. Какая-то подсознательная сила удерживала его сейчас от последнего шага.

ПОВТОРНЫЙ ОБЫСК

Все организационные дела Пряхину удалось завершить только часам к трем — к пятнадцати, говоря официальным языком. Но зато результаты его усилий были очевидными. Во-первых, ему настолько удалось пробудить интерес к повторному обыску у следователя, что Михаил Федорович Рокотов решил на этот раз, хотя и произнес предварительно: «Посмотрим, посмотрим...», лично возглавить проведение обыска.

— Я, Пряхин, пойду сейчас к прокурору за постановлением на повторный обыск, а ты связывайся со своими кинологами. Время, конечно, упущено, но чем черт не шутит. Словом, звони. Да и Левина прихвати тоже. Пригодится.

Дверь Рокотову и Пряхину открыла Любовь Михайловна. Она очень удивилась, увидев второй раз за день людей в милицейской форме. В прихожую выглянула Нина Семеновна. Она была в домашнем ситцевом платье, мягких тапочках. На лице выражение холодности и надменности.

— Чему обязана? — спросила она Рокотова, сразу угадав в нем главного.

Михаил Федорович молча протянул Курбатовой постановление на проведение обыска. Он с интересом рассматривал Нину Семеновну. Вот она развернула бумагу, сдвинула брови, углубилась или сделала вид, что углубилась в чтение. И в эту минуту Рокотов, как и некоторые другие до него, обнаружил сходство Нины Семеновны с генералом Хориным, начальником УВД области.

Любовь Михайловна, беспокойно оглядываясь, прошла в комнату. Она-то отлично видела, что сейчас ее Ниночка настроена совсем не так, как утром, и, естественно, волновалась.

А в душе самой Нины Семеновны, хотя она и продолжала сохранять на лице маску холодности и надменности, царило полное смятение. Ее мучил вопрос: «Чем вызван этот неожиданный, повторный обыск? Или, может быть, кем?» И она лихорадочно пыталась найти ответ, стараясь при этом выиграть время, делала вид, что внимательно изучает коротенький документ, переданный ей Рокотовым.

В это время Левин открыл входную дверь, чтобы пойти за понятиями, и Нина Семеновна увидела на лестничной площадке еще одного милиционера, но уже с собакой. И совсем пала духом: «Собаку привели, безусловно, для обследования чердака. Что же мне делать?»

Однако даже теперь на лице ее не было видно, сколь глубоки и мучительны ее раздумья и смятение. Она хотела уже

пригласить Рокотова в гостиную, но в это время раздался телефонный звонок. Аппарат висел прямо на стене прихожей, почти у самой двери. Нина Семеновна потянулась было к трубке, но Пряхин стремительно кинулся к ней и опередил Курбатову. Он поднял трубку и приложил ее к уху, она сразу же ожила, заговорила насмешливым мужским голосом: «Почему не приходишь к телефону, Ниночка? Это я, Конишев. Хочу обрадовать: миленочек-то твой, Валечка, побежал к капитану каяться, признаваться. В общем, суши сухари, Ниночка. Почему ты молчишь?»

«Сволочь», — мысленно обругал Конишева Пряхин, а вслух ответил:

— Я доложу подполковнику Семухину, Конишев, о вашей болтливости и разглашении тайны следствия. Это вам обещает старший лейтенант Пряхин. Понятно говорю?

В трубке послышался щелчок — Конишев, видимо, ретировался. А Нина Семеновна, любезно улыбаясь и провожая Рокотова в гостиную, краем уха уловила слова Пряхина: «Конишев, «тайна следствия» и с горечью подумала: «Найдут! Обязательно найдут мой пакет. И потом, глупая, я стерла следы пальцев с тайника, с пачек денег в книжном шкафу, а пачки денег в пакете и коробку с драгоценностями я же оставила непотертыми. Не допусти я такой промах, все можно было бы снова свалить на Виктора Сергеевича!»

Но тем не менее она усадила Рокотова за круглый стол. Вымученно улыбнулась и спросила:

— Кофе? Чаю?

Рокотов замялся.

Нина Семеновна сразу воодушевилась:

— Я сейчас. Потребуется всего секундочка.

Но Рокотов остановил ее:

— Я, собственно, хочу задать вам вопрос, зачем вы в день убийства Виктора Сергеевича, как раз в то время, когда он отправился в свою последнюю пробежку, поднимались на чердак?

Вопрос был убийственным. Кто-то видел ее крадущейся с клеенчатым пакетом. Она не знала, до какой черты ему — этому «кто-то» — удалось проследить за ней, но то, что ее все-таки видели, выследили, остается фактом, несомненным фактом. И, конечно, когда пакет будет найден, на нем обнаружат отпечатки ее пальцев.

А время, она чувствовала это, бежало, мчалось стремительно. У нее, видимо, оставались считанные минуты, чтобы хоть как-то смягчить готовый обрушиться на нее удар. И она решила разыграть целомудренное смущение, кажущуюся правдивость и желание избавиться от гнетущей ее душу тайны: словом, опередить милицию и самой расстаться с тем, что должно было обеспечить ее будущее.

Она опустила взгляд и сказала:

— Видите ли... Виктор Сергеевич был человеком сложным.

Из дальнейших ее признаний Рокотов узнал, что с некоторых пор она стала подозревать мужа в недобрых замыслах. Он слишком часто говорил ей о желании побывать в Париже, на Лазурном берегу, в Венеции. Кое-какие обстоятельства навели ее на мысль о том, что у мужа есть скрытые от нее деньги. Тогда она все-таки выследила его, обнаружила тайник. Как раз накануне его гибели. И поняла, что он тайно от нее готовит свой переход за границу под видом туриста. Именно тогда она и решила помешать его замыслу. По ее словам, она рассуждала так: я возьму из его тайника часть денег и драгоценности. Надежно спрячу. Он вернется с пробежки и не сегодня так завтра обнаружит пропажу. На воров он не подумает, воры ему ничего не оставили бы. И тогда она, Нина Семеновна, призналась бы, вполне уверенная, что он, конечно, в милицию заявлять о пропаже не станет, а за границу собираться не посмеет. Между ними возникнет конфликт. Ну и пусть! Она все равно собиралась от него уйти.

— Потом произошло известное трагическое событие. Эти дни я ходила как в тумане. Сегодня утром я сообщила в милицию о существовании тайника и сдала властям незаконные приобретения Виктора Сергеевича. Вы, должно быть, поймете меня, Михаил Федорович, — закончила свое повествование Нина Семеновна, — я просто не могла в один день, в один прием объясняться по двум вопросам: сдать государству и тайник Виктора Семеновича, и то, что я у него взяла. Сдать припрятанное я решила потом. Но, видимо, придется сделать это раньше.

Правда, объяснение Нины Семеновны было путаным, иногда даже просто наивным, но это все-таки хоть как-то разъяснило ситуацию, и Рокотов решил поверить.

Он был доволен собой. Здесь, в гостиной, при дневном освещении, Нина Семеновна уже не казалась ему поразительно похожей на генерала Хорина. Правда, какая-то схожесть оставалась, но она не производила сильного впечатления. Главное же состояло в том, что одного его вопроса о посещении чердака оказалось достаточно, чтобы вдова убитого призналась, как она выразилась, «в изъятии» части денег и ценностей из тайника Конопля-Курбатова. И рассказала все в подробностях. «Пряхин с Левиным суетятся, затевают сложнейшую операцию по розыску «того, не знаю чего». А он, Михаил Федорович Рокотов, задал вопрос по-умному. И все!»

— Значит, вы, Нина Семеновна, изъяли, как вы выразились, часть принадлежавших вашему мужу денег и ценностей с намерением предотвратить его выезд за границу?

— Да. Только с целью предотвращения.

— И намеревались сдать изъятое вами?

— Вы поняли меня, Михаил Федорович, совершенно правильно.

Нина Семеновна смелела с каждой минутой. «Кажется, я все-таки успела подстелить себе соломки! Теперь если и споткнусь, то шибко не ушибусь. Этот напыщенный гусь, — подумалось ей, — безусловно поверил тому, что я «изъяла, чтобы предотвратить...» И она вторично осведомилась:

— Так, может быть, чашечку кофе, Михаил Федорович?

— В другой раз, уважаемая Нина Семеновна. В другой раз.

— Жаль. Очень жаль, Михаил Федорович.

В приоткрытую дверь заглянул Пряхин.

— Все готово, Михаил Федорович.

«И та — «Михаил Федорович» и этот тоже — «Михаил Федорович», — всем я нужен», — удовлетворенно подумал Рокотов и сказал:

— Ты зайди, Пряхин. Тут, оказывается, такое дело: Нина-то Семеновна в целях предотвращения выезда своего бывшего мужа за границу изъяла у него часть денег и ценностей. Еще в день его гибели, и собиралась сдать «изъятое». Трудно ей было все вопросы решить в один день. Психологически трудно! Понимаешь?

— Понимать-то понимаю, — с сомнением в голосе и с еще большим сомнением в душе откликнулся Пряхин. «А впрочем, — разрешил он свои сомнения, — пусть показывает, где, а мы потом разберемся, что к чему...» И вслух добавил:

— Вам, конечно, виднее. А я — всегда пожалуйста — пусть Нина Семеновна сама покажет, где она спрятала «изъятое».

На чердак поднимались гуськом: первым Пряхин, за ним Рокотов и Левин, вслед за ними женщины-понятые и шестивие замыкала Курбатова.

До этого, посоветовавшись, Рокотов и Пряхин решили розыскную собаку не применять и она вместе с кинологом осталась на лестничной площадке.

На чердаке позиции участников обыска переменились — впереди была теперь Нина Семеновна. Она довольно уверенно довела всех до укромного места, где спрятала пакет. Левин и Пряхин старательно высвечивали ее путь фонариками.

Почти рядом с укромным местом все увидели крохотный, обшитый кружевами платочек. Нина Семеновна глянула на него и обмерла. Это был ее платочек. А она его искала! И тут же обрадовалась: хорошо, что не довела дело до настоящего обыска, хорошо что решила сама повести мильтонов, а то собака-то сразу почуяла бы! И постаралась обратить находку себе на пользу, изволила пошутить:

— Смотрите, Михаил Федорович, какой из меня тайных дел мастер — в одном шаге от тайника свой платочек обронила!

И она хотела наклониться, чтобы поднять его. Но Пряхин и на этот раз оказался проворнее, опередил ее.

— Одну минуточку, Нина Семеновна, одну минуточку! Мы этот платочек приобщим к делу.

— К какому делу, товарищ старший лейтенант? — деланно-наивным тоном спросила Нина Семеновна.

— К нашему, к розыскному делу, — серьезно ответил Пряхин.

Все остальное закончили, как говорят, «в два счета». Рокотов изобразил на чистой странице большого блокнота схему расположения спрятанного пакета. Левин с понятиями делал промеры расстояний, Пряхин с помощью лампы-вспышки фотографировал сам пакет и ямку, из которой он был вынут.

Протокол обыска и изъятия ценностей окончательно оформили уже в квартире Нины Семеновны. Когда его подписали все присутствующие, Рокотов, не поднимая глаз, сказал скучным голосом:

— Вам, Нина Семеновна, придется проехать с нами.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Курбатова постаралась придать своему уходу из дома вполне безобидный вид, чтобы кто-нибудь из жильцов не подумал, что ее «забрали». Поэтому она изобразила на лице почти радостное оживление, обращалась со всякими пустяками к Рокотову и Пряхину, улыбалась их откровенно сухим ответам, а каблучки ее туфель постукивали так, будто аккомпанировали какому-то бравурному маршу.

И только после того, как она уселась в машину и откинулась на спинку сиденья, с ее лица исчезло притворное оживление и на смену ему пришло выражение замкнутости и какого-то ожесточенного безразличия.

Именно такой и увидел ее в своем кабинете капитан Безуглый. Тимур заранее расставил стулья один против другого, но не как всегда, а на некотором удалении от себя. Увидев вошедших, он уступил свое место Рокотову и пригласил на один из двух, заранее приготовленных стульев, Нину Семеновну. После этого он выглянул в коридор и сказал кому-то: «Введите арестованного!»

Через минуту и он, и Пряхин придвинули к столу стулья и устроились по обе стороны от Рокотова. Пряхин, кроме того, положил на стол пакет с ценностями, изъятими во время повторного обыска. Взгляд Нины Семеновны был опущен и устремлен на пол, но боковым зрением она отлично видела все: и нехитрые маневры Безуглого и Пряхина, и стул, сиротливо стоящий против нее, и даже входную дверь.

«Интересно, зачем они привезли меня в эту комнату, зачем этот стул, приготовленный для кого-то, зачем этот злополучный пакет», — старалась угадать она. И тут же вспомнила приказ Безуглого: «Введите арестованного». «Кого? Неужели Валентина?» Однако она так и не успела додумать ответы на стремительно возникшие, словно бы вынырнувшие откуда-то вопросы, потому что дверь открылась и в ее проеме пока-

зался сопровождаемый конвоиром ее Валечка.

Она внутренне содрогнулась: Валентин был не похож на себя. Казалось, он перенес какую-то тяжелую болезнь. Лицо его осунулось. Еще недавно такие милые, горячие глаза запа-ли и горели мрачным, холодным огнем не то затаенной муки, не то ненависти.

«Что с ним стряслось? Неужели он так боится? Но ведь он не убивал! Он сам говорил ей — убил другой, кажется, Трегубов. Так что же стряслось с Валентином?» — спрашивала себя и не находила ответа Нина Семеновна.

Тем временем в дело вступил Рокотов. Он тоже заметил изменения, происшедшие с Загоруйко и тоже, как и Нина Семеновна, не знал и не догадывался о их причине. Короткий телефонный разговор, происшедший во время обыска между ним и Безуглым, по понятным причинам не мог ничего прояснить, кроме настойчивой просьбы Тимура немедленно провести очную ставку между Загоруйко и Курбатовой «виду новых, не терпящих отлагательства обстоятельств». Каковы эти обстоятельства, он не знал и просто поверил Безуглому на слово. Поэтому теперь объявил, что сейчас между гражданкой Курбатовой и арестованным Загоруйко будет проведена очная ставка. И Михаил Федорович подробно разъяснил права и обязанности сторон, особо подчеркнув недопустимость прямых контактов между ними.

— Всякая попытка вести между собой речь на темы, не затронутые вопросами следствия, будет рассматриваться, как попытка вступить в преступный сговор со всеми вытекающими последствиями отягчающего характера для обеих сторон. Понятно?

— Понятно, — стараясь не терять бодрости, ответила Нина Семеновна.

«Понятно», — кивком подтвердил и Загоруйко.

После этого Рокотов обернулся к Безуглому и попросил:

— Приступайте, Тимур Иванович!

Тимур едва приметно кивнул, еще раз окинул внимательным взглядом Курбатову и Загоруйко и спросил Нину:

— Знаете ли вы этого человека?

Словом, очная ставка началась.

Сначала все шло довольно гладко. И он и она назвали друг друга и признали, что знакомы. Но уже на вопрос: «В каких отношениях вы находитесь?» — появилось первое расхождение. Нина Семеновна ответила коротко: «В нормальных». Загоруйко же, после некоторого раздумья и короткой паузы, будто бы выдавил из себя: «В близких...» На просьбу Безуглого уточнить, что означает его определение: «В близких...», Загоруйко, вспыхнув, добавил: «В интимных...»

Услышав это, Нина Семеновна вскинула на него загоревшийся взгляд, но Рокотов вовремя предупредил: «Спокойно, Нина

Семеновна, спокойно», и она промолчала.

Вместе с тем у нее появилось ощущение страха. Она вдруг поняла, что перед ней не только внешне, но и по существу совершенно другой Загоруйко. Теперь она уже не была уверена в том, что Валентин сделает все возможное и невозможное, чтобы ни один волос не упал с ее головы. И это пугало ее.

А Безуглый все спрашивал: «Считаете ли вы себя причастным к убийству Виктора Сергеевича Курбатова?» И Загоруйко, не задумываясь и не поднимая головы, ответил: «Да. Считаю».

Тогда Тимур повторил вопрос, обратив его на этот раз к Нине Семеновне, и тоже немедленно получил ответ: «Нет, не считаю». При этом Загоруйко вскинул голову и сверкнул глазами.

Теперь Тимуру оставалось задать последний из ранее приготовленных вопросов, и он спросил Загоруйко:

— Скажите, Валентин Осипович, вы сами задумали убийство Конопля-Курбатова или вас на эту мысль натолкнул кто-то другой?

Загоруйко снова вскинул голову и посмотрел на Нину Семеновну диким, долгим и уничтожающим взглядом. Потом правая рука его вскинулась и, тыча в сторону Курбатовой указательным пальцем, он выкрикнул:

— Вот она... Да, да. Она, Нина, жена Конопля-Курбатова и подбила меня на его убийство. «Он должен исчезнуть», — сказала она. И я, дурак, поверив, что она любит меня, взялся за это дело.

— Одумайся! Что ты говоришь?! — нарушая установленный порядок, воскликнула Нина Семеновна, с ужасом глядя на Загоруйко.

Но тот уже не мог остановиться:

— Она дала мне четыре тысячи и десятифунтовую купюру. На эти деньги я нанял Ваську Трегубова. И она знала об этом!

Загоруйко выкрикивал эти обвинения, как сумасшедший, потом на миг умолк и снова обратил яростный взгляд на виновницу своих мук. И лицо его вдруг стало вытягиваться, на нем появилось выражение растерянности и изумления, потому что прямо на него смотрели полные ужаса глаза его прежней Нючки. И Безуглый, и Рокотов, и Пряхин тоже заметили перемену во всем облике Нины Семеновны Курбатовой, но только Загоруйко прочел в ее глазах гораздо больше, чем они. И тогда в душе его, окостеневшей было от недоброй вести о «новом хахале», вдруг шевельнулось робкое чувство жалости, и на смену уверенности в том, что он предан и обманут, пришло ужасное подозрение, что обманут-то он обманут, но не ею, а Конышевым.

Между тем Нина Семеновна, воскликнув: «Одумайся! Что ты говоришь?!» и поняв после этого, что ее слова, ее голос почему-то не доходят до Валентина, действительно на глазах у

всех становилась совершенно другой. Ее плечи опустились. Исчезла ее непобедимая самоуверенность. Она как будто потускнела, стала грустной и задумчивой, а ее тоже потускневшие глаза, неотрывно с тоской глядели на Загоруйко.

— Значит, это правда, — печально произнесла она наконец, — нет верных мужчин!

— Вы подтверждаете заявление Валентина Осиповича Загоруйко? — успел вклиниться в происходящее Безуглый.

Нина Семеновна скорбно опустила уголки своих губ.

— Как это имеет теперь значение, капитан. Ну, да! Подтверждаю. Но обвиняет меня все-таки лжец, предатель и обманщик. Клятвопреступник даже!

— Да что же я делаю, окаянный! — вдруг закричал Загоруйко. — Мне же сказали, что она изменила мне, нашла другого. И я поверил, потому что я люблю, люблю ее!

А в это время Нина Семеновна не то обреченно, не то презрительно молча кивала головой, но по мере того, как до нее стал доходить смысл слов Загоруйко, взгляд ее снова вспыхнул, загорелся.

Пряхин предложил Загоруйко расписаться в протоколе под записью последнего ответа. Тот посмотрел на него бездумно и безнадежно махнул рукой.

— Отказываюсь от всех показаний. Оговорил я ее.

Строгий ход очной ставки начал рушиться. А когда Пряхин с тем же предложением обратился к Курбатовой, — попросил расписаться под записью своего последнего ответа, — она угрюмо сказала:

— От всяких дальнейших ответов я вынуждена отказаться.

Рокотов посчитал себя необходимым вмешаться.

— Что привело вас к такому решению?

— Как я понимаю, следствие прибегло к подтасовке. Кто-то оклеветал меня в глазах Загоруйко, чтобы вытянуть из него необходимые следствию надуманные сведения. Поэтому я не доверяю вам и буду отвечать на вопросы только в присутствии генерала Хорина — моего отца.

Тимур нахмурился. Ссылка Курбатовой на генерала Хорина, как на отца, таила в себе угрозу. А Безуглый, зная начальника управления и кое-какие слухи о нем, считал такую угрозу довольно реальной. «Нужно будет посоветоваться с Павлом Ивановичем Есиповым», — решил он.

Не меньше других был поражен Рокотов. После заявления Нины Семеновны он тут же вспомнил и свое собственное наблюдение. «Вот это да! — мысленно воскликнул следователь. — Это не блеф: она, безусловно, внебрачная дочь Хорина! Но захочет ли генерал признать ее дочерью? Пожалуй, черта с два... Нужна она ему, особенно в наше неспокойное время, когда любое пятнышко на мундире может стоить карьеры».

Сообразив: «не захочет», Рокотов счел такой вывод оче-

видным, несколько успокоился и довольно холодно произнес:

— Хорошо. Ваша просьба будет доведена до сведения прокурора, но пока я настаиваю на том, чтобы и вы, и Загоруйко подписали протокол очной ставки. Не забывайте: весь ее ход записан на магнитной ленте.

— Я ничего подписывать не буду, — сказала безразличным тоном Нина Семеновна.

Загоруйко посмотрел на нее жалким взглядом кающегося преступника и тоже отказался подписывать документы.

Безуглый встал, чтобы вызвать конвой. Рокотов стал писать постановление об избрании меры пресечения в отношении Нины Семеновны Курбатовой, подозреваемой в организации убийства своего мужа. Закончив писать, он взглянул на часы, их стрелки показывали половину седьмого вечера.

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ

А генерал еще ничего не знал о заявлении Нины Семеновны Курбатовой. После того, как он переговорил с Любой, Хорин рассмотрел неотложные бумаги и принял кое-кого из начальников отделов. И только в конце рабочего дня почувствовал прилив сил, ощутил, как напряглись его душа и тело — значит, все время после телефонного разговора с Любой он жил не привычными делами, а ожиданием необычного свидания. Видимо, поэтому и выехал он из управления в необычное для себя время — за пять минут до окончания рабочего дня, хотя всегда задерживался дольше других.

И за рулем машины на этот раз был не шофер, а Мухин, его адъютант, особо доверенное лицо, получивший от генерала подробные инструкции.

И вот Мухин, казалось, только на одну секунду остановил машину на углу Октябрьской и Приреченской. Выскочил из автомобиля и открыл вторую дверцу перед ожидающей женщиной. А в следующее мгновение машина уже мчалась за город.

Когда Любовь Михайловна оказалась рядом с ним, Семен Семенович, полный самых противоречивых чувств, совсем по-мальчишески, как будто прошедшие десятилетия исчезли и их уже не стало или, во всяком случае, он решительно забыл о них, протянул к ней жадные, ищущие руки. И они встретились с ее руками.

Они не сразу заметили, что машина уже стоит, а Мухин углубился в лес, который обступил их со всех сторон...

Семен Семенович, не отстраняясь от Любы, потянулся к ручке дверцы и толкнул ее. В салон к их разгоряченным лицам хлынули летние лесные ароматы. Любовь Михайловна робко и нерешительно выглянула из машины. Они находились на крошечной полянке, поросшей густой, довольно высокой травой. Могучие деревья и совсем юный лесной подгон, толпившийся вокруг, создавали впечатление первозданной нетронутости

окружающего леса, его изолированности от остального мира, своеобразного величия и немного диковатой, неприглаженной красоты.

— Выйдем... — не то спросил, не то предложил Семен Семенович и первым стал выбираться из машины.

Вокруг было тихо-тихо. Ни один листок не шевелился. Воздух, напоенный запахами трав, листы, невидимых цветов и самой земли, казался густым терпким напитком, бодрящим и успокаивающим одновременно. Солнце, давно перешагнувшее зенит, едва пробивалось своими лучами через окружающую зелень. Где-то далеко-далеко куковала кукушка. Природа, как всегда, казалась прекрасной и совершенно равнодушной к людским делам.

Хорин снова хотел обнять Любу, но вдруг неожиданно увидел, что лицо ее приняло совершенно новое выражение. На смену тихой, глубокой радости пришла растерянность, а потом к ней добавилась озабоченность. Глаза ее потемнели, лицо застыло. Она даже поднесла руку ко лбу, точно пыталась что-то не то прогнать, не то вспомнить. И, наконец, по ее щекам медленно, двумя светлыми бороздками, потекли слезы.

Вскоре он стал улавливать смысл ее отрывочных слов: «Прости... Я, видно, обезумела от счастья видеть и слышать тебя. Прости, я совсем позабыла о главном...»

— А разве то, что мы снова вместе, не главное? — ревниво прошептал он, не выпуская ее из рук. И увидел ее глаза, исполненные муки.

— Прости, — повторила она. — Я должна была тебе сразу сказать: спаси нашу дочь!

Его удивила и обрадовала ее просьба.

— Дочь! Значит, в театре вместе с тобой была моя дочь?! — воскликнул он, готовый снова обнимать, целовать, прижимать ее к сердцу. — Дочь! Какая красавица! Какая красавица! И она моя дочь. Доченька!

— Ее зовут Ниной Семеновной Курбатовой, — еле слышно произнесла Любовь Михайловна, — она жена убитого шеф-повара кооперативного кафе. Может быть, даже... — она едва не сказала «соучастница убийства», но вовремя удержалась и вместо этого спросила: — Ведь ты спасешь ее, Семен?

В общем, так хорошо начавшееся, многообещающее свидание приобрело драматическую окраску. Фактически оно внезапно оборвалось. Мираж исчез, как исчезает лопнувший мыльный пузырь. На смену буйству уже немолодых страстей пришел холодный деловой расчет.

Все еще не отпуская ее от себя, все еще внешне оставаясь нежным и ласковым, он твердо сказал:

— Нам надо немедленно вернуться.

Она благодарно кивнула, и они направились к машине. Разместившись в салоне, Хорин достал большой блокнот,

раскрыл его на чистой странице и протянул Любви Михайловне.

— Напиши: «Нина, ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах, никому не говори, что ты дочь генерала Хорина. Так ему будет легче спасти тебя». И подпись: «Мама».

Любовь Михайловна приняла от него авторучку и написала. Семен Семенович вырвал страницу, аккуратно сложил ее и через минуту уже нажимал на плафон сигнальной сирены. Вскоре появился Мухин, и машина, набирая скорость, помчалась в город — Хорин решил немедленно вернуться в управление.

Появившись снова в своем кабинете, усевшись за служебный стол, Хорин постарался успокоиться и всесторонне обдумать создавшееся положение. Видимо, прежде всего ему следовало ознакомиться с новостями по делу об убийстве Курбатова.

Собственно, его указание, данное в свое время заместителю о том, чтобы тот поручил дело об убийстве шеф-повара кооперативного кафе Безуглому и Пряхину, было хитрым, коварным ходом, направленным против раздражавших его оперативников. Он надеялся, что столкнувшись с делом кооператива, Безуглый и Пряхин неизбежно вызовут на себя поток жалоб, которые поставят их в положение противников кооперативного движения, а, следовательно, перестройки. Ну, а это позволило бы ему без лишнего шума избавиться от них.

Однако оперативники действовали на редкость энергично, напористо и удачливо. За несколько дней они практически вышли на убийцу и организатора акции — администратора кафе Загоруйко, по-видимому, любовника его дочери.

Таковы были сведения, которыми располагал генерал до сих пор. Что сумели раскопать оперативники в последнее время? Интуиция подсказывала Хорину, что ожидать можно было самого неприятного. Чего? Это предстояло узнать.

Но уже сейчас, еще до выяснения всех вновь открывшихся обстоятельств, генерал понял, что самыми опасными людьми для него и его стремления обезопасить дочь теперь являются именно Безуглый и Пряхин. Их надо было немедленно вывести из игры.

И тут ему вспомнилось, что еще утром его заместитель по кадрам докладывал о полученном распоряжении направить на месячные курсы повышения квалификации опытного оперативника с тем, чтобы впоследствии он стал кандидатом на выдвижение. Повод для устранения от дела Безуглого был исключительно подходящим, и он сразу же набрал номер домашнего телефона главного кадровика управления и дал ему твердое указание: завтра же отправить Безуглого в Москву.

— Но до срока откомандирования нашего кандидата еще два дня, Семен Семенович, — начал было возражать заместитель, однако Хорин сказал ему, что капитан Безуглый получит дополнительное поручение, и твердо приказал оформить отъ-

езд капитана именно завтра и с утра.

— Слушаюсь! — покорно, но без особого энтузиазма согласился заместитель.

Итак, одно дело было сделано. Теперь предстояло решить, кому передать обязанности старшего розыскной группы. Генерал потер сжатой в кулак рукой подбородок и стал перебирать в памяти оперативников из отдела уголовного розыска. В конце концов выбор свой он остановил на кандидатуре капитана Алешина, человека, по мнению Хорина, завистливого, любящего, чтобы о нем «говорили», ставили в пример другим, но довольно легковесного и неустойчивого. К тому же, как ему недавно докладывал Мухин, Алешин смертельно обиделся на Безуглого за то, что тот на последнем отчетно-выборном партсобрании отвел его кандидатуру в партбюро управления. «У Алешина слабоват характер, — сказал тогда Безуглый. — Он легко меняет свою точку зрения, поддается постороннему влиянию». И Алешин в состав партбюро не попал. «А мне такой и нужен!» — думал генерал.

Решив для себя и этот вопрос, Хорин позвонил на квартиру заместителя и стал говорить ему о Безуглом в превосходной степени, о том, что «парень растет на глазах», что «он, Хорин, давно искал случай и способ продвинуть его» и что «вот совсем неожиданно открылась возможность — министерство распорядилось прислать на курсы повышения квалификации опытного оперативника с тем, чтобы включить его в резерв на выдвижение» и он, Хорин, решил послать Безуглого.

Генерал втолковывал эти мысли своему заму для того, чтобы при случае тот мог бы повторить их. «Пусть никто не думает о моей личной заинтересованности в удалении Безуглого. Пусть все думают: генералу подвернулся шанс поспособствовать росту хорошего работника».

— А так как Безуглый выезжает в Москву завтра, — заключил Хорин, — я рекомендую тебе назначить старшим группы вместо него капитана Алешина.

Было уже семь часов вечера, но капитана Хорин застал за работой и срочно вызвал к себе. Тимур, едва открыв дверь в кабинет начальника управления, сразу увидел, что Хорин находится в весьма скверном настроении. Безуглый нерешительно остановился в дверях.

— Проходите, Безуглый. Садитесь.

Генерал кивнул на длинный стол, покрытый зеленым сукном. С обеих сторон его ровными шеренгами стояли тяжелые стулья с зеленой обивкой.

Тимур прошел к дальней от начальника стороне стола и сел так, чтобы лицо его было обращено к генералу.

Хорин оторвал от него сумрачный взгляд, уставился на стол, оперся подбородком на полусогнутую руку и, наконец, приказал:

— Докладывайте, Безуглый, как вы продвинулись сегодня. Какие у вас новости?

Ситуация, по мнению Тимура, складывалась несколько необычная: начальник управления вдруг заинтересовался делом, от которого еще недавно откровенно и старательно уклонялся. А тут вдруг вызов в неурочное время. Дела!

На лице Тимура, видимо, промелькнула тень удивления, что не укрылось от генерала и он постарался пояснить:

— Я спрашиваю о подробностях, капитан, потому что завтра вам предстоит выехать в Москву. На курсы усовершенствования. Перед вами открывается путь к продвижению по службе. Понимаете?

«Вон оно что!» — еще больше удивился Тимур. Но на этот раз ему удалось вместо удивления изобразить на своем лице радость. Он глуповато покивал, делая вид, что все «понимает», что обрадован и даже немного растерян неожиданной милостью начальника. И эта имитация радости и благодарности успокоила генерала.

— Докладывайте, Безуглый, докладывайте... — поторопил он Тимура.

* * *

...Вернувшись после разговора с генералом в свой кабинет, Безуглый глубоко задумался. До сих пор начальник управления его своим вниманием не баловал. И этот странный интерес к делу Курбатова!..

«Пока несомненно одно, — решил капитан, — меня фактически отстраняют от ведения розыска по делу шеф-повара. Причем отстраняют, делая хорошую мину при плохой игре. По-видимому, мое присутствие здесь мешает генералу».

Мысленно Тимур снова и снова возвращался к своему докладу генералу, вновь и вновь анализировал его поведение, его реакцию на каждую новость. Как бы там ни было, очная ставка была единственным кусочком информации, на который, казалось, отреагировал Хорин.

Почему? Может быть, как раз потому, что очная ставка доказывала причастность Курбатовой (его дочери?!) к организации убийства своего мужа, а генерал все-таки печется о ее судьбе?

Или о своей собственной? Ведь если Курбатова и вправду дочь Хорина, приятного от такого родства мало. Тимур вспомнил, что Паша Симонов, дежуривший в день убийства шеф-повара по Промышленному райотделу и первый обнаруживший «удивительное» сходство Курбатовой с начальником управления, заинтересовался у нее тогда, мол, вы, случайно не родственница Семена Семеновича Хорина? И, что называется, налетел на ответ, полный неподдельного удивления: «А кто такой этот Семен Семенович?»

Выходит, в день убийства Курбатова не только не считала себя дочерью Семена Семеновича Хорина, но даже не подозревала о его существовании?

А почему бы не предположить, что кто-то обратил ее внимание на то, что она удивительно похожа на генерала, и вот, когда положение ее осложнилось, она решила выдать себя за его дочь, чтобы осложнить розыск и выиграть время? Всякое бывает!..

Тимур уже собрался идти домой, когда зазвонил телефон.

— Капитан Безуглый слушает, — привычно отозвался он.

— Сержант Конышев беспокоит, товарищ капитан. Хочу проинформировать, что генерал Хорин только что побывал в камере Курбатовой, а сейчас беседует с Загоруйко. Докладываю в порядке искупления вины за телефонный звонок на квартиру Курбатовой, когда я налетел на старшего лейтенанта Прякина.

«Это еще что за фокусы?» — удивился Тимур, но Конышеву так ничего и не ответил. Этот сержант вызывал у него с некоторых пор не только подозрения, но и чувство гадливости. Вступать с ним в разговор ему было противно и он ограничился тем, что положил трубку.

Однако информация, полученная от Конышева, настораживала: генерал счел возможным неофициально войти в контакт с подследственными?

И хотя Конышев, по мнению Тимура, был способен на любую провокацию, на любой оговор, сейчас все подозрения, которые осаждали его только что, поднялись в душе с новой силой.

ОТЕЦ И ДОЧЬ

У Хорина едва достало сил дослушать доклад Безуглого до конца с принятым с самого начала непроницаемо-невозмутимым видом. Внутренне он давно уже весь содрогался от все новых и новых доказательств вины своей дочери. И только когда дверь за капитаном наконец закрылась, он дал волю своим чувствам: схватился за голову, уронил ее на руки и тяжело, с надрывом задыхался. И, как обычно, от волнения закололо в левом боку. «Опять сердце! Что-то частенько стало прижимать», — подумал он.

Теперь, зная все подробности, генерал пытался анализировать: единственное, что еще, может быть, спасет положение — немедленный отказ этого Загоруйко от своих показаний, его признание в том, что он умышленно оговорил Нину в порыве необузданной, дикой ревности. Надо, чтобы и Нина отказалась от всего, что наговорила на очной ставке, мол, была шокирована его поведением.

Для того, чтобы разыграть все как по нотам, Хорину прос-

то необходимо было встретиться с ними обоими, несмотря ни на что. Это — во-первых. И, во-вторых, надо отстранить от дела Пряхина, присутствовавшего при очной ставке, а также нейтрализовать Рокотова.

Осуществление своего замысла он решил начать с посещения следственного изолятора. Может же он, в конце концов, не вызывая подозрений, лично проверить, как там организована служба, опросить подследственных не нарушается ли по отношению к ним закон. Все в рамках дозволенного! А уж там он найдет способ переговорить с Загоруйко, перемолвиться с Ниной. С Пряхиным же и Рокотовым все можно будет утрясти и завтра.

Придя к такому заключению, Хорин поднялся, окинул привычным взглядом стол, дверцу сейфа, убедился, что ни одна служебная бумага не осталась не убранной, а сейф — опечатан, надел фуражку и вышел в приемную.

В следственном изоляторе его встретил дежурный.

— Решил посмотреть, как вы несете здесь службу, — словно бы между прочим объяснил генерал свой неожиданный и весьма необычный визит. — Кстати, сколько на сегодняшний день содержится у вас подследственных?

Дежурный без запинки назвал цифру.

— А женщин из них?

— Одна, товарищ генерал.

— Что ж, — деланно улыбнулся генерал, — простая порядочность, видимо, обязывает меня в первую очередь побеседовать с женщиной.

На нарах, в позе безнадежного отчаяния, сидела молодая женщина. У Хорина сжалось сердце — перед ним была его дочь, его кровинушка. Он готов был кинуться к ней, прижать к сердцу, вывести из этого склепа и сказать: «Беги! Беги!..» Из глубины души его рвались нежные слова: «Нина. Ниночка. Доченька!» Но он заставил себя сдержаться. И поэтому выражение лица его оставалось все таким же, каким было тогда, когда он только появился в следственном изоляторе. Он только немного побледнел, переступив порог камеры.

Все свое дальнейшее поведение он продумал заранее. И сейчас Хорин только чуть повел крутым подбородком, словно сожалел о допущенной ошибке, и повернувшись к сопровождаемому его сержанту, сказал:

— Пожалуй, я промахнулся, сержант. Надо бы, чтобы при моих беседах с арестованными все-таки присутствовал дежурный. У ваших постояльцев могут быть претензии, просьбы. Понимаете?

— Так точно, понимаю, товарищ генерал.

— Тогда сходите за ним. И скажите, что я приказал захватить блокнот для записей.

— Слушаюсь!

Коньшев, а это был он, ловко, по-строевому повернулся через левое плечо и вскоре звук его шагов в коридоре оповестил Хорина, что ненужный и опасный свидетель удалился. Он кинулся к дочери. Нина Семеновна смотрела на него с удивлением и любопытством.

— Я твой отец, Нина, — негромко сказал он, подавая ей заранее приготовленную записку Любове Михайловны. — У нас всего несколько минут для беседы. Слушай меня внимательно. Записку прочитаешь после. Твоя задача: сейчас же заявить мне, а завтра следователю и оперативникам, что ты сама не помнишь, что наговорила на себя на очной ставке. Скажи, что обезумела от горя, когда поняла, что твой любимый изменил тебе и наговаривает почему-то на тебя всякие гадости. Понимаешь?

Нина кивнула.

— Ты обезумела и действовала неосознанно, — повторил Семен Семенович.

В глазах у Нины вспыхнули теплые искорки.

— Понимаю.

— А теперь, доченька, соберись с мыслями. Я скоро буду разговаривать с твоим Валентином. Он должен тоже отказаться от показаний против тебя. Но нужно что-то, чтобы он поверил, что я говорю от твоего имени, в ваших общих интересах.

Нина на мгновение задумалась, потом сняла с пальца колечко и отдала Хорину.

— Умница, — похвалил ее Семен Семенович.

В коридоре послышались шаги. Хорин шепнул:

— А теперь мы вроде бы незнакомы... — и отошел к двери.

Дальше все шло как по-писанному. Нина заявила, что хотела бы немедленной встречи с капитаном Безуглым, что она «обезумела», действовала «неосознанно», «наговорила на себя лишнего. И все из-за Загоруйко...»

— Я уже говорил Нине Семеновне, — вроде бы бесстрастно сказал Хорин, — что ей лучше всего завтра обратиться к капитану Безуглому или к тому, кто будет назначен вместо него, потому что Безуглый откомандировывается в Москву. Но вы, товарищ дежурный, все-таки возьмите на заметку просьбу гражданки Курбатовой.

И генерал покинул камеру.

После этого уже втроем они побывали еще у четырех подследственных. Претензий на содержание в общем-то не было, и Хорин сделал вид, что обход камер ему надоел.

— Где у вас тут кабинет для допросов?

— На первом этаже, товарищ генерал, — откликнулся дежурный.

— Тогда поступим так... — Хорин сделал вид, что задумался. — Как фамилия арестованного, про которого Курбатова сказала: «Все из-за него...»?

— Загоруйко, товарищ генерал, — подсказал Конышев.

— Тогда так, — повторил Хорин. — Вы, капитан, ведете меня в кабинет для допросов, а вы, сержант, доставите туда этого Загоруйко. Надо же мне хоть с одним делом разобраться более или менее досконально!

Оказавшись в кабинете для допросов, Хорин отпустил дежурного капитана. Когда же Конышев привел Загоруйко, попросил сержанта оставить его наедине с арестованным...

А минут через двадцать генерал отбыл из следственного изолятора.

Домой он ехал не на «своей», а на дежурной машине, которую вел малознакомый шофер. В салоне было уже довольно темно и поэтому никто не видел довольной улыбки на усталом лице генерала.

Он был доволен собой: все-таки он еще кое-что может! Понравился ему и Загоруйко: парень с головой, понял его с первого слова. И Нину любит: как вспыхнул, как жадно схватил кольцо!

И Хорин вновь улыбнулся.

РОКОТОВ И АЛЕШИН

Утром следующего дня Рокотова вызвали к начальству. Сам генерал поднялся и выразительным жестом пригласил его к столу для совещаний.

— Проходи, Михаил Федорович, усаживайся.

На губах Хорина играла загадочная улыбка, взгляд был жестоким и холодным.

Рокотов сел. Лицо генерала приняло официальное выражение.

— Послушай, Рокотов! Ты знаешь, что за тобой кое-что числится. Взять хотя бы прошлогоднюю историю с бумагой из медвытрезвителя. Но я тебя ценил как работника. И бумаге ходу не дал. Что молчишь? Не было этого?

Сердце Рокотова затрепетало и болезненно сжалось. Он заметно побледнел, пригнулся, как перед ударом, и опустил голову.

— Было, товарищ генерал... — еле слышно выдавил он.

— А сегодня я узнаю, — тон Хорина еще больше построжал, — что ты, Михаил Федорович, проводишь очную ставку между Загоруйко и Курбатовой и недопустимыми методами вырываешь у Курбатовой заявление о нашем мнимом с ней родстве. Как это понимать?

— Так ведь... — начал было Рокотов.

— Что «так ведь...», — перебил его Хорин. — Кому-то хочется бросить на меня тень?

— Если бы не Безуглый и не Пряхин, товарищ генерал, я готов был бы признать, что ее и не было, этой очной ставки, потому что, по-видимому, в отношении Загоруйко были допу-

щены незаконные действия — шантаж. Ему кто-то наговорил на Курбатову, что она якобы изменила ему, и тот в порыве ревности стал нести на нее и вынудил ее оговорить вас, Семена Семенович.

Хорин покивал и уже другим тоном произнес:

— Безуглый сегодня отправился в Москву. Пряхин получит другое задание. А ты, Михаил Федорович, друг любезный, магнитофонную запись и протокол очной ставки — мне. Понятно?

— Понятно!

— Чтобы тебе не мотаться туда-сюда, с тобой поедет Мухин. Он и доставит мне все, что нужно. Кстати, учти: вместо Безуглого назначен капитан Алешин.

Рокотов поднялся. Генерал вместо прощания благосклонно кивнул ему и улыбнулся.

Через пять минут Рокотов и Мухин уже ехали в прокуратуру на дежурной машине УВД. А еще через полчаса к Рокотову подъехал Алешин.

Когда утром начальник отдела объяснил ему, что он назначается руководителем группы, ведущей уголовное дело по факту убийства шеф-повара кооперативного кафе вместо Безуглого, он даже не поинтересовался, чем вызвана такая замена, а просто обрадовался. Ему почему-то подумалось, что Безуглый, видимо, не справился с задачей, и руководство сочло нужным использовать его, Алешина, как более способного. Это приятно щекотало самолюбие.

Перед тем, как поехать к следователю, он, понятно, ознакомился с делом. И, к своему удивлению, обнаружил, что фактический убийца изобличен и задержан, но дальше розыск начал «спотыкаться». Алешину показалось, что Безуглый и Рокотов совершили ошибку, углубившись в дела второстепенные — стали выяснять: может быть, кто-то подтолкнул убийцу на преступление? А убийца-то, Василий Трофимович Трегубов, дал, между прочим, убедительные показания по части мотивов совершенного преступления. Зачем же огород городить? Закруглять дело надо и в суд! Не путаться ни с Загоруйко, ни с Горбовым, ни с Курбатовой... Это все только уводит в сторону.

С такими мыслями он и заявился к Рокотову.

Оба они были хитрецами. Оба не любили усложнять жизнь и отношения. Оба предпочитали окольные пути, так что в их разговоре было много недомолвок, недосказанности, намеков. И все же они прекрасно поняли друг друга. И поладили. Их «совещание» окончилось тем, что Рокотов позвонил Хорину:

— Мы обсудили с Алешиным все имеющиеся у нас данные, товарищ генерал, и пришли к заключению, что следствие следует сосредоточить на дальнейшей разработке версии о виновности Василия Трегубова. Обвинения же против Загоруйко

и особенно Курбатовой в свете новых данных кажутся нам мало-перспективными.

— Я считаю, — важно ответил Хорин, — что вы находитесь на правильном пути. Действуйте! Кстати, вы получили письменные заявления Загоруйко и Курбатовой?

— Их-то я и имел в виду, говоря о новых данных, товарищ генерал.

— Ну что ж, как говорится, желаю успехов!

Рокотов улыбнулся Алешину и положил телефонную трубку: практически получилось, что с приходом Алешина дело Курбатова можно было считать законченным. Оставалось перетасовать кое-какие детали и все.

КАТАСТРОФА

Нашлось новое дело и для Сергея Пряхина: поступило сообщение, что в Напольном Майдане среди бела дня подожжено кооперативное кафе, а бармен, он же председатель кооператива, обнаружен мертвым в своем собственном доме. Кроме Пряхина туда откомандировать было ну совершенно некого!

— Дело с шеф-поваром Курбатовым близко к завершению, так меня информировал следователь Рокотов. А у Пряхина появился маленький, но опыт работы с кооператорами, — убеждал генерал своего заместителя.

— Так-то оно так.

— Вот ты и распорядись — выезд назначь немедленно. Пусть в его распоряжение дадут машину, потому что на кооперативные дела, Николай Сидорович, реагировать нам надо быстро.

— Слушаюсь!

Семен Семенович с удовольствием потер руки. На мгновение ему захотелось позвонить Любе, рассказать ей, как все удачно складывается, похвастаться... «Нет! Вот когда доведу все до конца, тогда мы опять договоримся о встрече», — решил он.

Хорин отлично понимал, что сейчас он творит неправомерное дело. Но ему это было привычно. Одним больше, одним меньше — какая разница. «Дочь спасаю», — думал он.

И в этот момент совершенно неожиданно открылась дверь кабинета и в ее проеме показался тоже генерал, но старше Хорина по званию — это был заместитель министра внутренних дел страны.

«Так неожиданно! Без предупреждения! К чему бы это?» — успел подумать Хорин. На лице его появилось угодливое выражение, а в сердце росло предчувствие беды — Хорину было чего бояться!

Вновь прибывший генерал переступил порог и окинул кабинет быстрым, пронизательным взглядом. За ним вошли трое не знакомых Семену Семеновичу офицеров и начальник политотдела. «Значит, прежде чем встретиться со мной, он встретил-

ся с начальником политотдела. И никто, даже Мухин, не предупредил меня», — с тревогой отметил Хорин.

Между тем замминистра сразу же объявил:

— Вы, генерал Хорин, в соответствии с приказом министра, отстраняетесь от исполнения обязанностей начальника управления внутренних дел области.

Это была катастрофа! Горло у Хорина перехватило, и он незнакомым, противным самому себе голосом спросил:

— За что?!

Замминистра ещё больше посуровел.

— На прежнем месте вашей работы, Хорин, избличена шайка подпольных дельцов, воров и расхитителей, которым вы обеспечивали неприкосновенность и безопасность. Небескорыстно, понятно.

«Докопались все-таки! И никто меня не предупредил! Значит, все. Конец», — пронеслось в мозгу Хорина. Сознание его стало туманиться. Он готов был упасть. Но к нему подскочили два «чужих, незнакомых» офицера и усадили на один из стульев.

— Возьмите себя в руки, Хорин, — сухо сказал замминистра. — И сдайте оружие.

И вот именно тогда, когда от него потребовали сдать оружие, Хорин окончательно уразумел, что все происходящее с ним — жестокая действительность, реальная правда. До этого в нем еще жила, теплилась какая-то глупая надежда на то, что все еще, может быть, обойдется, как говорят, перемелится. Теперь же он увидел перед собой бездну, в которую ему предстоит падать. На миг его мысленному взору представилась камера следственного изолятора, которую он еще вчера посещал как начальник и в которой может очутиться сегодня как простой арестант. Горячая волна протеста всколыхнулась в душе. Нет, не раскаяния, а именно протеста! Он застонал, рванулся... И тут же грохнулся на пол. Больное сердце не вынесло обрушившегося на него позора.

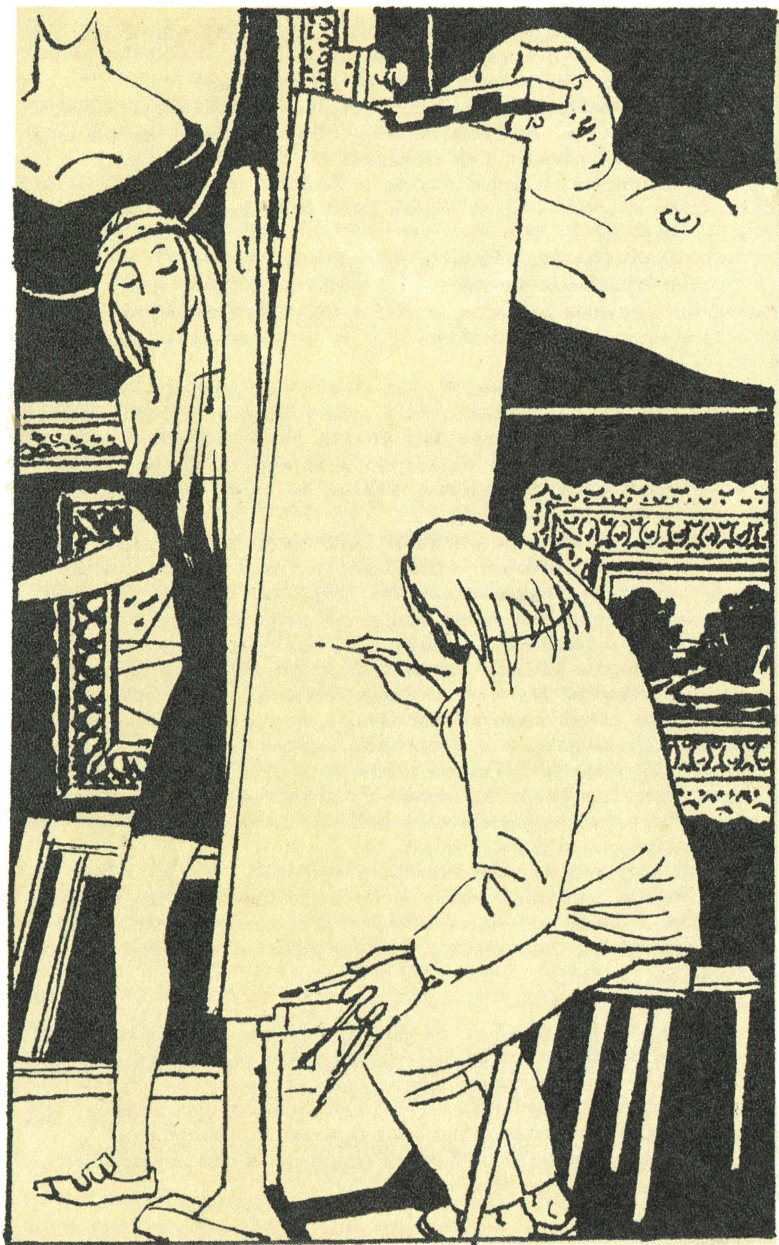
Для генерала Хорина все было кончено.

— Что ж, — сказал ни к кому не обращаясь замминистра, — такой исход для него, может быть, даже и лучше. В старину сказали бы: божий суд. Ведь людского он все-таки изжегал!..

А Павел Иванович Есипов продолжает ездить за грибами. Он все так же ходит по двум маршрутам и все так же еще затемно на асфальтированной дороге его обгоняют любители бега: супружеская пара и три бегуна-спортсмена, нет только старика в импортных тренировочных брюках с лампасами.

А грибы за поворотом дороги роятся по-прежнему. В природе все идет своим чередом.

ПРЫЖОК БИГ БОССА

ПОВЕСТЬ

Василий Звенигородский был не в духе: вот уже несколько дней он писал картину, но, когда жена вошла в мастерскую и увидела ее, то заявила, что из этого ничего не выйдет.

— Не трать даром время, — решительно забраковала работу мужа Лена и, поцеловав в щеку, упорхнула по своим делам.

Василий хотел изобразить на розовом фоне пять дверных петель: одну — левым боком, другую — правым, третью — сзади, четвертую и пятую — раскрытыми. Это должно было символизировать малость человека на фоне Вселенной.

Однако после резкого замечания жены Василий ощутил полное безразличие к своей работе. Желая собраться с силами, он заварил крепкий кофе. С чашечкой в руке прошел в гостиную, включил телевизор.

Раздался телефонный звонок. Василий нехотя взял трубку.

Игорь Михайлович Стрельцов, на которого работал Василий, сообщил, что для того есть работа, за которую ему хорошо заплатят, и попросил побыстрее к нему подъехать.

Стрельцов был не один. На кухне, чавкая, завтракал Хромой, уголовник с впечатляющим стажем. И Карина Полищук — метресса Биг Босса. Та стояла у окна в гостиной. Василий хорошо знал Карину — они вместе закончили Суриковский институт и время от времени выставлялись в числе других молодых московских художников.

Биг Босс был оживлен. Поднимаясь из любимого кресла

навстречу Звенигородскому, он радостно проговорил:

— Хочу показать тебе кое-что интересное. Пошли в ту комнату.

На небольшом портрете, к которому Игорь Михайлович подвел художника, была изображена молодая женщина в черном платье с высоким, почти до подбородка, стоячим воротником. На груди у нее была приколата красная роза, резко контрастировавшая с темным задним планом картины и черным бархатом платья. В руке женщина держала изящный костяной гребешок.

— Что это, по-твоему? — живо поинтересовался Стрельцов, когда Василий закончил осмотр картины.

— Испания, конец восемнадцатого — начало девятнадцатого века. Очевидно, кто-то из подражателей Гойи. У него есть очень похожая картина, она висит в музее Прадо в Мадриде.

— Может быть, это и есть... Гойя? — улыбнулся Стрельцов.

— Сейчас на учете находится каждая, даже самая незначительная работа Гойи, — нахмурился Василий. — Кроме того, эта картина — произведение мастера, талант которого явно не равнялся дарованию великого испанца. Заметны огрехи в технике, подборе красок, освещении, совершенно недопустимые для Гойи.

Игорь Михайлович призадумался. Он стоял в центре комнаты, слегка раскачиваясь на носках, и о чем-то сосредоточенно размышлял. Когда Василий осмелился наконец напомнить о своем присутствии легким покашливанием, Биг Босс очнулся и радушно предложил:

— Пошли, выпьем кофе с коньяком.

Карина принесла из кухни кофейник, быстро разлила по маленьким фарфоровым чашечкам ароматный напиток и с улыбкой подала его мужчинам. Долив себе в кофе немного французского коньяка и отломив кусок шоколада, Василий наслаждался изысканным напитком.

— Хотел бы я знать, — произнес Стрельцов, удобнее устраиваясь в кресле, — сможешь ли ты исправить огрехи этого неизвестного испанского художника так, чтобы я смог выдать эту вещь за произведение Гойи?

Заметив, что с губ Василия готово сорваться возражение, он остановил его движением руки:

— Я не случайно приобрел эту картину. Она, может быть, и плохая, но подлинная. Холст, краски, подрамник и рамки относятся к тому времени. Значит, остается лишь подправить рисунок, и успех обеспечен.

— Не могу, — прошептал Василий, широко открытыми глазами глядя на Игоря Михайловича.

— Жаль, — спокойно, как будто речь шла о совершенно обычном деле, проговорил Стрельцов. — А я-то думал, что у тебя есть желание заработать тысячи две-три... — Он выдержал

паузу. — Четыре-пять...

Василий молчал.

— Ну, хорошо, — тускло сказал Стрельцов. — Вольному — воля.

Василий сумрачно откланялся. На улице он поднял руку в надежде остановить такси, но неожиданно рядом с ним выросла фигура Хромого.

— Шеф приказал доставить вас прямо к дому, — сообщил верный слуга Биг Босса.

Они сели в машину Хромого и доехали за двадцать минут. Хромой шустро обежал «Жигули», раскрыл над головой художника большой цветастый зонтик, чуть ли не под ручку довел до подъезда.

Вечером Лена объявила мужу, что одна ее сослуживица продает итальянские туфли — за сто двадцать рублей и зимние сапоги — за триста, а еще обещала достать «писк моды» — кофточку с широким кожаным поясом и брюки-галифе. Выпав всю эту информацию, Лена внимательно посмотрела на Василия.

Однако муж лишь сухо поджал губы: совсем недавно ему пришлось потратиться на кисти и краски голландской фирмы «Рембрандт», необходимые для работы.

Лена разрыдалась и убежала на кухню. Василий заперся в мастерской, сел на табуретку, обхватив голову руками, и надолго застыл в такой позе, всем своим видом символизируя отчаяние и безнадежность.

Нет, он действительно не имел возможности не только удовлетворить просьбы Лены, но и выполнить собственные заветные желания — занять катер на Клязьминском водохранилище, куда на этюды ездили почти все его знакомые, отремонтировать уже основательно запущенную квартиру. Но все это требовало солидных капиталовложений, а средств между тем не хватало на самое необходимое...

«Теперь Лена будет долго сердиться», — подумал Василий и, сняв трубку телефона, медленно набрал номер Игоря Михайловича.

...Стрельцов встретил Звенигородского в прихожей. Через несколько минут туда вошел Хромой с картиной в руках.

— Берешься? — пытливо глядя в глаза Василию, спросил Биг Босс.

— В прошлый раз я сказал, что это невозможно, — виновато улыбнулся Василий. — В конце концов, англичанин Томас Китинг на протяжении двадцати лет снабжал ведущие лондонские галереи поддельными шедеврами известных мастеров, главным образом, чрезвычайно популярного в Великобритании

художника прошлого века Самуэля Палмера. Китинга подвела лишь нелепая случайность... Даже сам Пикассо не мог определить подлинность своих произведений! — Василий вздохнул: — Короче, я попробую. Но на это уйдет немало времени. Да и краски нужны особые...

— Если все будет хорошо, ты получишь семь тысяч, — сказал Игорь Михайлович. — Три, когда привезешь готовую картину, и четыре после ее реализации. Краски, кисти... будут оплачены отдельно. — Он помолчал, потом безапелляционно закончил: — Даю тебе две недели.

— Хорошо.

— Если я увижу, что работа стоит этих денег, заказы будешь получать постоянно, — добавил Стрельцов. — Нужно, кстати, сделать несколько копий Брюллова, Венецианова, Аргунова. За ценой, как говорится, не постоим.

Проработав над полученной от Стрельцова картиной в течение пяти дней, Василий объявил жене: «Передай подруге, что через неделю купишь понравившиеся тебе вещи». Лена сразу посветлела лицом и бросилась целовать мужа. Мир был восстановлен.

«Как же все-таки мало нужно для счастья, — размышлял, лежа в постели рядом с мирно посапывающей женой, Василий. — Хотя, чего говорить — баба, она и есть баба...»

Оставив Звенигородского работать над «Гойей», Игорь Михайлович с новой любовницей Светкой полетел в Таллинн.

Полет до столицы Эстонии занимал считанные часы. Их едва хватило Стрельцову на то, чтобы обдумать свое нынешнее положение.

С некоторых пор Игоря Михайловича стали одолевать — сначала исподволь, а потом все ощутимее — сомнения: так ли он живет, как надо, и тем ли, чем надо, занимается. Нет ничего удивительного в том, что такие мысли время от времени приходят практически ко всем, кто не ладит с законом.

Впрочем, имелась одна возможность, которой во времена «деловых людей» старшего поколения просто не существовало, — отъезд за границу.

Но для этого, во-первых, надо было суметь захватить с собой значительную часть накопленного и награбленного — иначе вся затея с переездом теряла смысл, во-вторых, подыскать такую страну, у которой не существовало бы договоров о правовой помощи с Советским Союзом и в которой царили бы силь-

ные традиционные предубеждения против исторической Родины Стрельцова. Иначе можно было запросто угодить на скамью подсудимых в иностранном суде или быть выданным в качестве уголовного преступника обратно в СССР.

Стрельцов мечтал обосноваться в Южной Америке, скажем, в Парагвае... Там он мог быть спокоен за свое будущее, безмятежно загорать на известных курортах, в то время как вся его гоп-компания, включая того же Звенигородского, вполне возможно кормила бы гнуса в местах не столь отдаленных...

В гостинице «Виру» Стрельцова и Светку ждал заранее заказанный люкс.

Первые дни были отданы любви и прогулкам по Старому Городу. В Таллинне Игорь Михайлович почувствовал то очарование, которое ни в каком другом месте не замечал. «Здесь европейский дух, — твердил он, вглядываясь в лица прохожих. — Перенеси этих людей в соседнюю Финляндию или Швецию, они бы и там чувствовали себя, как дома». Но как попасть туда самому с львиной долей своих богатств?

У Стрельцова был знакомый, который наверняка знал, как безболезненно переправить за рубеж достаточно средств и ценностей, чтобы и там жить безбедно. Но знакомый не отвечал на телефонные звонки, и тогда Стрельцов решил на последний, самый рискованный вариант.

— Ну, как продвигается твоя картина? — спросила однажды Лена.

Василий испуганно вздрогнул и торопливо прикрыл простыней «Гойю». Однако он опасался напрасно. Лена спрашивала про его собственную картину — с дверными петлями.

— Нормально, — буркнул художник. — Я ее уже закончил.

— Значит, ты уже можешь отправить ее на выставку?

Василию было приятно, что жена стала снова проявлять интерес к его творчеству. Но он лишь горько усмехнулся:

— Разве ты не знаешь, что Союз художников — это организация ненавидящих друг друга людей? Ты думаешь, там сидят и ждут мою картину? Да как только они увидят ее, тут же кинутся критиковать и ругать! Когда я впервые в жизни выставился, отобрав лучшие работы, в которые вложил всю свою душу и сердце, то из представленных на выставке художников раскритиковали именно меня. Слово не было других достойных критики картин... Мафия, одним словом!..

— Бенуа сначала в щепки разнес Врубеля, а потом сказал, что это великий художник, равный гениям Возрождения, — веско проговорила Лена.

— Знаешь хоть, при каких обстоятельствах он это заявил?

— Не знаю, — честно призналась Лена, — об этом в

«Огоньке» не говорилось...

— Эта цитата взята из некролога на смерть Врубеля! Его действительно написал Александр Бенуа.

Таллинское кафе «Старый моряк» находилось в подвале. Потолок поддерживали черные, щербатые от времени дубовые балки. По стенам были развешаны начищенные медные чайники и кастрюли. Внутри темно и тихо. Посетители переговаривались вполголоса или даже шепотом.

Игорь Михайлович заказал грог и бифштекс. Он знал, что Светка любит мясо.

Постепенно кафе заполнялось народом, а воздух в нем — струйками табачного дыма. Голоса звучали все громче. Говорили в основном по-эстонски, и Биг Босс чувствовал себя совсем как за границей.

Мясо было съедено. Биг Босс заказал еще грог и бросил взгляд на свисавший с запястья золотой «Ролекс».

Через десять минут Игорь Михайлович встал из-за столика и направился в туалет. Проходя мимо стойки бара, увидел сидевшего на высоком вращающемся табурете стройного блондина. Он неторопливо прихлебывал пиво из грубой глиняной кружки.

На обратном пути Биг Босс остановился возле него.

— Выпьем вина? — предложил он блондину.

Тот с нескрываемым высокомерием посмотрел на Стрельцова. После длительной паузы все же соизволил поинтересоваться:

— Какого?

— Конечно, рейнского.

Выражение высокомерия в глазах эстонца сменилось неподдельным интересом.

— Садись, — предложил он Стрельцову, указывая на кожаный табурет рядом со своим.

— Тебя зовут Арне? — спросил Игорь Михайлович.

— Допустим, — процедил эстонец.

Стрельцов оглянулся. Откуда-то из глубины зала возникли двое крепких парней. Модные кожаные куртки черного цвета плотно обтягивали их мощные торсы. Парни молча остановились неподалеку от бара и скучающе жевали резинки.

— Смотри... — Стрельцов извлек из кармана бумажник и вытащил тщательно упакованную в целлофан фотографию. На ней был изображен Игорь Михайлович в обнимку с блондином примерно сорока лет. Блондин был чем-то неуловимо похож на Арне. В углу фотографии виднелся нарисованный с соблюдением малейших деталей мальтийский крест.

Арне разорвал целлофан и поднес фотографию близко к глазам.

— Так ты и есть тот самый москвич, который дал боссу 80 тысяч, когда шел суд?

Стрельцов молча кивнул.

— Благодаря тебе босс избежал «вышки», получил всего 12 лет, — задумчиво проговорил эстонец. — Но ведь после того, как был зачитан приговор, ты получил причитающееся тебе.

Стрельцов снова молча кивнул.

— Чего же ты хочешь?!

— Информацию!

Стрельцов заметил, как напряглось лицо Арне.

— Ты еще долго собираешься здесь торчать? — раздался над самым ухом Биг Босса капризный голос Светки.

Обернувшись, Игорь Михайлович терпеливо улыбнулся:

— Света, деточка, тебе придется поскучать в гостинице еще часика полтора. Иди! Я сразу приду, как только освобожусь.

Светка поправила ремешок дорогой сумочки из крокодиловой кожи — подарок Игоря Михайловича — и, покачивая бедрами, двинулась к выходу из ресторана. Парни в черных кожанках проводили ее оценивающими взглядами.

Но ни один мускул не дрогнул на лице Арне, Игорь Михайлович отметил выдержку парня, хотя по блестящим глазам понял, что Светка, которую он привез сюда именно для Арне, ему понравилась. Вот только подошла не вовремя, дуреха.

— Я знаю, что время от времени ваши люди переезжают на постоянное жительство за рубеж. Чаще всего — в Финляндию, — начал тяжело ронять слова Стрельцов. — Мне важно выяснить, как им удается переправлять за кордон свои сбережения. Вот и все. — Игорь Михайлович сунул руку во внутренний карман пиджака, нащупал тугую пачку денег. — За эту информацию я готов выложить 10 тысяч. Но мне нужно знать точно!

— О, это тонкая штука, — задумчиво произнес Арне, наполняя рюмку. Это и в самом деле был «рейнвейн». И было не совсем понятно, о чем он говорит: о вине или о деле.

— Я жду.

— Они работали с иностранцами — особенно в последнее время, — быстро заговорил Арне. — Их привлекала не только выгода. Просто им надоела та собачья жизнь, которую мы все ведем в этой проклятой стране. Понимаешь, когда у тебя есть миллион, а тем более — несколько, но ты не можешь их потратить, это хуже, чем если бы ты сидел вообще без денег...

Биг Босс утвердительно кивнул:

— Это точно, хотя в последнее время в этом смысле дышать все-таки стало легче: можно построить себе роскошную дачу с сауной, теннисным кортом и бассейном, нанять скульпторов и художников, которые увековечат твоё изображение, купить приличный заграничный автомобиль. Но, конечно, ты прав:

только «там» такие люди, как мы, можем расправить крылья.

— «Там» вообще не принято спрашивать, откуда у тебя деньги, — поддержал его Арне. — Когда в головах наших ребят созрела мысль о побеге, они сразу решили: если так, то пусть иностранцы расплачиваются с ними исключительно долларами.

— Понимаю, но как потом переправить их за кордон?

— Не спеши! Никто в кубышку валюту класть не собирался. Но если иностранный клиент брал у наших людей красную или черную икру, меха, драгоценную посуду, царские червонцы, которые, как ты знаешь, «там», — Арне сделал выразительное движение рукой, — очень высоко ценятся, то он не расплачивался наличными. Зато, когда он приезжал в Союз в следующий раз, то привозил с собой банковскую книжку, в которой аккуратно отмечались поступившие на счета наших ребят суммы.

— Но ведь их запросто могли обмануть! — воскликнул Биг Босс. — Иностранец мог взять товар, увезти его с собой, продать там, а потом сделать ручкой. Ищи ветра в поле...

— Иностранец тоже рискует многим, — терпеливо объяснял Арне, — ведь как-никак ему, а не нам надо перебрасывать товар через границу, договариваться с таможеней. Во-вторых, услуги он оказывает далеко не бескорыстно — за каждое действие получает определенный процент от прибыли. В-третьих, вся коммерция с иностранцами построена на спекуляции: мы продаем им товар по цене в десятки раз ниже той, которая существует на Западе. А бизнесмены привыкли ценить стабильность в торговле. Зачем им обманывать нас на сто тысяч, чтобы лишиться источника гарантированного миллионного дохода? К тому же ты знаешь, что стоит иностранцу обмануть нашего представителя в любом из городов Союза и вход ему в нашу страну навсегда закрыт...

— Так... — протянул Стрельцов. — Но на счетах каких же банков лежат деньги твоих приятелей? Уж не швейцарских ли?

— Нет, на открытых счетах филиалов американских банков в Финляндии. Кстати, особенность счетов состоит в том, что на них можно сколько угодно класть, но деньги с них может снять лишь владелец, человек, чья внешность и подпись совпадают с образцами, и кто знает банковский пароль.

— Если не секрет... и много им удалось переправить денег?

— Одному — миллион двести тысяч долларов, другому — ровно миллион.

— Здорово, — присвистнул Игорь Михайлович.

— Если они прочно обоснуются на Западе, то мы не только сможем проторить дорожку в свободный мир для тех, кто туда захочет попасть, но и отказаться от услуг некоторых не в меру жадных посредников. Мы сможем тогда вести свои дела через наших же людей!

— Дай вам Бог! — с чувством произнес Игорь Михайлович.

Они крепко пожали друг другу руки. Пухлая пачка перековывала во внутренний карман модной куртки Арне.

Над «Гойей» Василий бился долго. Но когда работа была закончена, художник никого не решился позвать посмотреть на свое торжество. С последним ударом кисти по холсту им было совершено преступление, предусмотренное соответствующей статьей Уголовного кодекса РСФСР. Ему мог быть назначен срок лишения свободы до 4 лет. «А ведь Биг Босс говорил, что намерен поставить это дело на широкую ногу», — тоскливо думал Звенигородский. В этом случае ему грозила отсидка до десяти лет...

Аванс Стрельцов прислал Василию в тот же день, когда Хромой забрал у Звенигородского картину, а остальные деньги вручил через неделю. Василий понял, что ему удалось выгодно сбыть «Гойю», и впал в состояние мрачного раскаяния.

Лена купила у подружки одежду, обувь, косметику и ходила в совершенном восторге. Она даже приобрела шубу из каракуля. Однако, решив, что каракуль старит ее, тут же продала шубу, потеряв на этой операции триста рублей. В результате Василию пришлось отказаться от мечты купить себе катер. Оставшихся денег хватило лишь на ремонт квартиры, переоборудование мастерской и покупку пары финских мужских костюмов.

Теперь Лена каждый день щеголяла в обновках. Еще никогда у нее не было столько красивой одежды. Звонок Игоря Михайловича Стрельцова, пригласившего супругов Звенигородских в ресторан поужинать, заставил Лену, уже встречавшуюся как бы случайно с Биг Боссом, надолго уединиться в спальне перед трюмо с косметическими принадлежностями.

В один из солнечных июльских дней оперуполномоченного БХСС Алексея Смирнова вызвал к себе начальник райуправления внутренних дел полковник Гусятинский.

— Мне звонили с Петровки, 38, просили помочь с кадрами, — проговорил Гусятинский. — Что, если я предложу им тебя? У тебя неплохой опыт самостоятельной практической работы. Есть хватка, фантазия. Конечно, были и ошибки, чего греха таить...

— Один господь Бог без греха, — шутливо заметил Алексей.

Гусятинский строго посмотрел на него поверх отвешивающих очков:

— Хотя ты сейчас и ёрничаешь, я все равно буду рекомендовать тебя для работы на Петровке. А уж дальше тебе самому придется показывать все, на что ты способен...

Столик в ресторане Стрельцов заказал под пальмой. Он всегда предпочитал сидеть в углу — оттуда отлично просматривался весь ресторан, и главное, к столику невозможно подойти незамеченным.

Ему не пришлось долго ждать — показались супруги Звенигородские. Стрельцов сделал едва заметное движение головой, и к ним кинулся официант. Он провел Лену и Василия прямо к Биг Боссу.

Стрельцов внимательно рассматривал Лену. До этого он, проявляя к ней заметный интерес, несколько раз встречался с Звенигородской по незначительным вопросам. «Художнику крупно повезло, — размышлял Игорь Михайлович. — Вряд ли он даже подозревает, что за сокровище — его жена!»

— Что будем есть? — осведомился Стрельцов, когда все расселись.

— Если можно, омаров, — мелодичным голосом произнесла Лена.

— А мне — свиные отбивные, — решительно отозвался Василий. Новый финский костюм удивительно шел ему, плотно облекая фигуру и подчеркивая широкие плечи художника. Судя по всему, Звенигородский знал об этом.

— Бифштекс, — отрывисто бросил Биг Босс официанту и отвернулся.

— Что будете пить? — вежливо напомнил официант. Он знал, что за один этот вечер получит больше, чем за неделю работы, и старался изо всех сил.

— Мартини. — Стрельцов обвел взглядом сидевших за столом. — Это всех устраивает?

— Да! — в один голос воскликнули Лена и Василий.

— Никогда еще не встречал такого поразительного единодушия между супругами, — улыбнулся Игорь Михайлович.

Лена смущенно потупилась.

Через пять минут официант возвратился с полным подносом и начал заставлять столик тарелками, бутылками, рюмками и маленькими фарфоровыми плошками с приправами.

— Первый тост, как водится, за здоровье нашей прекрасной дамы, — с серьезным видом сказал Стрельцов. — Ведь она и впрямь прекрасна!

Они чокнулись. Игорь Михайлович заметил, как зарделась от его слов Лена. Впрочем, он действительно сказал то, что

думал. Он заметил также, с каким осуждением посмотрела она на мужа, который залпом опорожнил свою рюмку и тут же налил следующую. «Она не любит, когда мужчина пьет», — мгновенно взял себе на заметку Игорь Михайлович.

После очередного тоста — «за успех в делах» — все принялись за еду. Игорь Михайлович рассеянно ковырял вилкой свой бифштекс, искоса поглядывая на очаровательную соседку. Ему бросилось в глаза, что она задумчива.

Скоро первая бутылка Мартини была пуста. Официант принес вторую. Он хорошо знал свое дело. Биг Босс заметил, что от каждой выпитой рюмки лицо Звенигородского все больше краснеет, а жесты становятся развязными. Лена не скрывала своего неодобрительного отношения к поведению мужа, но Василий словно не замечал ее испепеляющих взглядов.

Улучив удобный момент, когда рука Звенигородского застыла посередине стола, приготовившись в очередной раз наполнить рюмку, Стрельцов шепнул Лене на ухо:

— Хотите потанцевать?

— С удовольствием! — радостно отозвалась она.

Биг Босс подвел жену художника к руководителю ресторанного оркестра и спросил ее:

— Какую музыку вы больше всего любите?

— Танго! — вздрогнув от восторга, произнесла Лена. Ей еще ни разу в жизни не приходилось заказывать музыку для самой себя.

...Было уже довольно поздно, когда Игорь Михайлович и Лена вывели пьяного Василия на улицу. Стрельцов отвез своих гостей домой и, пока Василий возился с кодовым замком в подъезде, задержался с Леной на улице.

Когда художник, справившись, наконец, с неподатливым замком, выглянул из подъезда, чтобы позвать жену, Стрельцов курил, а Лена сосредоточенно чертила носком туфли какие-то фигуры...

Проснувшись на следующее утро, Василий с трудом поднялся и прошел в ванную. В голове сильно шумело.

Возвратившись в спальню, художник неожиданно увидел на туалетном столике, где у Лены лежала косметика, листок бумаги. Холодея от предчувствия чего-то страшного, прочитал: «Я ушла от тебя — думаю, что навсегда. Не трудись искать меня, это совершенно бесполезно. Желаю тебе счастья. Лена».

Не в силах произнести ни звука, Василий так и застыл с бумажкой в руках. Ему казалось, что все это — мистика, дурной сон, злое наваждение, которое непременно рассеется. Дрожащими пальцами Василий набрал рабочий телефон жены. Но то, что он услышал, означало конец всяких надежд и упований. «Звенигородская уволилась», — сообщили ему и повесили трубку.

Мозг Василия пронзила страшная догадка: «Стрельцов!»

Он сразу вспомнил все: и счастливое выражение глаз Лены после их очередного танца с Игорем Михайловичем, и полные презрения взгляды, которые она бросала на него, пьяного, и то, как по-хозяйски держал руку на ее талии Биг Босс.

Василий снова кинулся к телефону и начал названивать Стрельцову. Но — странное дело — на другом конце провода никто не брал трубку. Он попробовал дозвониться до Игоря Михайловича еще по двум телефонам, оставленными ему Биг Боссом для связи в экстренных случаях, но столь же безуспешно. Тогда Звенигородский, наконец, понял: его жизненный путь преградила неодолимая стена. Стрельцов не напрасно был столь щедр и предупредителен. Наступил момент, когда он потребовал сполна расплатиться по счетам.

* * *

Примерно через три недели после разговора с Гусятинским, Алексей Смирнов прибыл по вызову на Петровку, 38. Там с ним обстоятельно побеседовали, познакомили с людьми, которые должны были стать его коллегами, словом, ввели в курс дела.

Гусятинский настоял на том, чтобы Смирнову устроили нечто вроде прощального вечера. Его поздравили с повышением, пожелали успехов на новом поприще, а Алексей, в свою очередь, горячо поблагодарил собравшихся и выразил надежду, что им еще не раз доведется встретиться. «Мир тесен», — философски заметил на это Гусятинский. Он обвел задумчивым взглядом собравшихся и неожиданно произнес, обращаясь к одному Алексею:

— Только не задирай нос, не думай, что раз ты сотрудник ГУВД Москвы, то царь и Бог и все умеешь.

— Он парень хороший, задирать нос не будет. Правда, Алексей? — зашумел молодой следователь райуправления Михаил Хуторный, весельчак и душа компании.

— Конечно, — улыбаясь, произнес Смирнов. Но внутренне он был очень серьезен. Он понимал, что слова Гусятинского произнесены не просто так. Чувствовалось, что за ними скрывается большой житейский опыт, выстраданная мудрость много повидавшего на своем веку человека. Алексей дал себе клятву не подвести своих товарищей, оказавших ему такое доверие.

* * *

Василий зря пытался дозвониться до Стрельцова: еще утром тот вместе с Леной уехал на Валдай, поселившись там в охотничьей избушке. Хотя эту «избушку» правильнее было бы назвать дворцом: в ней были все городские удобства. Совсем

недавно, во времена застоя, она служила одним из мест приема высокопоставленных гостей, приезжавших на Валдаи поохотиться.

* * *

Работа на Петровке с головой захватила Алексея. Ему поручили ведение дела по антиквариату. Тем более, что и свои задумки на этот счет у Смирнова имелись. А давнее знакомство с художником Звенигородским давало реальную возможность выйти, если не на «главу мафии», то хотя бы на тех, кто стоит рядом.

Однажды Алексей шел мимо художественного салона, примыкавшего к комиссионному магазину. К салону то и дело подкатывали автомобили, в основном иностранных марок. Из них выходили элегантно одетые люди и ненадолго исчезали в прохладном полумраке. Почти все они возвращались с упакованными в бумагу картинами.

Перед входом в салон стоял мужчина в застиранных джинсах и не первой свежести рубашке навыпуск. В руках — несколько небольших картин. На них были изображены: пруд со склонившимися над его сонной гладью ветлами, деревенский луг с коровами, белая церковь с высокой колокольней. На траве перед церковью сидел пастушок с рожком.

Алексей закурил и отошел к автобусной остановке, откуда ему хорошо был виден продавец. Это был Василий Звенигородский, но только заросший бородой, нечесаный, весь какой-то опухший. «Бог ты мой! — поразился Смирнов. — Как его подкосило!» От самоуверенного художника, каким он был всего несколько месяцев тому назад, не осталось и следа. Он явно спивался.

Возле Василия остановился пожилой мужчина с внучкой. До следователя донеслись обрывки разговора: «Я сам тоже из деревни. Где вы рисовали это?» — «Не рисовал, а писал!» — «Хорошо, хорошо, я понимаю...» Мужчина купил картину с церковью и пастушком. Потом к Василию подплыла модно одетая дама лет сорока и приобрела «Пруд». А еще через минуту Звенигородский расстался и с третьей картиной. Насколько смог понять Смирнов, картины разошлись по 60—70 рублей. Художник разгладил мятые бумажки, для верности пересчитал их и направился к остановке.

Алексей поехал в одном автобусе с Василием, предполагая, что тот выйдет у ближайшего винного магазина. И не ошибся: через две остановки художник выбрался из автобуса, резво поспешил в винный отдел, встал в очередь.

— Как дела? — приветливо поинтересовался Смирнов, подойдя к Звенигородскому.

— Нормально, — удивился Василий. Узнав Алексея, поинтересовался. — Тоже решил в очередь встать? Хочешь, я тебе возьму? Что тебе надо?

— Мне потолковать с тобой надо...

— Мужики, я отойду на минутку, — обратился Василий к соседям по очереди.

Они отошли и сели на скамейку, стоявшую под деревьями.

— Как же ты дошел до жизни такой? — с искренним удивлением спросил Алексей.

— А зачем тебе это знать, гражданин начальник? — дурашливо произнес Звенигородский.

— Василий, тебе не идет жаргон блатных! Ты же — интеллигент, умница, но только сбившийся с пути. Зачем пить-то?

— Жена ушла, — просто ответил Василий.

— Она ушла к твоему шефу? — словно невзначай обронил Алексей. — Он увел ее у тебя, да?

Василий закашлялся — так, что на глазах у него выступили слезы.

— Вечно вам, ментам, до всего дело есть, — с натугой произнес он, и тело его снова потряс жестокий приступ кашля.

— Если жена бросила тебя и ушла к шефу, прельстившись на деньги и тряпки, то она никогда не любила тебя по-настоящему.

Звенигородский с тоской посмотрел на Смирнова:

— Кажется, очередь подходит. Я пойду...

Игорь Михайлович понимал, что давно пора возвращаться в город, к «делам и подчиненным», которые не должны забывать, что у них есть хозяин, но все откладывал отъезд с Валдая. Присутствие прекрасной женщины, полюбившей его со всем пылом страстной и тонкой души, для него было подобно прикосновению к живительному роднику, восстанавливающему утраченные силы и веру в жизнь. Но, наконец, наступил такой момент, когда отъезд больше нельзя было откладывать. И уже к обеду Биг Босс и Лена находились в Москве.

Примерно полчаса телефон в его квартире был буквально раскален: Стрельцов, сидя в удобном кресле, выяснял, как выполнялись его задания, давил и приказывал, благодарил и распекал. Наконец он смог вытереть пот со лба и положить трубку.

— Лена, принеси шотландского виски со льдом, — крикнул он подружке, готовившей обед на кухне, и включил телевизор. Звук был слишком громкий, и Стрельцов с трудом расслышал очередной телефонный звонок. Чертыхаясь, он приглушил громкость и взял трубку.

— Игорь Михайлович? — голос был глухой, сдавленный, но Стрельцов узнал его — звонил Звенигородский. Биг Босс хотел позвонить Василию — для художника появилась кое-ка-

кая работа, но потом рассудил, что в создавшемся двусмысленном положении лучше подождать, пока Василий объявится сам.

— Приезжай ко мне. У меня есть для тебя дело, — властно приказал Стрельцов.

В ответ он услышал странные звуки. Казалось, Василий с трудом сдерживает подступающие к горлу рыдания.

— Делай, как я тебе сказал, — нетерпеливо воскликнул Биг Босс и тут же вызвал Хромого. С художником следовало быть предельно осторожным. Черт их знает, этих психопатых интеллектуалов...

Войдя в подъезд, Василий внезапно почувствовал, как бешено колотится сердце и с трудом дотянулся рукой до кнопки вызова лифта.

Когда лифт доставил его на нужный этаж, художник вместо того, чтобы выйти из кабины, вдруг нажал на первую попавшуюся кнопку, потом — на другую, потом — на какую-то еще, пока, наконец, не очутился на первом этаже. Дверцы лифта медленно раскрылись, и Василий увидел, что на него с осуждением смотрит старушка в вязаной кофте.

— На вид интеллигент, а как дите какое на лифте катается! — возмущенно отчитала она Звенигородского.

Художник пролепетал жалкие слова извинения и выскользнул из кабины. «Как же я смогу в таком состоянии разговаривать со Стрельцовым?» — с отчаянием думал он, прижав руку к пылающему лбу. Он вышел на улицу и прислонился спиной к дереву. Проходившая мимо женщина с авоськой, полной пустых бутылок из-под вина, неодобрительно посмотрела на Василия. «Интересно устроен мир, — остывая, думал художник. — Она приняла меня за алкоголика, и за это презирует. А между тем сама кормится тем, что собирает пустые бутылки, которые оставляют ей алкаши».

Скосив глаза, Василий увидел, что по дорожке вслед за женщиной идет молодая пара: он — высокий плечистый парень со светлыми волосами, в модных «варенках»; она — стройная брюнетка в белоснежных блузе и юбке, не скрывающей длинных ног, покрытых ровным шоколадным загаром. Звенигородский с завистью проводил их взглядом — таких молодых, счастливых... В следующую секунду он неожиданно почувствовал прилив ярости. Когда-то и они с Леной были точно такой же счастливой парой, но из-за этого... этого... Игоря Михайловича все лопнуло, как мыльный пузырь!

Несколько мгновений спустя он уже стоял перед дверью квартиры Стрельцова и действительно был готов на все.

Биг Босс встретил Василия с безмятежным спокойствием. За его спиной стоял Хромой. Лены не было видно вообще. Наконец, словно спохватившись, Стрельцов жестом пригласил Василия пройти в гостиную. Там все трое уселись в глубокие старинные кресла красного дерева и снова принялись молча рассматривать друг друга.

— Хочешь сигару? — предложил вдруг Биг Босс, протягивая художнику изящный деревянный ящичек. — Американские. Лучший флоридский табак.

Звенигородский взял сигару. Хромой поднес зажигалку. Втянув в себя слишком много дыма, Василий натужно закашлялся под насмешливым взглядом Стрельцова.

— Хочешь подзаработать? — спросил Стрельцов.

— Смотри как заплатят, — посмотрел прямо в глаза Игорю Михайловичу художник. Он заметил, как заиграл желваками Стрельцов и как напрягся в кресле Хромой. Они явно не ожидали, что он будет говорить таким тоном.

— Надо сделать копии с нескольких работ Константина Коровина и Давида Бурлюка...

— Друга Маяковского? — решил уязвить Василий безграмотного, по его мнению, Биг Босса.

— Да. И приятеля Родченко, — неприязненно глядя на Звенигородского, отозвался тот. — Идем.

Он провел Василия в комнату, служившую чем-то вроде склада и одновременно зала для продажи. Сейчас стены этой комнаты были почти пусты — на них висели лишь три этюда Бурлюка и два пейзажа Коровина. А ведь всего несколько недель тому назад Василий видел здесь первоклассные работы Сурикова, Крамского, Репина, Сарьяна, Машкова... Где-то они теперь?

Художник снял со стены один из пейзажей Коровина и начал внимательно осматривать его в свете лампы. Это был настоящий Коровин, не подделка, редкость по нынешним временам. И теперь Василию предстояло пополнить легион подделок этого замечательного мастера еще двумя. «Впрочем, если бы сам Коровин увидел, в каких условиях я живу, то не осудил бы меня», — подумал он, а вслух заметил:

— Работа предстоит нелегкая. Поэтому самое справедливое — это по две тысячи за каждую копию плюс две тысячи на кисти, краски и холсты.

— Не знал, что кисти и краски стоят так дорого, — едко заметил Стрельцов. — Впрочем... Сроку тебе — двадцать дней. Сейчас Хромой отвезет картины к тебе на квартиру. А мы пока... потрепемся.

— Но у него же нет ключа от моей квартиры! — удивился Василий.

— Как это? — в свою очередь изумился Стрельцов. — Ну-ка, продемонстрируй!

Хромой извлек из заднего кармана внушительную связку и, присмотревшись, протянул Василию нужный ключ.

— Василий, ты очень бойкий молодой человек, — задумчиво произнес Стрельцов, — но ведь уже через неделю после того, как ты начал сотрудничать со мной, у Хромого появились

ключи от твоей квартиры. Потом он целых два месяца докладывал мне наиболее интересные места из твоих телефонных разговоров... Так что не советуя рыпаться! — энергично закончил он.

— Значит, вы в душе смеялись, когда я горячился, требуя хорошей оплаты за свою работу? — медленно проговорил Василий.

— Нет! Я рациональный человек, и знаю, что если мужчина хочет покорить женщину, он должен быть достаточно богат. Но во всем остальном я придерживаюсь принципа: «Нет человека — нет и проблем».

— Зачем... вы мне это сказали? — спросил Василий. Он ненавидел себя в эту минуту — и за подобоострастное «вы», и за то, что его губы сами собой растягивались в заискивающую улыбку.

— Теперь ты будешь предан мне из страха. А это лучше, чем преданность ради выгоды или по убеждению, — не задумываясь, ответил Стрельцов. — Убеждения меняются, выгода — понятие непостоянное, а страх не проходит никогда.

Биг Босс сделал знак Хромому и тот, подхватив картины, оставил их одних.

— Захочет ли Лена вернуться к тебе — зависит от нее самой, — сухо заявил Стрельцов, когда дверь захлопнулась. Звенигородский отчетливо услышал, как застучало его сердце — словно пойманный зверек, бьющийся всем телом о железные прутья клетки. — Сейчас она войдет сюда, и ты сможешь обо всем с ней переговорить.

Ожидание было тягостно-томительным. Когда он почувствовал, что еще минута — и сойдет с ума, Лена неслышно вошла в комнату. Василий бросился к ней, но она даже не шелохнулась.

— Как... ты живешь? — выдавил из себя художник. От волнения он сильно охрип.

— Нормально, — пожала плечами его жена.

— Мне так тебя не хватало! — продолжал Звенигородский. — Одному Богу известно, как сильно я люблю тебя!

— А я не люблю и никогда не любила, ничтожество! — вдруг громко выкрикнула Лена. — Я притворялась, и только! Ты — не мужчина, а нищий, ни к чему не годный пьяница. А теперь — убирайся!

Она повернулась, намереваясь выйти из комнаты. Неожиданно Василий шагнул к жене и, схватив ее в охапку, крепко прижал к себе — так крепко, что она даже застонала. Открыв ногой дверь, он выбежал в прихожую и, по-прежнему не отпуская отчаянно вырывающуюся из его объятий Лену, принялся отпирать замки входной двери.

Последнее, что помнил Василий — это побледневшее лицо Стрельцова... пустынную темную улицу, по которой убегала от

него Лена... ее раздиравший уши крик: «Я никогда не любила тебя, никогда!» Колени Василия безвольно подогнулись, и он неловко рухнул на асфальт. . . .

Игорь Михайлович довольно улыбался. Только что ему позвонили Пес и Старый, сообщив, что операция прошла так, как было задумано. Правда, пришлось убрать старика-сторожа. Но разве кто-нибудь догадается, что это сделали люди Биг Босса? Наоборот, милиция должна придерживаться версии, что сторож сам был в сговоре с похитителями и погиб из-за споров по поводу раздела добычи.

Как ни странно, в этих рассуждениях была своя правда: идею ограбить церковь Игорю Михайловичу действительно подал один из ее сменных сторожей. Сначала Стрельцов не хотел и слышать об этом — он знал, что церкви стали гораздо лучше охраняться и что наиболее ценные предметы священники стараются держать в архиепископских хранилищах, извлекая их оттуда только во время больших церковных праздников.

Но сторож-наводчик, напарник убитого Псом и Старым, развеял все сомнения Биг Босса. Во-первых, он точно описал все, что находится в церкви, и Игорь Михайлович понял, что «Париж стоит мессы». Во-вторых, выяснилось, что вся система охраны состоит из двух сторожей — его, Сергея, и совсем дряхлого коллеги. Стрельцов подумал — и дал «добро».

«Но убийство — это в любом случае и неприятно, и опасно, — думал он теперь. — Милиция проявляет к ним особый интерес, независимо от личности убитого. Ей нетрудно вычислить круг причастных к преступлению. А если посильнее нажмет на наводчика, он расколется, как гнилой орех!»

От этой мысли у Стрельцова сжались кулаки, а лицо перекосилось. Выгодное дело на глазах грозило превратиться в большую неприятность. Очевидно, оставался единственный выход — убрать наводчика — свидетеля. Игорь Михайлович приказал Псу и Старому прибыть к нему для доклада.

Пес — Антон Савельев — худощавый, быстроглазый с фиксой во рту и Старый — Николай Голенко — крепкий с пудовыми кулаками грузный мужчина неопределенного возраста, появились лишь под вечер. Они были изрядно навеселе, но изо всех сил старались держаться молодцами. Игорь Михайлович недовольно нахмурился:

— Рассказывайте все по порядку, ничего не пропуская!

— Как в милиции? — ухмыльнулся Пес.

— Я слушаю, — ледяным голосом проговорил Биг Босс.

— Ну, значит, взяли мы ключи, которые нам Сергей оставил, и ровно в час потихоньку открыли дверь. Зажгли фонарь, стали высматривать иконы. Видно было очень плохо. Потом начали сдирать их со стен.

— Сигнализации не заметили?

— Какая там сигнализация! — пренебрежительно махнул рукой Старый. — Вся церковь на ладан дышит.

— Дальше.

— Потом я сложил самые ценные иконы у стены, — продолжил Пес, — а Старый в это время сходил за ломом и кувалдой, которые Сергей оставил нам у входа, под доской. Ведь по его словам выходило, что в церкви замурованы большие сокровища. Но мы так и не нашли ничего.

— Совсем ничего? — переспросил Стрельцов.

Пес и Старый переглянулись. После непродолжительного молчания Старый заговорил:

— Вас не обманешь. Нашли два рыжих пятирублевика. Но уже их загнали... и пропилили!

— Молодцы! — с иронией произнес Биг Босс. — Дальше.

— Потом мы сняли подсвечники, положили их в мешок. Они, черт бы их побрал, тяжелые. Все ноги отбили, пока их тащили!

— А как вы сторожа убили? — процедил сквозь зубы Стрельцов.

Старый понял, что придется рассказывать действительно все.

— Серега сказал, что его сменщик — дряхлая развалина, — неуверенно начал Старый, оглядываясь на Пса, — алкаш и что он его подпойт, чтобы тот всю ночь дрыхнул... Но он почему-то приполз в церковь и наткнулся на...

— На меня! — быстро сказал Пес. — Я стоял у входа. Пришлось погладить его ломом по голове... — Последние слова он произнес неуверенным голосом, почему-то уставившись в пол.

— Сторож мертв? — раздельно произнес Игорь Михайлович.

— Мне показалось, что он уже не дышал, — совсем тихо отозвался Пес.

— Пристрелю, как собак! — в бешенстве закричал Биг Босс. — Вы меня знаете! Старик — мертв?

— Я его стукнул по голове... только два раза, — поникнув, объяснил Пес.

— В эту секунду кто-то начал стучаться в главную дверь, — заметил Старый. — Нам пришлось быстро подхватить то, что мы успели прибрать, и сматываться.

У Стрельцова внутри все клокотало. Он видел целую цепь ошибок, которые допустили его подчиненные, и которые могли стать началом его конца. Какой же он дурак, что поручил столь ответственную и деликатную операцию этим двум безмозглым тупицам!

Но Биг Босс знал, что нельзя в присутствии подчиненных высказывать свои чувства. Поэтому он как можно более спокойно произнес:

— Все, что вы взяли, отвезете на мою дачу. Поедете на

частнике. Ищите такого, чтоб не трепался. Таксист для этой цели не подойдет! Денег вы от меня сейчас никаких не получите. — Заметив, как насупились при этих словах бандиты, Стрельцов перешел на яростный шепот: — Вы будете жить только в том случае, если оба свидетеля, оба! — и старик, и Сергей — будут мертвы! Но если хотя бы один из них останется жив, тогда...

— Мы поняли, — забормотал Пес, — все сделаем в лучшем виде.

Они попятились к выходу.

— Сколько вам пришлось заплатить Сергею? — настиг их на пороге властный голос Игоря Михайловича.

— Полтора куска.

— Получите втрое больше каждый, если все закончится успешно. Брысь!

...

— Да, это я, — неохотно поднял трубку Смирнов. — А, это вы, Станислав Григорьевич. — оживился он. — Да, конечно. Обязательно. Нет. Еще нет. Вот и я так говорю... Стараюсь из всех сил. Спасибо. До свиданья.

Алексей положил трубку на рычаг и с тоской посмотрел на большие настенные часы. Казалось, стрелка медленнее обычного ползла по циферблату, никак не желая приблизиться к заветной цифре 6.

Константин Гусев, сосед Смирнова по кабинету, с сочувствием смотрел на него. Он понимал, как должен чувствовать себя человек, у которого что-то не получается. Сам не раз находился в таком же положении.

— Может быть, я могу помочь? — негромко спросил он.

— Спасибо. В этом деле все зависит только от меня самого, — хмуро отозвался Алексей.

Он запер в сейф свои немногочисленные бумаги, окинул привычным взглядом стол и нагнулся, чтобы потуже зашнуровать ботинок. В этот момент затрезвонил внутренний телефон.

— Алексей? — услышал Смирнов голос начальника отдела полковника Дергушина.

— Да, это я.

— Наверное, домой собираешься?

— Уже нет.

— Заскочи ко мне минут на пять-десять, хорошо?

— По вашему приказанию прибыл! — молодецкато представился Смирнов, войдя в кабинет Дергушина.

— Молодец! В армии, наверное, был лучшим строевиком части? — одобрил его выправку стоявший у окна Дергушин.

— Вы ведь не для того меня вызвали сюда, чтобы расспрашивать об армейской службе, — сам положил голову на плаху Смирнов. — Вас, наверное, интересует, как идет розыск по делу об ограблении церкви и связанных с этим убийствах... К сожа-

лению, пока результатов нет.

— Почему?

— Не знаю, — честно признался оперативник. — Место происшествия — церковь и прилегающую территорию — тщательно осмотрели. Обнаружили следы от автомобиля «Жигули». Специалисты все сфотографировали в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах.

— Ох уж эти специалисты! — покачал головой Дергушин. — Ну, и... каковы результаты?

— Нулевые.

— Жалко... Свидетели, очевидцы?

— В час ночи — а ограбление и убийство состоялось в это время — поблизости никого не оказалось. Конечно, мы опросили всех, кого только можно. Но дело в том, что это место — глухое. Рядом с церковью — кладбище...

— Да, задачка не из легких, прямо для комиссара Мегрэ.

— В этом ограблении вообще что-то слишком уж много странностей, — в упор посмотрел на начальника следственного отдела Смирнов. — Оба сторожа — мертвы: один скончался дома, от сердечного приступа, а тело второго пока не найдено... Тщательная проверка всех антикварных магазинов ничего не дала — ни в них, ни около не было зарегистрировано ни одной попытки продать награбленные в церкви вещи. Мне кажется, что преступников направляла опытная рука, а все награбленное уйдет по надежным каналам, минуя комиссионки и мелких «жучков».

— Выходит, мафия, — Дергушин взял со стола свежий номер «Правды» и неожиданно объявил: — Сегодня наши играют с поляками. Товарищеская встреча. Как ты думаешь, кто победит?

Заметив, что Алексей помрачнел, Дергушин рассмеялся:

— Думаешь, я не знаю, какие мысли бродят у тебя в голове? Во-первых: висит нераскрытое преступление. Во-вторых: начальство непонятно почему начинает шутить в самый неподходящий момент. И в-третьих: если я не раскрою преступление вовремя, оно же первым устроит мне разнос. Все — в «десятку»? То-то же! Но разносов я устраивать не собираюсь, а вот профессиональным секретом поделиться могу. Когда у меня самого не получается что-то, я стараюсь отвлечься, расслабиться. И нет для меня лучшего средства, чем футбол.

Алексей криво улыбнулся, вспомнив рассказы сослуживцев о футбольных подвигах молодого Дергушина, которому удавалось одним метким ударом под занавес матча спасти безнадежно проигрываемую встречу или вырвать победу команде футболистов центрального аппарата МВД.

— Так что постарайся не пропустить этот матч, а еще лучше — сам сходи на стадион и погоняй мяч с ребятами.

Вытащив из сейфа красную папку, Дергушин некоторое вре-

мя внимательно вчитывался во вложенные в нее машинописные листки, потом удовлетворенно хмыкнул и повернулся к Алексею:

— Ты еще у Гусятинского начал разрабатывать версию о существовании в Москве на базе антикварного комиссионного магазина группы, занимающейся торговлей предметами старины и искусства... Далеко ли продвинулся?

— Могу доложить — такая группа существует. Комиссионный магазин — одна из сфер ее влияния. В организации есть добытчики вещей, которые следят за состоянием частных коллекций, обхаживают родственников престарелых художников, ездят по деревням, скупая там иконы, утварь, старинную мебель, регулярно околачиваются возле комиссионных магазинов в ожидании интересных вещей. Существуют и те, кто финансирует все эти покупки, хранит добычу и регулярно докладывает о результатах работы шефу, стоящему во главе пирамиды. Ему подчиняются и «боевики», которые держат в страхе остальных членов организации, следят за тем, чтобы те не ловчили, расправляются с неудобными свидетелями, охраняют шефа и выполняют особо сложные задания. Думаю, убийство сторожей церкви — их рук дело.

Считаю также, что у этой группы должно быть еще одно, самое важное, направление — продажа антиквариата, картин за рубеж. Здесь у нас сведения самые скудные...

— Я слышал, жена у тебя красавица? — неожиданно спросил Дергушин.

Алексей знал о его манере переключаться на вопросы, никоим образом не относящиеся к теме основной беседы, но тем не менее смутился:

— Мне нравится.

— И прекрасно! — бодро заключил Дергушин. — Вот и займись ею — своди в кино, в театр, съезди за город. Глядишь, на досуге что-нибудь и надумаешь. Возьми отгул и употреби его с пользой. — Начальник отдела помолчал, потом продолжил: — Если у тебя сложится какая-то концепция, дадим тебе помощников. А сейчас иди домой — может быть, успеешь на второй тайм.

. . .

Игорь Михайлович посмотрел на часы. Он приехал даже немного раньше. Несколько минут спустя за деревьями разлился яркий свет автомобильных фар, и перед «Волгой» Стрельцова остановился серо-стальной «мерседес». Из него вышел седоватый мужчина средних лет с молодившей его короткой прической.

— Надеюсь, Игорь Михайлович, в этот раз вы привезли мне стоящие вещи? — бойко затараторил он с заметным акцен-

том. — В прошлый раз я с трудом расстался с вашим хламом.

— Смотрите. — Стрельцов полез внутрь машины и извлек оттуда завернутые в простыню картины. — Это — два полотна Левицкого, плюс Боровиковский и Рокотов. Насчет Рокотова сразу оговарюсь: это может быть и кто-то из его учеников. Однако, — усмехнулся Биг Босс, — зная вашу конъюнктуру, Роберт, я уверен, что и эта вещь без труда найдет своего покупателя.

— Вы неплохо осведомлены, — процедил сквозь зубы иностранец, внимательно разглядывая полотна. Он даже вытащил из своей машины мощную лампу, присоединенную к автомобильному генератору. Наконец осмотр закончился, и Роберт заглушил мотор.

— Сколько хотите за все?

— Из расчета ста десяти тысяч.

— Но позвольте! Ведь ваш Рокотов сомнителен! О каких ста десяти тысячах может идти речь?!

— Хорошо. Пусть будет ровно сто. Но больше я не уступлю ни цента!

— По рукам. Я привез коробку «Мальборо», ящик сигар, три коробки шотландского виски, две — швейцарского шоколада, коробку с женскими колготками, бижутерией, косметикой. Плюс — две большие коробки с одеждой в соответствии с тем списком, который вы мне дали в прошлый раз. Замечу, что норковая шуба стоила очень дорого...

— Черт с ней. Сколько удалось положить на мой счет?

— Вот, — протянул Роберт Стрельцову плотную маленькую книжечку в глянцевой обложке с выдавленной золотой эмблемой — «Интермаритайм банк». Игорь Михайлович нетерпеливо раскрыл книжечку, и выражение ожидания на его лице сменилось гримасой крайней разочарованности:

— Здесь всего двадцать тысяч...

— Что поделаешь. Курс доллара по отношению к франку упал. Много денег пришлось потратить на багет. Без него я бы не смог продать картины. Вот счет. — Роберт протянул Стрельцову фирменный бланк магазина со столбцом цифр. Тот взял его, закурил и пламенем зажигалки поджег листочек:

— Спорить не буду... Но мой вам совет — не наглеть. Поймите: вы — в чужой стране!

Роберт скорчил кислую мину, как будто проглотил что-то несъедобное:

— Ну и шуточки у вас, Игорь Михайлович.

...

Вечером в квартире Звенигородского зазвонил телефон.

— Вас беспокоит Алексей Смирнов, — услышал художник. — Мне хотелось бы встретиться с вами.

— А что случилось? — заволновался Василий.

— Да просто у меня во время работы возникли некоторые вопросы, в которых вы как художник могли бы помочь мне разобраться, — постарался успокоить его Алексей. — Я же почти полный профан в области искусства...

— Можно, я подумую, а потом вам перезвоню?

— Разумеется. — Смирнов продиктовал свой номер телефона.

...

Зрелище автомобильной погони, устроенной за героем видеофильма, настолько увлекло Игоря Михайловича, что он не услышал звонка в дверь. Наконец настойчивая трель привлекла его внимание.

— Здравствуйте, Игорь Михайлович! — первым приветствовал его гость.

— О, Соколов! Очень рад вас видеть! — расплылся в широкой улыбке Стрельцов. — Чувствуйте себя, как дома. — Он пододвинул гостю бар на колесиках: — Виски, Олег Михайлович?

— Пойдет!

— Как ваша работа? — осведомился Стрельцов, доверху наполняя стакан гостя. Себе он налил лишь на два пальца и бросил два кубика льда. — Как ваши гонорары?

— Какая там работа! — Соколов от досады и огорчения даже махнул рукой. — Какие там гонорары! Сейчас же всем порезали ставки. А чтобы угодить редакторам, придется чуть ли не по пять раз мотаться на объект.

— И все-таки вам грех жаловаться на судьбу, — заметил Стрельцов, снова подливая виски гостю. — Обладай я хотя бы толикой ваших талантов, я был бы уже счастлив...

— Вы и так неплохо живете...

— Согласен, — не стал возражать Биг Босс. — Но каким трудом мне это досталось? А главное: почему вы не спросите меня, нравится мне или нет моя работа? Да нет же, совсем не нравится!

Они чокнулись. Достав из кармана носовой платок, Соколов вытер потное лицо, щедро намазал икру на хлеб. Прожевав, предложил:

— Давай на «ты», Игорь. К чему лишние церемонии?

— Нет проблем, Олег, — с трудом скрывая брезгливость, ответил Стрельцов. — Нет проблем!

— Ну и лады... Подзаправился... Теперь бы для души чего... Фильмы с девочками у тебя есть?

Стрельцов улыбнулся, подошел к шкафчику с видеокассетами:

— Для хорошего человека у меня есть в с е!

У фотокорреспондента АПН Олега Соколова не было ни же-

ны, ни родственников. Его родители погибли в годы войны. Олег воспитывался в детском доме под Смоленском и, окончив факультет журналистики МГУ, стал работать в молодежной газете. Лучше всего ему удавались репортажи о передовых предприятиях, очерки о процветающих подмосковных колхозах и фотопортреты ударников труда. Но с изменением облика газеты, вызванного перестройкой, Соколов почувствовал себя как-то неуютно при новом руководстве и, переговорив со знакомыми ребятами, перешел в АПН, уступив место своему стажеру.

Старательный, исполнительный, хотя и несколько однообразный в своих фотографических приемах, репортер хорошо зарекомендовал себя на новом месте, а когда он привез большой репортаж о нынешнем дне Саяно-Шушенской ГЭС, ему неожиданно оформили краткосрочную командировку в Мали. И хотя африканский репортаж Соколова был не из лучших, ему удалось оттеснить своих коллег на задний план и попасть в число счастливчиков, совершающих кругосветное плавание с экипажем научного гидрографического судна «Академик Петров».

Со Стрельцовым Олег познакомился, когда пришел в комиссионный магазин сдавать купленные во время стоянки в Сингапуре чистые видеокассеты. Игорь Михайлович, оказавшийся возле магазина совершенно случайно, машинально остановил наметанный глаз на фигуре чем-то похожего на него самого мужчины — те же сутуловатость, рост, короткая шея, отчего голова кажется втянутой в плечи... У него зародилась смутная мысль, что этот человек может быть ему полезен. Стрельцов сделал знак неотступно следовавшему за ним Хромому, и тот мгновенно купил у Соколова видеокассеты, заплатив за них в полтора раза больше, чем можно было получить при продаже через комиссионный магазин. Наблюдавший все это время за Соколовым Стрельцов решил представиться ему, и они обменялись телефонами.

После просмотра порнофильмов Соколов уговорил Стрельцова сходить к нему домой — посмотреть привезенный из недавней поездки в Италию альбом с репродукциями картин Пикассо. «Только захвати что-нибудь выпить, — попросил Олег, — а то у меня дома совсем ничего не осталось».

...Достав из книжного шкафа роскошно оформленный альбом швейцарского издательства «Скира», Соколов вопросительно посмотрел на Стрельцова. Тот спохватился и вытащил из кармана миниатюрную бутылочку английского джина. «Такие нам давали в самолете», — удовлетворенно кивнул Олег Михайлович и, отпив чуть больше половины, вернул бутылочку Биг Боссу. Через несколько минут, с трудом подавив зевок, Соколов произнес:

— Ты посмотри пока альбом, а я немного полежу...

Еще через несколько минут Биг Босс услышал громкий храп Соколова и, не таясь, вошел в его спальню, служившую одновременно кабинетом. Укрыв Олега Михайловича пледом, он кинулся к его столу. Там в полном беспорядке лежали листки бумаги с машинописным текстом, текстовки к фотографиям и сами фотографии, пустые и заправленные кассеты с фотопленкой, тюбики засохшего клея, старые газеты и журналы. Телефонный справочник АПН с грифом «Для служебного пользования» он нашел в среднем ящике под грудой журналов на испанском языке. Записную книжку с телефонами и блокнот Соколова, в который фотокорреспондент заносил текущие поручения, Биг Босс отыскал в верхнем, под пачками сигарет.

Достав миниатюрный фотоаппарат, Стрельцов начал быстро фотографировать телефонный справочник — страницу за страницей. На это ушло семь минут. Во внутреннем кармане пиджака Соколова он неожиданно обнаружил служебное удостоверение Агентства, членский билет Союза журналистов СССР и паспорт. Заснял и их.

Поправив на спящем плед, Биг Босс осторожно захлопнул за собой дверь.

На дачу к Лене он собирался утром, но теперь передумал и решил ехать немедленно. «Для Лены мое появление будет сюрпризом, — думал он, прибавляя газу, — и вообще, приятно, черт побери, знать, что твои труды будут вознаграждены».

Лена уже спала. «Впрочем, это даже к лучшему», — рассудил Игорь Михайлович, осторожно пробираясь в самую дальнюю комнату, где у него хранился портативный аппарат для проявки фотопленки, полученный вместе с миниатюрным фотоаппаратом от Роберта.

Биг Босс вставил фотопленку в аппарат, закурил и стал ждать. Спустя некоторое время влажные снимки лежали у него на столе. Стрельцов поставил аппарат обратно в потайное отделение старого платяного шкафа.

Запершись в своем кабинете, он принялся изучать снимки. В книжке Соколова были в основном записи типа «не забыть снести белье в прачечную», «зайти к такому-то взять у него то-то», «встретиться с тем-то для съемок материала» и так далее. Биг Босс недовольно поморщился: чтобы выудить из этого мусора крупницы полезной информации, надо быть очень удачливым человеком. Он решил перейти к изучению телефонного справочника и принялся методично переписывать в свою записную книжку фамилии и имена. Отныне Игорю Михайловичу предстояло, хотя бы в общих чертах, изучить привычки и характеры, манеру поведения и разговора этих пока еще не знакомых ему людей.

Покончив с этой процедурой, он снова взял в руки фото-

копии страниц дневника и записной книжки Соколова. Теперь читать их стало гораздо интереснее. На основании записей фотокорреспондента Стрельцов старался воочию представить себе людей, с которыми тот встречался по служебным делам. В отдельный список он занес фамилии тех, с кем Олег Михайлович имел наиболее тесные контакты.

В лесу было довольно прохладно. Игорь Михайлович закурил, но тут же с отвращением почувствовал, что сигареты за какие-то десять минут успели отсыреть, и затоптал окурки. Он подошел к машине и включил магнитофон. Мощные звуки голоса американской поп-звезды Мадонны далеко разносились по сумрачному лесу.

«Что-то не похоже на Роберта, — подумал Биг Босс, бросив взгляд на часы, — он всегда пунктуален...» Наконец, за деревьями показался свет автомобильных фар. Остановившись в нескольких метрах от стрельцовской «Волги», Роберт почему-то не спешил вылезать из своего «мерседеса». «Какая муха его укусила?» — недоумевал Игорь Михайлович.

— Добрый вечер, — приветствовал он Роберта, подойдя к его машине. Тот промолчал. Биг Босс пожал плечами и сел на переднее сиденье. На лице Роберта появилось выражение крайней брезгливости, он даже отодвинулся от Игоря Михайловича. После продолжительного молчания наконец прошипел:

— Я вам несказанно благодарен за Рокотова, Левицкого и Боровиковского. — Он злился, и от этого акцент чувствовался сильнее обычного.

— В чем дело? — резко спросил Стрельцов. Он понял Роберта, но решил разыграть праведный гнев.

— Вы обманули меня, а так деловые люди не поступают. На Западе не принято обманывать партнера, — закричал Роберт. — Вы продали мне поддельные картины. Я отказываюсь вести с вами какие-либо дела. Обманывайте других!

— Вы хоть что-то мне привезли на этот раз? — спокойно спросил Стрельцов.

Роберт протянул Игорю Михайловичу банковскую книжку:

— Ваш счет вырос на шесть тысяч девятьсот долларов.

— Шесть тысяч девятьсот? — эхом откликнулся Стрельцов. — Но ведь мы договаривались о з н а ч и т е л ь н о большей сумме!

— Из расчета, что вы продаете мне подлинники! — саркастически заметил Роберт. — Я не пожалел денег на багет, заказал рамки, характерные как раз для картин этого периода, и договорился с покупателем. Он пришел ко мне в сопровождении своего эксперта. И первое, что сказал эксперт — это то, что все картины поддельные. На глазах рушилась моя репутация честного человека, которая создавалась годами, и...

— Ну, и чем же все это кончилось? — нетерпеливо пере-

бил излияния дипломата Игорь Михайлович.

— Я был вынужден буквально за бесценок уступить картины одному итальянцу. Он вознамерился устроить на родине небольшую галерею, — пожал плечами Роберт. — В заключение я хочу дать вам один совет: помнится, вы как-то говорили со мной о желании совершить прыжок на Запад, то есть переехать на постоянное жительство в Европу. Тогда я поддержал вашу идею и даже пообещал за вас похлопотать, но теперь вижу: вам ни в коем случае нельзя этого делать. Вы не приспособлены к нашей жизни, ваш удел — быть российским жуликоватым дельцом...

Роберт захрипел — Стрельцов неожиданно вцепился ему в горло. Этот мерзавец высокомерно посоветовал ему забыть о своей мечте переехать за границу, мечте, под знаком которой Биг Босс провел последние дни и месяцы своей жизни и которая с течением времени становилась все более и более реальной!

Собрав последние силы, Роберт прохрипел:

— Вам не позволят...

— Что не позволят? — удивился Стрельцов, слегка ослабив хватку.

— Не позволят убить меня! В посольстве осведомлены о времени и месте нашей встречи. Если я не вернусь к назначенному сроку, посол немедленно свяжется с компетентными органами. Более того: в этом случае они получают ваш фотопортрет и отпечатки пальцев.

Стрельцов отпустил иностранца, дав ему отдышаться.

— Вы по-прежнему не хотите иметь со мной дела?

— Я же сказал, — загорячился Роберт, — между нами все кончено. Разве это не ясно?

Но в его тоне опытное ухо Игоря Михайловича уловило фальшивые нотки. И он не замедлил забросить наживку:

— А зря... Как раз сейчас у меня появились действительно интересные вещи. Но, конечно, вольному — воля.

Он вылез из «мерседеса» и шагнул к своей машине. Голос Роберта заставил его остановиться:

— Если это действительно любопытные вещи, я, быть может, возьму на себя в последний раз бремя оказать вам услугу...

«Сукин сын, — думал Стрельцов, подводя Роберта к багажнику своей машины. — Сколько же он положил себе в карман, распродав мои — пусть даже поддельные — картины?»

— Это — Сергей Радонежский, — пояснил Игорь Михайлович, указывая на первую икону. — Герой борьбы с татарами, можно сказать, национальный святой.

— Время? Где написаны?

— Манера письма — ярославская, написана приблизительно в середине семнадцатого века.

— В середине? — недоверчиво переспросил Роберт.

— Так сказал мне эксперт! — вспыхнул Биг Босс.

— Кто он?

— Искусствовед из Третьяковки.

— Хорошо, проверю. Показывайте дальше.

— Илья Пророк. Тоже из Ярославля. Конец семнадцатого века. По русским поверьям, этот святой был... как бы вам понятнее... ответственным за гром, молнию и дождь.

— Когда-то из России привозили иконы четырнадцатого, пятнадцатого веков, — заметил Роберт. — А сейчас радуются какой-то заваленной доске гораздо более позднего периода... А это, насколько я понимаю, Спас с клеймами?

— Вашей эрудиции можно только позавидовать! И обратите внимание, в каком он состоянии. Вам не придется тратиться на реставрацию. К тому же иконам не требуется багет.

— Сто пятьдесят тысяч, — произнес он после тяжелого раздумья.

— Хорошо, — рассмеялся Стрельцов. — Только не забудьте привезти мне каталог. Не надо делать удивленные глаза — мне прекрасно известно, что когда на Западе продается крупная коллекция старинных вещей, обязательно издается подробный каталог с примерными ценами.

«Все знает, стервец», — с ненавистью подумал Роберт.

— Вы привезли мне анаболические стероиды? — требовательным голосом спросил Стрельцов.

— Учтите: в моей стране они, подобно наркотикам, объявлены вне закона. Мне пришлось обращаться к знакомым врачам...

— Вы привезли и таблетки, и ампулы? — перебил Биг Босс. Он терпеть не мог, когда этот нахал под любым предлогом пытался набивать цену.

— Да. К ампулам приложены одноразовые шприцы. Предупредите тех, кому будете сбывать эту продукцию: необходимо тщательно соблюдать все правила гигиены! Иначе на месте уколов образуются фурункулы и долго не заживающие язвы.

— Бесполезно, — махнул рукой Стрельцов. — В нашей стране и руки-то перед едой моют не все. Протеин привезли?

— Две коробки! В сумме все это стоит тридцать тысяч.

— Двадцать пять.

— Двадцать семь.

Биг Босс хитро посмотрел на Роберта:

— А вы, оказывается, живя у нас в России, и торговаться научились по-русски.

— С волками жить — как инфекция, ничего не стоит заразиться, — вздохнул тот. — Кстати, куда вам столько анаболиков и белкâ?

— Все хотят выглядеть, как Арнольд Шварцнеггер — и мужчины, и женщины.

— А что-нибудь удалось сделать с помощью фотоаппарата?

— Не знаю, что и сказать, — промямлил Игорь Михайлович.

— Скажите как есть, — отрывисто произнес Роберт.

— Конкретно ничего. Пока. Но я навел мосты в Агентство Печати Новости.

— На кого вы вышли — председателя правления, начальника управления кадров? — едко осведомился Роберт.

— Выбор у меня большой, — не принял его иронии Биг Босс. — Несколько главных редакторов, их замы и секретарши, множество рядовых журналистов.

— Так, так, — медленно проговорил Роберт. — А какой характер носят эти контакты — деловой, личный?

— И так и эдак. Больше, конечно, я общаюсь с апэзновцами по служебным делам, но одновременно эти люди бывают у меня в гостях, и я тоже наносу им ответные визиты... Мы встречаемся на премьерных модных фильмах, видимся на нашумевших выставках. Многим я помогаю в приобретении дефицитных товаров. А уж вы-то понимаете, как высоко подобные услуги ценятся в нашей нищей стране.

— Это я понимаю. А скажите-ка, Стрельцов, какие служебные дела могут быть у вас с АПН?

— Не доверяете, — констатировал Игорь Михайлович, закуривая. — А то, что у АПН, помимо штатных журналистов, есть нештатные авторы, которые пишут, публикуются и получают гонорары наравне с работниками Агентства, вам известно? Забыли, как вы сами впервые обратились ко мне? Как внештатный корреспондент иностранной газеты, интересующийся русской жизнью!

— Понятно, — кротко кивнул Роберт. — Но нам больше подошел бы человек, проработавший в АПН не менее трех-пяти лет.

— Важно не то, сколько человек работает, а насколько развита у него способность схватывать все на лету!

— Действительно, эти качества — наиважнейшие. Но почему бы вам и в самом деле не устроиться на постоянную работу в Агентство? Ведь, насколько мне известно, ваша биография ничем не запятнана.

— Если я буду работать в Агентстве, ни о каких иконах, серебряных изделиях фирмы Фаберже, картинах Левицкого и Боровиковского не может быть и речи. Я буду заниматься журналистикой и, если сил хватит, мелкой фарцовкой, чтобы не умереть с голоду. Вот и решайте, друг мой, что вам выгоднее: иметь меня своим агентом или же деловым партнером!

— Ладно, шутки в сторону, — неожиданно сказал Роберт. — По нашим данным, часть собственных корреспондентов АПН на самом деле — работники КГБ. Если вы сможете добыть их имена, я вас не обижу.

— Ни за что!

— Почему?

— Потому что самое худшее, что могут сделать с вами — это объявить персоной нон грата. А со мной церемониться никто не станет. Вы же предлагаете мне заниматься откровенным шпионажем!

— Скажите, а что... криминального в том, что один человек, скажем, внештатный корреспондент АПН, выслушает в курилке или кафетерии сплетни, разговоры и слухи на интересующую меня тему, а потом перескажет их мне?

— Вы думаете, такие темы обсуждаются за сигаретой и чашкой кофе?

— Милейший Игорь Михайлович! Из более чем трехлетнего пребывания в вашей стране я уже вынес одно твердое убеждение: русских хлебом не корми, но только дай посплетничать. Особенно на щекотливые темы — о взяточничестве высших руководителей, об их дачах, предполагаемых любовницах. КГБ — не исключение!

— Считайте, что я согласен, — неожиданно произнес Стрельцов.

— Я вам позвоню.

. . .

Дергушин слушал доклад Смирнова, не перебивая. Много интересного о московской группе поведал Алексею Звенигородский, решивший наконец, порвать с Биг Боссом. Задав два-три уточняющих вопроса, Дергушин дал краткую, но ясную установку: «Быть наготове. Ждать. Все внимание — шефу, Хромому и их окружению».

. . .

— Олег Михайлович?

— А, это вы! — обрадовался Соколов. — Вы знаете, в субботу я улетаю в Турцию. Хочу оттуда привезти...

— Это не телефонный разговор! — мягко остановил его Стрельцов. — Во сколько вы должны быть в аэропорту?

— К десяти часам. А что?

— Видите ли, всю эту неделю я страшно занят, у меня буквально ни одной минуты нет свободной. Что, если я подъеду к вам прямо в субботу? С утра? Часиков в восемь? У меня уже есть конкретный заказ, и обсуждение много времени не отнимет.

— Да... конечно... но все-таки лучше бы было, если...

— И еще мне хочется передать вам бутылку «Столичной». Говорят, это лучший сувенир, который можно взять в заграничную поездку.

. . .

Не дождавшись звонка от Роберта, Стрельцов набрал его номер сам. К телефону подошла женщина, видимо, жена. Когда она узнала, с кем разговаривает, тон ее сразу изменился —

стал сухим и неприветливым. Она сказала Игорю Михайловичу, что Роберта нет на месте. «В последнее время у него очень много работы, и он вряд ли сможет выделить время для встречи с вами», — заключила она.

— Постойте! — закричал Биг Босс. Он решил воспользоваться тем паролем, который Роберт дал для сообщения о появлении интересующей его разведку информации. — У меня поднялась температура, тридцать восемь с половиной. Не могли бы вы помочь с лекарством?

— Чем вы заболели? — мгновенно отозвалась женщина.

— Грипп.

— Подождите, пожалуйста. — Стрельцов услышал, как она произнесла несколько слов по-английски. Через минуту дипломат, которого «не было дома», говорил с ним:

— Я встречу вас на улице 1905 года в двадцать два часа. Буду в своей машине. Остановитесь сзади — у вас-де забарахлил мотор. Обратитесь ко мне за помощью.

До встречи оставалось полтора часа. Немного успокоившись, Игорь Михайлович выхватил из папки фотокопии телефонного справочника АПН и выбрал наугад семь фамилий. После непродолжительных раздумий он прибавил еще две. «Если я получу по тысяче долларов за каждую, это будет просто великолепно», — решил он.

...Остановившись в десяти метрах от «мерседеса», Игорь Михайлович выскочил из своей «Волги» и с ворчанием открыл капот. У постороннего зрителя создавалось впечатление, что в его машине забарахлил мотор. «А запасные свечи-то я позабыл!» — громко сокрушался Биг Босс, исподтишка поглядывая на стоящий впереди автомобиль с иностранным номером. Наконец он решительным шагом направился к «мерседесу».

...Притворяясь, будто ищет свечи в багажнике, Роберт спросил: — Что вы привезли мне?

— Список работников КГБ, которые под видом корреспондентов АПН готовятся к поездке за рубеж, — прошептал Стрельцов, протягивая Роберту запечатанный конверт. — Всего — девять фамилий. Последние пять я смог добавить только вчера. Все они в ближайшее время должны уехать, поэтому я и решился связаться с вами.

— Хорошо! За эти сведения вы получите... пять тысяч долларов.

— Честно говоря, я рассчитывал на большее, — скривился Стрельцов.

— Хорошо — семь. Но учтите — если это дезинформация, то не ждите пощады, когда окажетесь у нас, на Западе. За иконы вы получили от меня сто пятьдесят тысяч. Итого на вашем счету теперь сто семьдесят тысяч.

...Пользуясь темнотой, Стрельцов значительно превышал скорость. «Эстонцы перевели за границу более миллиона

каждый, — ярился он, притормаживая перед опущенным железнодорожным шлагбаумом. — А со ста семьюдесятью тысячами на Западе делать нечего...» У него оставался единственный выход — раздобыть несколько картин Левицкого и Боровиковского, украденных из музеев и частных коллекций Москвы и Петрограда в годы гражданской войны. Картины, деньги от продажи которых предназначались для поддержки белого движения, не удалось вывезти за границу из-за неожиданного контрнаступления Красной Армии. С небольшими потерями эти произведения искусства пережили войну и осели в трех среднеазиатских частных собраниях. Владелец одного из них дважды предлагал Стрельцову приобрести эти картины, но Игорь Михайлович неизменно отказывался: за них просили космические цены — по килограмму золота за квадратный метр полотна.

Чтобы собрать необходимую для покупки картин Левицкого и Боровиковского сумму, Игорю Михайловичу пришлось срочно распродавать драгоценности и анаболики, фарфоровые сервизы и редкие книги.

Прилетев с картинами из Ташкента Игорь Михайлович не знал, что на Петровке, 38 уточнялись последние детали операции по пресечению преступной деятельности всей его группы.

Удобно устроившись в любимом кресле, он набрал номер телефона Роберта. Ответила жена, столь же сухо, как и в прошлый раз. И добавила:

— Его срочно вызвали на родину, но он должен вернуться в субботу, в восемнадцать вечера.

— Тогда, может, вы возьмете товар?

Но она отказалась забирать картины.

— Хорошо, — сказал Игорь Михайлович, — сделаем так: мы с вами сейчас встретимся, я передам вам ключи от квартиры, где находится товар. Ждать я не могу — уезжаю за новой порцией на Украину, — тут же сочинил легенду. — Когда Роберт прилетит, пусть заберет полотна, а гонорар переведет на мое имя в банк. Как обычно.

Он понимал, что идет на риск: Роберт мог и не расплатиться...

Не дождавшись Стрельцова, Соколов суетливо укладывал свои вещи. Такси должно было прийти через десять минут. Наконец раздался долгожданный звонок в дверь. Но когда фотокорреспондент открыл, в лицо ему ударил резкий запах газа и он потерял сознание. Игорь Михайлович обыскал Соколова, переложил в свой пиджак содержимое его карманов. Подхватив сумку фотокорреспондента, вышел на улицу и огляделся по сторонам. Рядом взвизгнула тормозами салатова «Волга»:

— Соколов? Такси заказывали?

— В Шереметьево-2.

Стрельцову пришлось порядком поволноваться при прохождении паспортного контроля. Ему показалось, что пограничник слишком долго сверяет его лицо с фотографией в паспорте. Но дальше все пошло по заведенному порядку: люди переходили из одного зала ожидания в другой; багаж, обвешанный бирками, уносили черные ленты транспортеров; вокруг прилавков магазина беспошлинной торговли и киосков, торгующих мороженым и прохладительными напитками, была обычная толчея. За толстыми стеклами аэровокзала виднелись красавцы-лайнеры с разноцветными буквами и эмблемами на фюзеляжах и хвостах.

Засмотревшись на иностранные самолеты, Стрельцов не заметил, как к нему подошла девушка в синей форме. Она дотронулась до рукава Игоря Михайловича и суровым тоном произнесла:

— Вас давно ищут.

«Милиция? Прокуратура? Комитет госбезопасности? Или все вместе?» — бурей пронеслось в голове Биг Босса. Он почувствовал, как горит лицо под резиновой маской и ощутил противную слабость в коленях.

— Пройдите туда, — махнула женщина рукой.

На негнущихся ногах Стрельцов направился к трем мужчинам, которые при его приближении смолкли.

— Это он, — сказал один из них. — Привет, Олег! Где ты пропадаешь? Мы даже в Агентство звонили, а потом тебе домой. Ты не заболел? Лицо припухло.

— Попей с мое — и не таким станешь, — нашелся Стрельцов.

Журналисты посмеялись и перестали обращать на него внимание.

Вскоре пригласили на посадку. Стрельцов уже сидел в кресле авиалайнера, когда самолет, в котором летел Роберт, приземлился в Шереметьево-2.

Естественно, Игорь Михайлович не мог знать, что Роберт побывал в квартире Карины, пробыл там чуть более получаса, вынес картины и положил их в багажник своего «мерседеса». Не знал Игорь Михайлович, что Роберта задержали с поличным, что он всего лишь тридцать минут обладал национальной гордостью русского народа, произведениями великих художников России, тех, кто стоял у истоков ее мировой живописной славы, — Боровиковского и Лезицкого! Стрельцов летел в Турцию, рассчитывая в будущем сорвать немалый куш от проданных Робертом картин и не предполагал, что тому осталось жить в СССР всего сорок восемь часов.

Московская милиция сбилась с ног, разыскивая Стрельцова. И только в воскресенье к вечеру к Дергушину поступила интересная информация, которой он поделился со Смирновым:

исчезнувший в Турции фотокорреспондент АПН Олег Соколов объявился в Москве. Он очнулся от действия дурманящего вещества в своей квартире.

Через советское Министерство иностранных дел в Турецкую Республику был направлен запрос с требованием выдачи опасного уголовного преступника Игоря Михайловича Стрельцова.

Через шесть дней пришел подписанный заместителем министра общественной безопасности Турции ответ: человека с таким именем, фамилией и приметам на территории Турецкой Республики не обнаружено. . . .

От своих «коллег» из АПН Стрельцов оторвался в гигантском универсальном магазине, выстроенном в центре Стамбула специально для иностранных туристов. Никто из его спутников не придал значения этому исчезновению — засмотрелся человек на иностранные товары, скоро вернется, денег все равно мало.

Продавец небольшого магазина радиоаппаратуры любезно объяснил Игорю Михайловичу, как добраться до знаменитой мечети Ай-София. Оказалось, до нее всего десять минут ходьбы. В экскурсионном бюро свободно принимали доллары США, и Стрельцов купил себе один билет. В мечети он принялся медленно прохаживаться вдоль украшенных изречениями из Корана стен, пристально всматриваясь в лица проходящих мимо туристов. Много было японцев. Они ходили тесной толпой и четко поворачивали головы по приказу экскурсовода. Попадались также экспансивные французы, сдержанные шведы и норвежцы, шумные итальянцы. В отдалении Биг Босс заметил группу загорелых людей в одинаковых красных панاماх с большими белыми крестами — швейцарцы.

Закончив осмотр Ай-Софии, швейцарцы потянулись к выходу. Стрельцов заметил одного, чем-то похожего на него, зашагал вслед группе.

Швейцарцы пообедали в маленьком рестораничке неподалеку от мечети, шумно задвигали стульями и оглянулись осматривать старую часть Стамбула. На узких улочках было множество мелких лавок, в которых продавалось все — от новейших японских телевизоров до доисторических малоазийских бронзовых светильников. Завидев туристов, продавцы опрометью выскакивали из магазинчиков и с поклонами затаскивали их внутрь. Очень скоро они растащили всю группу. Смеясь, швейцарцы договорились встретиться через два часа в гостинице.

Выждав подходящий момент, Стрельцов подошел к «своему» швейцарцу и тронул его за рукав.

— Я — археолог, приехал сюда два месяца назад для раскопок древнегреческой колонии на побережье Мрамор-

ного моря. Результаты — потрясающие, но так как все деньги, выделенные университетом и археологическим обществом, иссякли, работы приходится сворачивать...

— Понимаю, — блеснул глазами швейцарец. — Вам повезло: я владелец антикварного магазина в Берне Ганс Кристофер и с радостью куплю у вас наиболее интересные вещи. У меня есть знакомые на турецкой таможне, так что проблем с вывозом не возникнет.

— Прекрасно! — обрадовался Стрельцов и повлек швейцарца за собой. Они прошли около двухсот метров. За это время Игорь Михайлович успел поведать антиквару, что он нашел одну диадему из золота, несколько пар серег из электрона — сплава золота с серебром, и склеил из фрагментов две краснофигурные вазы. Швейцарец довольно кивал головой. Заметив слева от себя прямоугольное отверстие в стене — вход во двор — Биг Босс решительно показал туда рукой. Швейцарец шагнул вслед за Стрельцовым, который, неожиданно повернувшись, обрушил на него страшный удар.

Опустившись на колени, Стрельцов принялся выворачивать карманы убитого. Обнаружив связку ключей, с сожалением отложил ее в сторону. Зато толстый бумажник с внушительным количеством швейцарских франков и американских долларов и — самое главное — паспорт чрезвычайно обрадовали его.

Стрельцов вышел на улицу степенным шагом и, спустившись к маленькой площади, позвал такси. Дорога до аэропорта заняла не более четверти часа. Сунув водителю пятидолларовую бумажку, Стрельцов поспешил к стойке авиакомпании «Свиссэр» и осведомился, когда вылетает ближайший самолет в Женеву.

...Женева встретила Игоря Михайловича ярким солнцем и пронзительно-голубым небом. То, чего он боялся больше всего — таможенный и пограничный контроль — прошли гладко, лучше сказать, незаметно. Офицер-пограничник мельком взглянул на паспорт и без всякого досмотра выпустил Стрельцова из контрольной зоны.

Подойдя к стоянке такси, Биг Босс попросил отвезти его в недорогой, но приличный отель. Таксист подумал и предложил Стрельцову «Эпсом».

Стрельцов знал, что в западных гостиницах принято останавливаться под вымышленными фамилиями. Во всяком случае, так поступали все знаменитости, которые не хотели бы привлекать к себе внимания прессы. Поэтому он заявил консьержу:

— Поссорился с женой. Хочу, чтобы она поняла, как плохо жить без меня. — И записался он под именем Макса Фишера.

Сочувственно улыбаясь, консьерж протянул ему ключ от номера. Как видно, у него тоже были проблемы в семейной жизни.

Номер Стрельцову понравился — он был маленький, но

уютный. На кухне стоял небольшой холодильник и трехконфорочная электроплита. В кухонном шкафу были аккуратно разложены разнообразные кастрюли и сковородки, ножи, вилки, ложки и штопоры для бутылок. «Завтракать я буду в ресторане отеля, а обед готовить сам, — решил Стрельцов. — Так обойдется значительно дешевле».

Он повесил пиджак на спинку стула и мгновенно заснул. На следующее утро Биг Босс встал бодрым и свежим. Позавтракав, пошел в свой банк, руководствуясь взятым в холле «Эпсому» путеводителем по Женеве. Толкнув тяжелую, окованную медью дверь «Интермаритайм банка», Стрельцов очутился в полутемном прохладном холле. Стены были облицованы коричневым мрамором, с потолка на длинных позолоченных цепях свисали тяжелые люстры. Подойдя к окошечку, Биг Босс просунул свои документы и сквозь ажурную решетку стал наблюдать за действиями кассира. Тот быстро набрал на дисплее нужную группу цифр и что-то спросил у Стрельцова по-французски.

— Пожалуйста, говорите по-английски, — попросил Биг Босс.

— Что вы хотите — снять деньги со счета или, наоборот, положить?

— Я просто хочу узнать, сколько у меня денег.

Книжку с проставленными банковской машиной цифрами Игорь Михайлович раскрыл только на другой стороне Женевского озера, сев на скамейку под платанами.

Итак, на его счету сто девяносто пять тысяч долларов. «Но это все равно ничтожно мало», — вздохнул Биг Босс и медленно побрел вдоль набережной. Перед ним расстилалась спокойная голубая гладь с яркими точками нарядных яхт. Прозрачный горный воздух делал весь пейзаж похожим на праздничную открытку...

На следующий день Стрельцову позвонил Роберт. Он сказал, что хочет встретиться для обсуждения финансовых вопросов. Голос Роберта прямо-таки сочился медом, но опытное ухо Биг Босса было трудно обмануть.

Стрельцов сунул в карман пиджака баллончик со смертельным нервно-паралитическим газом, год назад врученный ему в Москве Робертом, спустился в вестибюль отеля и, отдав ключ консьержу, вышел на улицу.

Ресторан «Эдвардс», куда пригласил его Роберт, был расположен на Рю-де-Берн в районе красных фонарей.

Роберт явился в черном фраке с бабочкой, из кармана у него торчал краешек красного платочка.

— Как дела, старина? — ослепительно улыбаясь, приветствовал он Стрельцова по-русски. — Как устроился в Женеве?

Щелкнув в воздухе пальцами, Роберт подозвал официанта.

— Я хочу угостить тебя русской водкой, — доверительно

произнес Роберт. — Нельзя, чтобы ты забывал вкус матушки-России.

Официант торжественно внес на блестящем подносе бутылку «Столичной» и стакан, блюдечко со льдом, щипчики, нарезанный тонкими кружками лимон. Следом за ним принесли поднос с бутылкой виски и высоким стаканом. Стрельцов вопросительно взглянул на Роберта, и тот, разведя руками, пояснил:

— Извини, старина, но поскольку я почти у себя дома, то буду пить своё любимое виски. Если честно, то за годы, проведенные в России, я так и не сумел стать поклонником водки.

— Что ж, сколько людей, столько вкусов, — легко согласился Биг Босс и наполнил свой стакан. Он бросил в водку две лимонные дольки, три кусочка льда. Роберт смотрел на Стрельцова колюче-ласковым взглядом.

Официант принес омаров.

— Ты ведь ни разу их не пробовал? — спросил Роберт Стрельцова.

— Ошибаешься, — вынужден был разочаровать его Биг Босс, — вкус этого деликатеса мне знаком.

— Прекрасно. А теперь о деле. Тот список агентов КГБ, который ты вручил мне в Москве, получив за это семь тысяч, никуда не годится, — улыбаясь, произнес Роберт. — В нем нет ни одной настоящей фамилии. Это фальшивка, притом довольно грубая.

— Не может быть! — удивился Стрельцов. Он искренне полагал, что хотя бы один из взятых им наугад сотрудников Агентства непременно окажется разведчиком.

— Давай говорить начистоту, — предложил Роберт. — Я признаю, что в этой игре ты сумел меня перехитрить. Честно говоря, я даже не предполагал в тебе таких способностей. Как умело, а главное, как естественно ты вел свою партию! — Он наклонился к Стрельцову: — Тебя уже, наверное, можно поздравить с очередным званием?

— С каким званием?! Единственное звание, которое я получил, это ефрейтор. Но это было так давно! Еще в армии!

— Умный человек, а строит из себя дурачка, — пожурил его Роберт.

— Что ты имеешь в виду? — вскинулся Стрельцов. Он побледнел и далеко отставил от себя стакан, так и не пригубив водки.

— Ты лучше выпей, а то не совладаешь с нервами, — посоветовал Роберт. — Не бойся, я тебе объясню все в подробностях! Итак, «крышу» ты выбрал себе превосходную — разыграл из себя подпольного дельца и в этом обличье сбывал мне поддельные картины, современное серебро и прочий мусор, получая оплату в твердой валюте. Я же знаю, — прибавил Роберт с издевкой, — как Советский Союз нуждается в конвертируемой валюте, и КГБ — не исключение.

— Неужели ты действительно думаешь, что я — работник КГБ?

Роберт, нахмурившись, вертел в руках стакан. Потом он стукнул им по столу:

— Но так оно и есть!

— Хорошо, — стараясь быть спокойным, произнес Стрельцов, — тогда как же ты объяснишь тот факт, что последние картины Левицкого и Боровиковского были подлинными?

— С этим я не спорю... Они действительно настоящие. Как и несколько предыдущих икон. Но только они были использованы для того, чтобы скомпрометировать меня и убрать из СССР. Я объявлен персоной нон грата и пока проживаю в Брюсселе. Да тебе, должно быть, известно об этом! Я полагаю, что в КГБ просто посчитали мои условия неподходящими и нашли более сговорчивого партнера.

— Теперь понятно, почему на мой счет не переведены деньги! — вырвалось у Стрельцова.

— Надо отдать тебе должное, — заметил Роберт, — маневр со швейцарским паспортом был задуман просто великолепно. Но тебя подвела жадность: ты хотел как можно скорее получить деньги и поэтому прямоком направился в «Интермаритайм банк». Мы признаем твоё превосходство в первой фазе операции, — продолжал Роберт, — но теперь ты оказался на чужой территории. Помнишь, что ты говорил мне в Москве? Законы игры здесь диктуем мы! Итак, первый вопрос: с какой целью ты нелегально перебрался на Запад? Есть ли надежный резидент в Женеве и кто он? Сколько времени ты собирался пробыть в свободном мире под своей «крышей», — я имею в виду, используя паспорт человека, убитого грабителями в Стамбуле?

«Он не знает, что Ганса Кристофера пристукнул я», — мелькнуло у Игоря Михайловича.

— Можешь думать обо мне все, что угодно, — твердо ответил Стрельцов, — но только я — не работник КГБ! Я действительно подпольный делец, глава — теперь уже бывший, — усмехнулся он, — одной из группировок... скажем... московской мафии. И на Запад я пробрался сам, понимаешь, сам! Не для того, чтобы выполнять задания разведки, а чтобы жить здесь и не трястись от страха быть однажды избитым, ограбленным или арестованным. И не моя вина в том, что я продавал тебе подделки — меня самого обманывали. А провал с картинами произошел потому, что, как я думаю, один мой человек донес на меня в милицию.

— Предположим, это так. Но скажи, как тебе удалось перебраться на Запад?... У вас ведь такой... контроль...

— Чудом! С помощью баллончика с газом я одурманил Олега Соколова — вот его паспорт. А вот маска, придавшая мне внешнее сходство с этим фотокорреспондентом, — кста-

ти, фигуры у нас тоже одинаковые. В составе группы работников АПН, к счастью, плохо знающих Соколова, я вылетел в Анкару. В Стамбуле я, а не грабители, как ты сказал, убил туриста из Швейцарии. С его паспортом и на его деньги прилетел сюда. В «Интермаритайм банке» я узнал, что гонорар за Боровиковского и Левицкого еще не переведен на мой счет, и стал ждать...

— Это — правда? — кровь медленно отливала от лица Роберта.

— Клянусь, — торжественно произнес Биг Босс. — От первого до последнего слова.

Роберт закрыл глаза и просидел так минут пять. Потом он натянуто улыбнулся и пробормотал.

— А это даже к лучшему! Я тебе поверил! Видит Бог, поверил!

— Так бы сразу!

— Но тебе-то от этого не легче! Посуди сам: в иконы, серебро и прочий антиквариат я вкладывал собственные деньги и проворачивал эти операции на свой страх и риск. Мало того, с твоей помощью я засветился, а это стоит гораздо больше, чем все твои гонорары. Какой же выход? Единственный — придется тебя уничтожить.

Стрельцову стало плохо. Он залпом выпил водку.

— Да, я верю тебе, — жестко продолжал Роберт, — случай просто феноменальный. На месте покойного Флеминга я написал бы о тебе роман и снял бы по нему фильм. Может быть, на старости лет я так и сделаю. Но сейчас... сейчас ты выпил водку, в которой растворен медленно действующий яд. Противоядие — вот оно. — Роберт вынул из кармана небольшой стеклянный флакончик и потряс им перед лицом Стрельцова. — Если ты подпишешь требование выдать мне скопившиеся на твоём счету деньги, я дам его тебе.

Роберт подозвал господина в котелке, что-то шепнул ему на ухо. Через две минуты тот вернулся с дипломатом из крокодиловой кожи, из которого Роберт извлек нужную бумагу и протянул ее Стрельцову:

— Достаточно вписать количество денег и расписаться. Все остальное уже проставлено.

— А если я не приму противоядие... когда меня не станет? — хрипло спросил Игорь Михайлович.

— Через пятнадцать-двадцать минут, — ответил Роберт, взглянув на часы.

— Сволочь! — резко произнес Биг Босс.

Роберт пожал плечами и выразительно посмотрел на циферблат.

«Моя песенка спета, — с неожиданным спокойствием подумал Стрельцов. — Везение кончилось. Прыжок оказался преждевременным. Живым мне из этой волчьей ямы не выб-

раться. А отдавать все, что имею, в обмен на возможность влачить нищенское существование... Нет, не стоит вся эта затея таких трудов! Единственное, что мне остается, — это постараться уйти достойно!»

Рука Игоря Михайловича потянулась во внутренний карман пиджака. Роберт торжествующе улыбнулся и с готовностью предложил Стрельцову свое вечное перо. Однако Биг Босс отрицательно покачал головой и, резко выдернув из кармана баллончик с газом, направил струю прямо в противное длинное лицо Роберта. Прежде чем помощники Роберта успели что-либо сделать, Стрельцов перевернул баллончик и вдохнул летальную дозу. Так начался его прыжок в небытие.

Содержание

Виталий СМЕРНОВ

ЛОВУШКА ДЛЯ УБИЙЦЫ . . . 3

Платон ОБУХОВ

ПРЫЖОК БИГ БОССА . . . 119

Главный редактор **А. Г. Черненко.**
Редакторы выпуска **Л. Б. Михайлова,**
Ю. Д. Кокорин.
Главный художник **Е. И. Спиридонов.**
Иллюстрации **В. Е. Чумакова.**
Рисунки на обложке
и титуле **Е. И. Спиридонова.**
Художественно-техническое
оформление **Л. В. Мазниченко.**
Корректоры **Л. С. Орлова, Н. Б. Пичугина.**

Сдано в набор 21.03.91.
Подписано к печати 10.06.91.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂.
Условных печатных листов 8,4.
Печатных листов 5,0.
Тираж 250 000 экз.
Цена 2 руб. 60 коп.
Заказ 2152.

Адрес редакции: 127434. г. Москва, ул. Ивановская, 24.
Телефоны: 211-06-69, 216-86-66.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати, г. Тверь, пр. Ленина, 5.

В случае обнаружения полиграфического брака в экземплярах издания просьба обращаться в Тверской полиграфкомбинат по адресу: 170024 г. Тверь, проспект Ленина, 5. Телефон ОТК 4-94-05.
Всеми вопросами распространения «библиотечки» занимаются местные и областные отделения «Союзпечати».

«В И К О Н Т»

малое предприятие

УСЛУГИ ОРГАНИЗАЦИЯМ И ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ В ИЗУЧЕНИИ СПРОСА И РЕАЛИ- ЗАЦИИ ПРОДУКЦИИ:

организация участия в международных и внут-
рисуюзных выставках и ярмарках;
все виды рекламы за рубежом и в СССР;
представление разнообразной коммерческой
информации.

Адрес: 111112, Москва, ш. Энтузиастов, д. 6, МП
«ВИКОНТ»

Телефон: 298-62-72

Телекс: 411610 MEI SU PISAKIN

Телефакс: 362-80-70

CONTACT

ОБ АВТОРАХ

Виталий Владимирович СМИРНОВ,
подполковник внутренней
службы в отставке, живет и
работает в Саранске.

В. Смирнов - лауреат Всесоюзного
литературного конкурса МВД
СССР и Союза писателей СССР

1970 года. Роман

"Ловушка для убийцы",

самостоятельное произведение,

тем не менее является

заключительной книгой

трилогии о сотруднике уголовного
розыска Есипове.

Первая книга - роман

"Расплата" - издана мордовским
книжным издательством в 1987

году. Вторая - "При загадочных

обстоятельствах" - планируется

к изданию в том же издательстве

в этом году. А последняя перед

Вами, читатель.

Платон ОБУХОВ родился в 1968
году. Окончил МГИМО.

Сейчас работает в советском

представительстве на

Шпицбергене.

Публиковался в АПН,

газете "Советская Россия",

журналах "Здоровье" и "Огонек".

"Прыжок Биг Босса" - первый опыт

литературного произведения

детективного жанра. Пожелаем

молодому автору творческой удачи.

Цена 2 руб. 60 коп.